

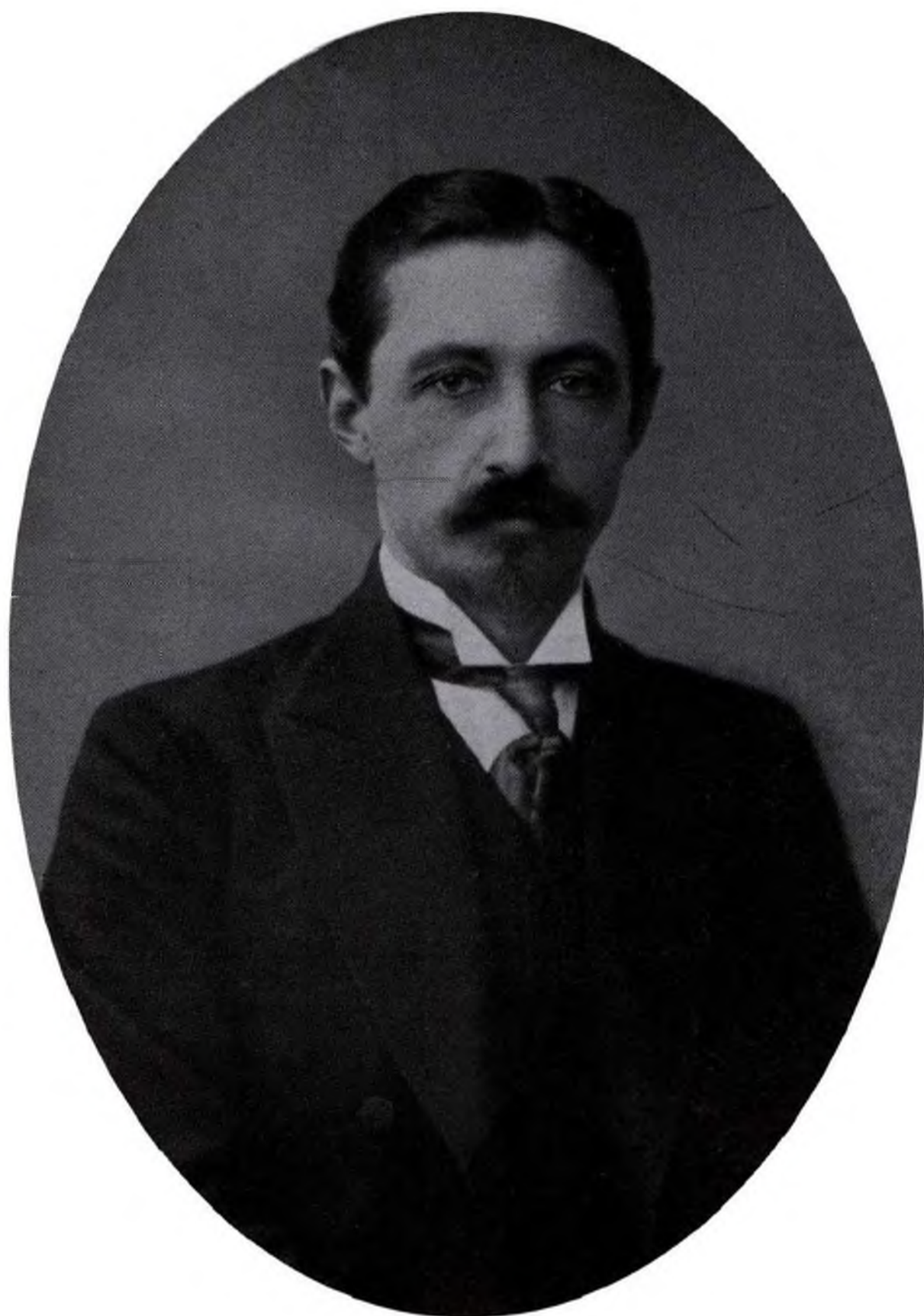
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

II

ПЕТРОПОЛИСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

II

ДЕРЕВНЯ

СУХОДОЛЬ

ПЕТРОПОЛИСЬ / 1934 г.

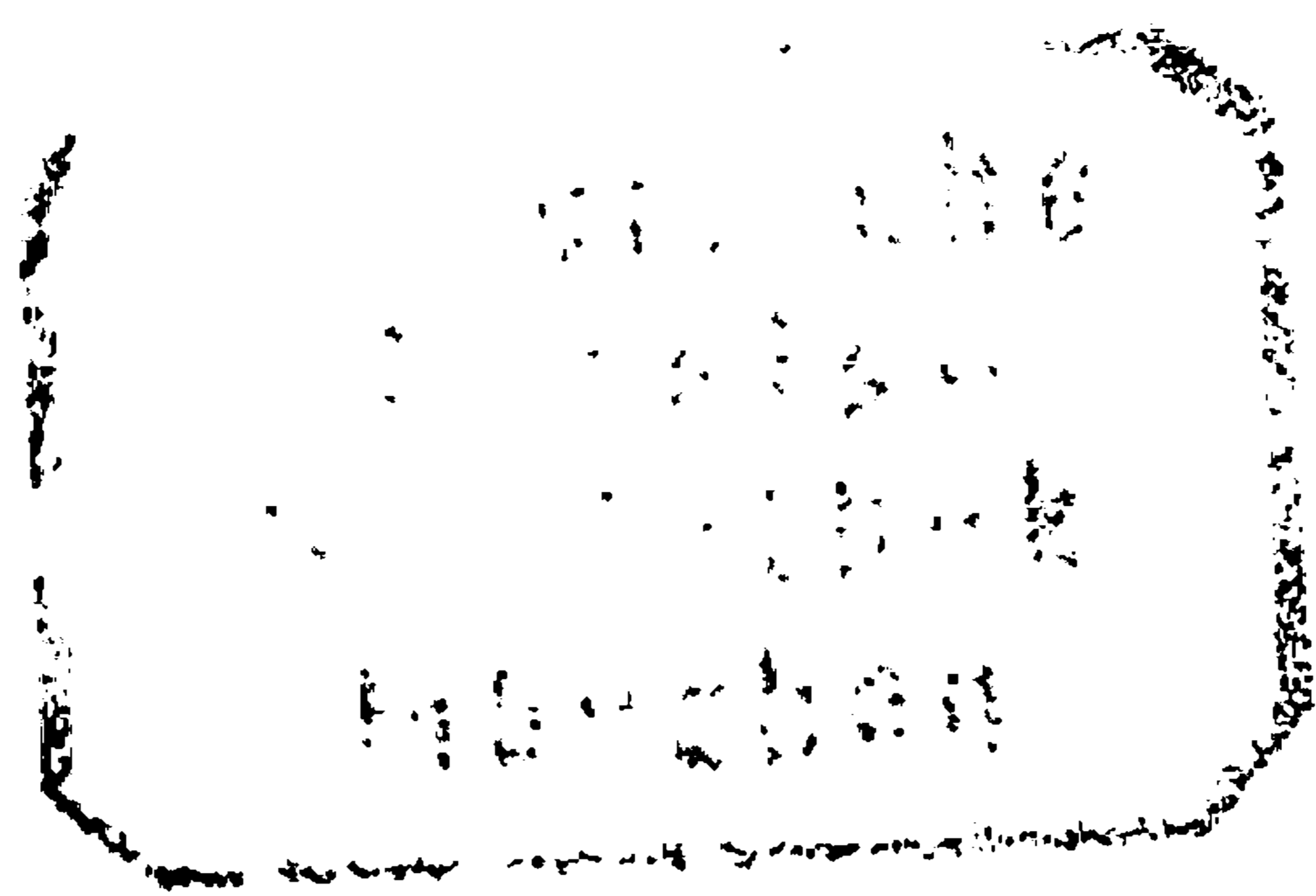
**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

Copyright 1934 by Ivan Bunin.

Buchdruckerei Speer & Schmidt, Berlin SW 68, Alexandrinenstr. 105-106.

ДЕРЕВНЯ

ПОДТОРЖЬЕ

Конецъ мая, и въ полѣ еще прохладно, дуетъ вѣтеръ, то и дѣло прячется въ облака солнце, идутъ тѣни и свѣтъ.

Бхали, тряслись на телѣжкѣ часа четыре. Устали, и все надоѣло. Но вотъ наконецъ открылась въ широкой дали картина города, забѣлѣла полоса шоссе, бѣгущаго къ нему, — и веселѣе шевельнули вожжами, покатали вдоль него рысью, обгоняя прочихъ ѣдущихъ на ярмарку. Повеселѣла и погода, вѣтеръ стихъ, и все приближающійся городъ, его монастырь, острогъ, кресты церквей и стекла домовъ уже видны ясно, блестятъ противъ вечерняго солнца.

И воздухъ сталъ мѣняться. Онъ еще прохладный, миндальный, полевой, но уже мѣшается со множествомъ прочихъ запаховъ. За телѣгами идутъ привязанныя къ нимъ лошади и коровы. На рогахъ коровъ тоже блеститъ низкое солнце, коровы идутъ медленно, съ женственной неловкостью. Молодые кобылки и жеребчики, когда ихъ объѣзжаешь рысью, красиво и гнѣвно горячатся, шарахаются. И пахнетъ и конскимъ навозомъ, и коровами, и дегтемъ, и сѣномъ, которымъ набиты телѣжные задки, больше-же всего —

городомъ и ярмарочнымъ станомъ, уже раскинувшимся на громадномъ выгонѣ передъ монастыремъ. Тамъ, на этомъ выгонѣ, бѣлѣютъ балаганы, дымятъ собранныя на скорую руку походныя печки, набралось порядочное количество скотины и телѣгъ съ поднятыми оглоблями, разставленныхъ однако еще довольно просторно. . .

Черезъ нѣсколько минутъ телѣжка, съ непривычной для деревенскаго уха грубостью, вдругъ загремѣла по мостовой. — Городъ!

Остановились, какъ всегда, на Острожной улицѣ, на той, что прямикомъ вводитъ въ городъ между острогомъ и монастыремъ.

На большой дворъ подворья едва въѣхали — такъ тѣсно. Все заняли цыгане, которые навели цѣлый табунъ лошадей: и донскихъ, и киргизовъ, и кровныхъ, породистыхъ, крытыхъ попонами. Посреди двора — огромный фургонъ съ кожанымъ верхомъ, весь изукрашенный мѣдными драконами. Рядомъ разбита полосатая палатка. Подъ ея поднятыми полами постлана прямо на землѣ необъятная постель, — навалено нѣсколько перинъ, кое-какъ прикрытыхъ лохмотьями ситцевыхъ одѣялъ, и множество сальныхъ красныхъ подушекъ. На подушкахъ высоко лежитъ навзничь, какъ мертвый, спитъ мальчикъ лѣтъ пятнадцать, безъ шапки, въ валенкахъ, необыкновенной красоты. У ногъ его густо и пахуче дымитъ самоваръ. А на самоваръ пристально смотритъ молодая цыганка. На шеѣ сургучныя нити кораловъ, навѣшены старые серебряные кресты. Смотритъ, куритъ махорку и сплевываетъ.

Зато въ горницахъ ни души. «Да и ночуете одни, всѣ при лошадяхъ, на дворѣ», сказала большая гнутая старуха, мать хозяина. — «А это и того лучше, отвѣтили ей. — Распорядитесь-ка, матушка, на счетъ самоварчика да позвольте руки немножко помыть.»

Къ чаю купили калачей, колбасы. Потомъ сидѣли, курили на крылечкѣ, разговаривали съ подходящими барышниками и цыганами о томъ, какъ идетъ подторжье, каковы намѣчаются цѣны. Барышники твердятъ:

— Что Господь дастъ! Что Господь дастъ! Онъ цѣны строить. . .

Вечеромъ изъ-за крышъ города — золотой свѣтъ большой низкой луны. Свѣтъ и тѣни лежатъ во дворѣ, который кажется красивымъ, а отъ фургона, отъ палатки даже нѣсколько сказочнымъ. Какъ тепло, что значитъ городъ! И отъ того, что по этой прямой и широкой Острожной улицѣ все ѣдутъ и ѣдутъ, скрипя телѣгами, а по выбитому троттуару идутъ и преговариваются, ночь весела, празднична.

Утромъ говорливая толпа идетъ, валить въ другую сторону, — вонъ изъ города, по направленію къ монастырю. Туда-же несутся, ныряя по пыльнымъ ухабамъ, извозчики.

Вѣтренно, но солнечно. И все время праздничный кавардакъ колоколовъ, не смолкающій ни на минуту, не дающій говорить и слушать.

Какое многолюдство и какъ все растетъ оно!

Густая толпа тѣснится возлѣ воротъ монастыря, — бородатые, волосатые и загорѣлые мужики, все чужіе, новые для глаза, изъ дальнихъ, задонскихъ деревень, и великая пестрота нарядныхъ бабъ и дѣвокъ, тоже чужихъ, кажущихся красивѣе, чѣмъ свои. Ворота монастыря, по бокамъ которыхъ во весь ростъ написаны два длинобородыхъ старца въ зеленыхъ рясахъ и черныхъ епитрахиляхъ, съ развернутыми хартіями въ рукахъ, широко раскрыты, и изъ нихъ выѣзжаютъ купеческія коляски.

Противъ монастыря — большой желтый острогъ, и изъ всѣхъ рѣшетчатыхъ оконъ его смотрятъ, прильнувъ къ рѣшеткамъ, широкія блѣдныя лица подъ сѣрыми безкозырками. У воротъ острога тоже толпа, — сердобольныя души принесли острожникамъ праздничнаго калачика.

Въ канавѣ возлѣ шоссе спитъ молодой босякъ съ маленькой стриженной головой. Какое-то своеобразное изящество, какое-то щегольство есть во всей его легкой, не-деревенской фигурѣ, въ его короткой ситцевой рубахѣ и рваныхъ дырявыхъ брючкахъ. Проходящіе смѣются, острятъ:

— Кто праздничку радъ, тотъ до свѣту пьянъ!

А на шоссе одиноко стоитъ распряженная телѣга, а на телѣгѣ, на возу, сидитъ пожилая дѣвица въ драповомъ дипломатѣ. На крыльяхъ носа пыль. Дуетъ жаркій вѣтерокъ, несетъ шумъ и гомонъ ярмарки, и лицо у дѣвицы отупѣло отъ сидѣнья, отъ обиды, что ее посадили и ушли, что всѣ идутъ и смотрятъ на нее.

А вотъ уже и пыльная, истоптанная трава выгона. Тутъ, на отлетѣ, на самомъ ходу, пристроился со сво-

имъ столикомъ квасникъ. Толпа валить и валить мимо, многие на ходу пьютъ у него. И онъ потень, красень, съ разстегнутымъ воротомъ, съ картузомъ на затылокъ, радостно замученъ своимъ призывнымъ крикомъ и бойкой торговлей. Не прекращая кричать, онъ то и дѣло съ трескомъ раскупориваетъ бутылки, озабоченно отсчитываетъ сдачу мѣдяками, а самъ бьетъ сапогомъ двухъ красныхъ пѣтуховъ, сцѣпившихся подъ его столикомъ.

И съ каждымъ шагомъ впередъ все растетъ тѣснота — отъ народа, отъ телѣгъ, отъ скотины: поминутно спотыкаешься на связанныхъ овецъ, лежащихъ на землѣ среди пыли и навоза, опасливо пробираешься между рогатой скотиной, жмешься возлѣ лошадиныхъ задовъ.

Вотъ даже и совсѣмъ надо остановиться, — ходу дальше нѣтъ: въ разступившемся кругу тѣсной толпы идетъ бѣшеный торгъ. Торгуютъ всего на всего мужицкую лошаденку съ легкимъ дрожащимъ хвостомъ. Но какая горячка, сколько крику! Какъ яростно носится, держа эту лошаденку за поводъ и поминутно съ дикимъ и вызывающимъ видомъ оборачиваясь на зрителей, цыганъ со смольной бородкой, съ черно-золотыми глазами!

Онъ въ разстегнутой жилеткѣ поверхъ лиловой рубахи, въ плисовыхъ шароварахъ, одна штанина выпала изъ-за голенища.

— По душамъ сказалъ — бери! — кричитъ онъ.

На него смотрятъ: пузатый сѣдой барышникъ съ серебряными брелоками на часахъ, затягивающійся изъ

серебряннаго мундштука, и мелкопомѣстный баринъ въ бѣломъ картузѣ, въ черной поддевкѣ и сѣрыхъ штанахъ на выпускъ.

— По душамъ сказалъ, душевно говорю! — сипло кричитъ цыганъ, круто заворачивая и осаживая сразу на всѣ ноги лошаденку. — По душамъ сказалъ — бери! Ну, сто монетъ — и пойдѣмъ жижку пить! Зимой прїѣду, угощать станешь, хлѣбъ-соль дашь!

— Вотъ что, — кричитъ барышникъ: — по Божьему, по хорошему, по любовному, съ веселымъ сердцемъ: шесть красныхъ — и кончайте! Лошадь работница! Не сопата, не горбата, животомъ не надорвата!

— Я лошадь не корю, — кричитъ баринъ. — Я лошадь принимаю!

— Лошадь дурить нельзя! — подхватываютъ въ толпѣ.

— Дай Богъ дитя такое! — кричитъ цыганъ.

— Ну, и молитесь! Его святая воля!

— Ну, была бѣ жива-здорова!

— Господи благослови! Кончайте!

Крестятся, яростно бьютъ по рукамъ, но баринъ кричитъ:

— Пять красныхъ и могоарычъ мой!

И цыганъ бѣшено плюетъ;

— Тьфу! Сахаромъ тебѣ въ уста, огнемъ изъ заду, этотъ могоарычъ твой! Что съ тобой говорить, только кровь гадить!

Спѣшно подходитъ съ высокой палкой въ рукѣ старый цыганъ, лицо котораго точно со старой мѣдной медали.

— Стой! Что за шумъ, а драки нѣту? — кричитъ онъ. — Стой, я васъ помирю!

И торгъ начинается опять сначала, закипаетъ съ новымъ ожесточеніемъ.

Васильевское. 1909.

ДЕРЕВНЯ

1.

Прадѣда Красовыхъ, прозваннаго на дворнѣ Цыганомъ, затравилъ борзыми баринъ Дурново. Цыганъ отбилъ у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказалъ вывести Цыгана въ поле, за Дурновку, и посадить на бугрѣ. Самъ же выѣхалъ со сворой и крикнулъ: «Ату его!» Цыганъ, сидѣвшій въ оцѣпенѣніи, кинулся бѣжать. А бѣгать отъ борзыхъ не слѣдуетъ.

Дѣду Красовыхъ удалось получить вольную. Онъ ушелъ съ семьей въ городъ — и скоро прославился: сталъ знаменитымъ воровъ. Нанялъ въ Черной Слободѣ хибарку для жены, посадилъ ее плести на продажу кружево, а самъ, съ какимъ-то мѣщаниномъ Бѣлокопытовымъ, поѣхалъ по губерніи грабить церкви. Когда его поймали, онъ велъ себя такъ, что имъ долго восхищались по всему уѣзду: стоитъ себѣ, будто бы, въ плисовомъ кафтанѣ и въ козловыхъ сапожкахъ, нахально играетъ скулами, глазами и почтительнѣйше сознается даже въ самомъ малѣйшемъ изъ своихъ несмѣтныхъ дѣлъ:

— Такъ точно-съ. Такъ точно-съ.

А родитель Красовыхъ былъ мелкимъ шибаемъ.

Бздиль по уѣзду, жилъ одно время въ родной Дурновкѣ, завель-было тамъ лавочку, но прогорѣлъ, запилъ, воротился въ городъ и померъ. Послуживъ по лавкамъ, торгошили и сыновья его, Тихонъ и Кузьма. Тянутся, бывало, въ телѣгѣ съ рундукомъ посередкѣ и заунывно орутъ:

— Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товаръ — зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели — въ рундукѣ. А въ телѣгѣ все, что добыто въ обмѣнѣ на товаръ: дохлыя кошки, яйца, холсты, тряпки. . .

Но, проѣздивъ нѣсколько лѣтъ, братья однажды чуть ножами не порѣзались — и разошлись отъ грѣха. Кузьма нанялся къ гуртовщику, Тихонъ снялъ постоялый дворикъ на шоссе при станціи Ворголь, верстахъ въ пяти отъ Дурновки, и открылъ кабакъ и «черную» лавочку: «торговля мелочного товару чаю сахару тобаку сигаръ и протчего».

Годамъ къ сорока борода Тихона уже кое-гдѣ серебрилась. Но красивъ, высокъ, строенъ былъ онъ попрежнему; лицомъ строгъ, смуглъ, чуть-чуть рябъ, въ плечахъ широкъ и сухъ, въ разговорѣ властенъ и рѣзокъ, въ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Только брови стали сдвигаться все чаще да глаза блестѣть еще острѣй, чѣмъ прежде.

Неутомимо гонялъ онъ за станowymi — въ тѣ глухія осеннія поры, когда взыскиваютъ подати и идутъ по деревнѣ торги за торгами. Неутомимо скупалъ у помещиковъ хлѣбъ на корню, снималъ за безцѣнокъ землю. . . Жилъ онъ долго съ нѣмой кухаркой, — «не плохо, ничего не разбрешетъ!» — имѣлъ отъ нея ребенка, котораго онъ приспала, задавила во снѣ, по-

томъ женился на пожилой горничной старухи-княжны Шаховой. А женившись, взявъ приданого, «доконалъ» потомка обнищавшихъ Дурново, полнаго, ласковаго барчука, лысаго на двадцать пятомъ году, но съ великолѣпной каштановой бородой. И мужики такъ и ахнули отъ гордости, когда взялъ онъ дурновское имѣннице: вѣдь чуть не вся Дурновка состоитъ изъ Красовыхъ!

Ахали они и на то, какъ это ухитрялся онъ не разорваться: торговать, покупать, чуть не каждый день бывать въ имѣнни, ястребомъ слѣдить за каждой пядью земли. . . Ахали и говорили:

— Лють! Зато и хозяинъ!

Убѣждалъ ихъ въ этомъ и самъ Тихонъ Ильичъ. Часто наставлялъ:

— Живемъ — не мотаемъ, попадешься — обротаемъ. Но — по справедливости. Я, братъ, человекъ русскій. Мнѣ твоего даромъ не надо, но имѣй въ виду: своего я тебѣ трынки не отдамъ! Баловать, — нѣтъ, замѣтъ, не побалую!

А Настасья Петровна (ходившая по-утиному, носками внутрь, переваливаясь, — отъ постоянной беременности, все кончавшейся мертвыми дѣвочками, — желтая, опухшая, съ рѣдкими блѣдыми волосами) стонала, слушая:

— Охъ, и простъ же ты, посмотрю я на тебя! Что ты съ нимъ, глупымъ, трудишься? Ты его уму-разуму учишь, а ему и горя мало. Ишь ноги-то разставилъ, — эмирскій бухаръ какой!

Осенью возлѣ постоялаго двора, стоявшаго однимъ бокомъ къ шоссе, другимъ къ станціи и элеватору, стономъ стоналъ скрипъ колесъ: обозы съ хлѣбомъ сво-

рачивали и сверху и снизу. И поминутно визжалъ блокъ то на двери въ кабакъ, гдѣ отпускала Настасья Петровна, то на двери къ лавку, — темную, грязную, крѣпко пахнущую мыломъ, сельдями, махоркой, мятымъ пряникомъ, керосиномъ. И поминутно раздавалось въ кабакѣ:

— У-ухъ! И здоровá же водка у тебя, Петровна! Ажъ въ лобъ стукнула, пропади она пропадомъ.

— Сахаромъ въ уста, любезный!

— Либо она у тебя съ нюхальнымъ табакомъ?

— Вотъ и вышель дуракомъ!

А въ лавкѣ было еще люднѣе:

— Ильичъ! Хунтикъ ветчинки не отвѣсишь?

— Ветчинкой я, братъ, нонѣшній годъ, благодаря Богу, такъ обезпечень, такъ обезпечень!

— А почему?

— Дешевка!

— Хозяинъ! Деготь у васъ хорошій есть?

— Такого дегтю, любезный, у твоего дѣда на свадьбѣ не было!

— А почему?

Потеря надежды на дѣтей и закрытіе кабаковъ были крупными событіями въ жизни Тихона Ильича. Онъ явно постарѣлъ, когда уже не осталось сомнѣній, что не быть ему отцомъ. Сперва онъ пошучивалъ:

— Нѣтъ-съ, ужъ я своего добыюсь, — говорилъ онъ знакомымъ. — Безъ дѣтей человекъ — не человекъ. Такъ, обсѣвокъ какой-то. . .

Потомъ даже страхъ сталъ нападать на него: что же это, — одна приспала, другая все мертвыхъ рождаетъ! И время послѣдней беременности Настасьи Петровны было особенно тяжкимъ временемъ. Тихонъ

Ильичъ томился, злобился; Настасья Петровна тайкомъ молилась, тайкомъ плакала и была жалка, когда потихоньку слѣзала по ночамъ, при свѣтѣ лампадки, съ постели, думая, что мужъ спитъ, и начинала съ трудомъ становиться на колѣни, съ шопотомъ припадать къ полу, съ тоской смотрѣть на иконы и старчески, мучительно подниматься съ колѣнъ. Съ дѣтства, не рѣшаясь даже самому себѣ признаться, не любилъ Тихонъ Ильичъ лампадокъ, ихъ невѣрнаго церковнаго свѣта: на всю жизнь осталась въ памяти та ноябрьская ночь, когда въ крохотной, кособокой хибаркѣ въ Черной Слободѣ тоже горѣла лампадка, — такъ смиренно и ласково-грустно, — темнѣли тѣни отъ цѣпей ея, было мертвенно-тихо, на лавкѣ, подъ святыми, неподвижно лежалъ отецъ, закрывъ глаза, поднявъ острый носъ и сложивъ на груди восковыя руки, а возлѣ него, за окошечкомъ, завѣшеннымъ красной тряпкой, съ буйно-тоскливыми пѣснями, съ воплями и не въ ладъ орущими гармониками, проходили годные. . . Теперь лампадка горѣла постоянно.

Кормили на постояломъ дворѣ лошадей владимирскіе коробочники — и въ домъ появился «Новый полный оракуль и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать на картахъ, бобахъ и кофе». И Настасья Петровна надѣвала по вечерамъ очки, катала изъ воска шарикъ и начинала кидать его на круги оракула. А Тихонъ Ильичъ искоса поглядывалъ. Но отвѣты получались все грубые, зловѣщіе или безсмысленные.

— «Любитъ ли меня мой мужъ?» — спрашивала Настасья Петровна.

И оракуль отвѣчалъ:

— «Любить, какъ собака палку».
— «Сколько дѣтей будетъ у меня?»
— «Судьбой назначено тебѣ умереть, худая трава изъ поля вонъ».

Тогда Тихонъ Ильичъ говорилъ:

— Дай-ка я кину. . .

И загадывалъ:

— «Затѣвать ли мнѣ тяжбу съ извѣстною мнѣ особю?»

Но и ему выходила чепуха:

— «Считай во рту зубы».

Разъ, заглянувъ въ пустую кухню, Тихонъ Ильичъ увидалъ жену возлѣ люльки кухаркина ребенка. Пестренькій цыпленокъ, попискивая, бродилъ по подоконнику, стучалъ клювомъ въ стекла, ловя мухъ, а она сидѣла на нарахъ, качала люльку и жалкимъ, дрожащимъ голосомъ пѣла старинную колыбельную пѣсню:

Гдѣ мой дитятко лежитъ?

Гдѣ постелюшка его?

Онъ въ високомъ терему,

Въ колыбелькѣ расписной.

Не ходите къ намъ никто,

Не стучите въ терему!

Онъ уснулъ, започивалъ,

Темнымъ пологомъ покрытъ,

Расцвѣченою тафтой. . .

И такъ измѣнилось лицо Тихона Ильича въ эту минуту, что, взглянувъ на него, Настасья Петровна не смутилась, не оробѣла, — только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала:

— Отвези ты меня, Христа ради, къ угоднику. . .

И Тихонъ Ильичъ повезъ ее въ Задонскъ. Но дорогой думалъ, что все равно Богъ долженъ наказать его за то, что онъ, въ суетѣ и хлопотахъ, только подъ Свѣтлый день бываетъ въ церкви. Да и лѣзли въ голову кощунственныя мысли: онъ все сравнивалъ себя съ родителями святыхъ, тоже долго не имѣвшими дѣтей. Это было не умно, но онъ уже давно замѣтилъ, что есть въ немъ еще кто-то — глупѣй его. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо съ Аѳона: «Боголюбивѣйшій благодѣтель Тихонъ Ильичъ! Миръ вамъ и спасеніе, благословеніе Господне и честный Покровъ Всепѣтой Богоматери отъ земного Ея жребія, св. горы Аѳонской! Я имѣлъ счастье слышать о вашихъ добрыхъ дѣлахъ и о томъ, что вы съ любовью удѣляете лепты на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, на келіи иноческія. Нынѣ хижина моя пришла отъ времени въ такое ветхое состояніе. . .» И Тихонъ Ильичъ послалъ на поправку этой хижины красненькую. Давно прошло то время, когда онъ съ наивной гордостью вѣрилъ, что и впрямь до самаго Аѳона дошли слухи о немъ, хорошо зналъ, что ужъ слишкомъ много аѳонскихъ хижинъ пришло въ ветхость — и все-таки послалъ. Но не помогло и это, закончилось беременностью прямо мукою: передъ тѣмъ, какъ родить послѣдняго мертваго ребенка, стала Настасья Петровна, засыпая, вздрагивать, стонать, взвизгивать. . . Ею, по ея словамъ, мгновенно овладѣвала во снѣ какая-то дикая веселость, соединенная съ невыразимымъ страхомъ: то видѣла она, что идетъ къ ней по полямъ, вся сіяя золотыми ризами, Царица Небесная и несется откуда-то стройное, все растущее пѣніе; то выскакивалъ изъ-подъ кровати чертенокъ, неотличимый отъ темноты, но ясно видимый зрѣніемъ внутреннимъ,

и такъ-то звонко, лихо, съ перехватами, начиналъ отжаривать на губной гармоникѣ! Легче было бы спать не въ духотѣ, на перинахъ, а на воздухѣ, подъ навѣсомъ амбаровъ. Но Настасья Петровна боялась:

— Подойдутъ собаки и голову нанюхаютъ...

Когда пропала надежда на дѣтей, стало все чаще приходиться въ голову: «Да для кого-же вся эта каторга, пропади она пропадомъ?» Монополія-же была солью на рану. Стали трястись руки, болѣзненно сдвигаться и подниматься брови, стало косить губу — особенно при фразѣ, не сходящей съ языка: «имѣйте въ виду». Попрежнему онъ молодился — носилъ щеголеватые опойковые сапоги и расшитую косоворотку подъ двубортнымъ пиджакомъ. Но борода сѣдѣла, рѣдѣла, путалась...

А лѣто, какъ нарочно, выдалось жаркое, засушливое. Совсѣмъ пропала рожь. И наслажденіемъ стало жаловаться покупателямъ.

— Прекращаемъ-съ, прекращаемъ-съ! — съ радостью, отчеканивая каждый слогъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ о своей винной торговлѣ. — Какъ же-съ! Монополія! Министру финансовъ самому захотѣлось поторговать!

— Охъ, посмотрю я на тебя! — стонала Настасья Петровна. — Договоришься ты! Загонять тебя, куда воронъ костей не таскалъ!

— Не испугаете-съ! — отсѣкалъ Тихонъ Ильичъ, вскидывая бровями. — Нѣтъ-съ! На всякій ротокъ не накинешь платокъ!

И опять, еще рѣзче чеканя слова, обращался къ покупателю:

— И ржица-съ радуеть! Имѣйте въ виду: всѣхъ радуеть! Ночью-съ — и то видать. Выйдешь на порогъ, глянешь по мѣсяцу въ поле: сквозить-съ, какъ лысина! Выйдешь, глянешь: блистаетъ!

Въ Петровки въ тотъ годъ Тихонъ Ильичъ пробылъ четверо сутокъ въ городѣ на ярмаркѣ и разстроился еще больше — отъ думъ, отъ жары, отъ бессонныхъ ночей. Обычно отправлялся онъ на ярмарку съ большой охотой. Въ сумерки подмазывали телѣги, набивали ихъ сѣномъ; въ ту, въ которой ѣхалъ самъ хозяинъ съ работникомъ-старикомъ, клали подушки, чуйку. Выѣзжали поздно и, поскрипывая, тянулись до разсвѣта. Сперва вели дружественные разговоры, курили, рассказывали другъ другу страшныя старинныя исторіи о купцахъ, убитыхъ въ дорогѣ и на ночевкахъ; потомъ Тихонъ Ильичъ укладывался спать — и такъ пріятно было слышать сквозь сонъ голоса встрѣчныхъ, чувствовать, какъ зыбко покачивается и какъ будто все подъ гору ѣдетъ телѣга, ерзаетъ щека по подушкѣ, сваливается картузь и холодитъ голову ночная свѣжесть; хорошо было и проснуться до солнца, розовымъ росистымъ утромъ, среди матово-зеленыхъ хлѣбовъ, увидеть вдали, въ голубой низменности, весело бѣлѣющей городъ, блескъ его церквей, крѣпко зѣвнуть, перекреститься на отдаленный звонъ и взять вожжи изъ рукъ полусоннаго старика, по-дѣтски ослабѣвшаго на утреннемъ холодкѣ, блѣднаго какъ мѣль при свѣтѣ зари. . . Теперь Тихонъ Ильичъ отослалъ телѣги со старостой, а самъ поѣхалъ одинъ, на бѣгункахъ. Ночь была теплая, свѣтлая, но ничто не радовало; за дорогу онъ усталъ; огоньки на ярмаркѣ, въ острогѣ и больницѣ, что при въѣздѣ въ городъ, видны въ степи версть за десять, и каза-

лось, что до нихъ никогда не доѣдешь, до этихъ дальнихъ, сонныхъ огоньковъ. А на постояломъ дворѣ на Щепной площади было такъ жарко, такъ кусали блохи и такъ часто раздавались голоса у воротъ, такъ гремѣли въѣзжавшія на каменный дворъ телѣги и такъ рано заорали пѣтухи, заворковали голуби и побѣлѣло за открытыми окнами, что онъ и глазъ не сомкнулъ. Мало спалъ и вторую ночь, которую попробовалъ провести на ярмаркѣ, въ телѣгѣ: ржали лошади, горѣли огни въ палаткахъ, кругомъ ходили и разговаривали, а на разсвѣтѣ, когда такъ и слипались глаза, зазвонили въ острогѣ, въ больницѣ — и надъ самой головой подняла ужасный ревъ корова. . .

— Каторга! — поминутно приходило въ голову за эти дни и ночи.

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на цѣлую версту, была, какъ всегда, шумна, безтолкова. Стоялъ нестройный гомонъ, ржаніе лошадей, трели дѣтскихъ свистулечъ, марши и польки гремящихъ на каруселяхъ оркестріоновъ. Говорливая толпа мужиковъ и бабъ валомъ валила съ утра до-вечеру по пыльнымъ, унавоженнымъ переулкамъ между телѣгами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съѣстными, откуда несло вонючимъ чадомъ сальныхъ жаровень. Какъ всегда, была пропасть барышниковъ, придававшихъ страшный азартъ всѣмъ спорамъ и сдѣлкамъ; безконечными вереницами, съ гнусавыми напѣвами, тянулись слѣпые и убогіе, нищіе и калѣки, на костыляхъ и въ телѣжкахъ; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ и въ шапочкѣ съ павлиньими перьями. . . Покупателей у Тихона Ильича было много. Под-

ходили сизые цыгане, рыжіе польскіе евреи въ парусиновыхъ балахонахъ и сбитыхъ сапогахъ, загорѣлые мелкоѣстные дворяне въ поддевкахъ и картузахъ; подходилъ красавецъ-гусарь князь Бахтинъ съ женой въ англійскомъ костюмѣ, дряхлый севастопольскій герой Хвостовъ, — высокій и костистый, съ удивительно крупными чертами темнаго морщинистаго лица, въ длинномъ мундирѣ и обвислыхъ штанахъ, въ сапогахъ съ широкими носками и въ большомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, изъ-подъ котораго были начесаны на виски крашеные волосы мертваго бураго цвѣта... Бахтинъ откидывался назадъ, глядя на лошадь, сдержанно улыбался въ усы съ подусниками, поигрывая ногой въ рейтузѣ вишневаго цвѣта. Хвостовъ, дошаркавъ до лошади, косившей на него огненнымъ глазомъ, останавливался такъ, что казалось, что онъ падаетъ, поднималъ костыль и въ десятый разъ спрашивалъ глухимъ, ничего не выражающимъ голосомъ:

— Сколько просишь?

И всѣмъ надо было отвѣчать. И Тихонъ Ильичъ отвѣчалъ, но черезъ силу, стискивая челюсти, и ломилъ такую цѣну, что всѣ отходили ни съ чѣмъ.

Онъ очень загорѣлъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, запылался, чувствовалъ смертельную тоску и слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ разстроилъ желудокъ, да такъ, что начались корчи. Пришлось сходить въ больницу. Но тамъ онъ часа два ждалъ очереди, сидѣлъ въ гулкомъ коридорѣ, нюхая противный запахъ карболки, и чувствовалъ себя не Тихономъ Ильичемъ, а такъ, какъ будто онъ былъ въ прихожей хозяина или начальника. И, когда докторъ, похожій на дьякона, красный, свѣтлоглазый, въ кургузомъ черномъ сюртукѣ, пахнущемъ

мѣдью, сопя, приложилъ холодное ухо къ его груди, онъ поспѣшилъ сказать, что «животъ почти прошелъ», и только по робости не отказался отъ касторки. А воротясь на ярмарку, проглотилъ стаканъ водки съ перцемъ и съ солью и опять сталъ ѣсть колбасу и подрукавный хлѣбъ, пить чай, сырую воду, кисляя щи — и все не могъ утолить жажды. Звали знакомые «пивкомъ освѣжиться» — и онъ шелъ. Ораль квасникъ:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! По копейкѣ бокаль, самый главный лимонадъ!

И онъ останавливалъ квасника.

— Во-отъ морожено! — теноромъ кричалъ лысый потный мороженщикъ, брюхатый старикъ въ красной рубахѣ.

И онъ ѣлъ съ костяной ложечки мороженое, почти снѣгъ, отъ котораго жестоко ломило въ вискахъ.

Пыльный, истолченный ногами, колесами и копытами, засоренный и унавоженный выгонъ уже пустѣлъ, — ярмарка развѣзжалась. Но Тихонъ Ильичъ, точно на зло кому-то, все держалъ и держалъ на жарѣ и въ пыли непроданныхъ лошадей, все сидѣлъ на телѣгѣ. Господи Боже, что за край! Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода. Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей, — ѣсть же этотъ хлѣбъ досыта сто человекъ во всемъ городѣ. А ярмарка? Нищихъ, дурачковъ, слѣпыхъ и калѣкъ, — да все такихъ, что смотрѣть страшно и тошно, — прямо полкъ цѣлый!

Домой Тихонъ Ильичъ ѣхалъ въ солнечное жаркое утро по Старой большой дорогѣ. Ѣхалъ сперва городомъ, базаромъ, потомъ черезъ мелкую и кислую отъ кожевенныхъ заводовъ рѣчку, а за рѣчкой — въ гору,

черезъ Черную Слободу. На базарѣ онъ когда-то служилъ вмѣстѣ съ братомъ въ лавкѣ Маторина. Теперь на базарѣ всѣ кланялись ему. Въ Слободѣ прошло его дѣтство, — на этой полугорѣ, среди вросшихъ въ землю мазанокъ съ прогнившими и почернѣвшими крышами, среди навоза, который сушатъ передъ ними для топки, среди мусора, золы и тряпокъ. . . Теперь и слѣда не было той мазанки, гдѣ родился и росъ Тихонъ Ильичъ. На ея мѣстѣ стоялъ новый тесовый домикъ со ржавой вывѣской надъ входомъ: «Духовный портной Соболевъ». Все прочее было въ Слободѣ по-старому: свиньи и куры возлѣ пороговъ; высокіе шести у воротъ, а на шестахъ — бараньи рога; бѣлыя большія лица кружевницъ, выглядывающихъ изъ-за горшковъ съ цвѣтами, изъ крохотныхъ окошечекъ; босые мальчишки съ одной помочей черезъ плечо, запускающіе бумажнаго змѣя съ мочальнымъ хвостомъ; бѣлобрысыя тихія дѣвочки, играющія возлѣ завалинокъ въ любимую игру — похороны куколъ. . . На горѣ, въ полѣ, онъ перекрестился на кладбище, за оградой котораго, среди старыхъ деревьевъ, была когда-то страшная могила богача и скряги Зыкова, провалившаяся въ ту же минуту, какъ только засыпали ее. И, подумавъ, повернулъ лошадь къ воротамъ кладбища.

У этихъ большихъ бѣлыхъ воротъ сидѣла и вязала чулокъ старуха, похожая на старуху изъ сказки, — въ очкахъ, съ клювомъ, съ провалившимися губами, — одна изъ вдовъ, живущихъ въ пріютѣ при кладбищѣ.

— Здорово, бабка! — крикнулъ Тихонъ Ильичъ, привязывая лошадь къ столбу у воротъ. — Можешь мою лошадь постеречь?

Старуха встала, низко поклонилась и прошамкала:

— Могу, батюшка.

Тихонъ Ильичъ снялъ картузь, еще разъ, подкатывая глаза подъ лобъ, перекрестился на картину Успенія Богордицы надъ воротами и прибавилъ:

— Много васъ тутъ теперь?

— Цѣлыхъ двѣнадцать старушекъ, батюшка.

— Что жь, часто ругаетесь?

— Часто, батюшка. . .

И Тихонъ Ильичъ не спѣша пошелъ среди деревьевъ и крестовъ, по аллеѣ, ведущей къ старой деревянной церкви. На ярмаркѣ онъ постригъ волосы, подровнялъ и укоротилъ бороду — и очень помолодѣлъ. Молодила его и худоба послѣ болѣзни. Молодилъ загаръ, — бѣлѣли нѣжной кожей только выстриженные треугольники на вискахъ. Молодили воспоминанія дѣтства и молодости, новый парусиновый картузь. Онъ шелъ и глядѣлъ по сторонамъ. . . Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой вокругъ, въ этомъ солнечномъ затишьѣ, въ оградѣ стараго погоста! Горячій вѣтеръ проносился по верхушкамъ свѣтлыхъ деревьевъ, сквозившимъ на безоблачномъ небѣ, до времени порѣдѣвшимъ отъ зноя, волновалъ по камнямъ, памятникамъ ихъ прозрачную, легкую тѣнь. А когда затихалъ, жарко пригрѣвало солнце цвѣты и травы, сладко пѣли птицы въ кустахъ, въ сладкой истомѣ замирали на горячихъ дорожкахъ бабочки. . . На одномъ крестѣ Тихонъ Ильичъ прочелъ:

Какіе страшные оброки

Смерть собираетъ отъ людей!

Но ничего страшнаго не было вокругъ. Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что кладби-

ще растеть, что появилось много новыхъ мавзолеевъ среди тѣхъ старинныхъ камней въ видѣ гробовъ на ножкахъ, тяжкихъ чугунныхъ плитъ и огромныхъ, грубыхъ и уже гнѣющихъ крестовъ, которыми полно оно. «Скончалась 1819 года Ноября 7 въ 5 часовъ утра» — такія надписи было жутко читать, нехороша смерть на разсвѣтѣ ненастнаго осенняго дня, въ старомъ уѣздномъ городѣ! Но рядомъ свѣтилъ среди деревьевъ своей бѣлизной гипсовый ангелъ съ очами, устремленными въ небо, и на цоколѣ подъ нимъ были выбиты золотыя буквы: «Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ!» На желѣзномъ, радужномъ отъ непогоды и времени, памятникѣ какого-то коллежскаго ассесора можно было разобрать стихи:

Царю онъ честно послужилъ,
Сердечно ближняго любилъ,
Былъ уважаемъ отъ людей. . .

Стихи эти показались Тихону Ильичу лживыми. Но — гдѣ правда? Вотъ въ кустахъ валяется человѣческая челюсть, точно сдѣланная изъ грязнаго воска, — все, что осталось отъ человѣка. . . Но все ли? Гнѣютъ цвѣты, ленты, кресты, гробы и кости въ землѣ, — все смерть и тлѣнъ! Но шель далѣе Тихонъ Ильичъ и читаль: «Такъ и при воскресеніи мертвыхъ: сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи.»

Всѣ надписи трогательно говорили о покоѣ и отдыхѣ, о нѣжности, о любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ на землѣ, о той преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ упованіяхъ на жизнь будущую и свиданіе въ иной, блаженной странѣ, которымъ вѣришь только здѣсь, и о томъ равенствѣ, что

даетъ только смерть, — тѣ минуты, когда мертваго нищаго цѣлуютъ въ уста послѣднимъ цѣлованіемъ, какъ брата, сравниваютъ его съ царями и владыками. . . А тамъ, въ дальнемъ углу ограды, въ кустахъ бузины, дремлющихъ на припекѣ, увидалъ Тихонъ Ильичъ свѣжую дѣтскую могилку, крестъ, а на крестѣ — двустишіе:

тише, листья, не шумите,
мово Костю не будите! —

и, вспомнивъ своего ребенка, задавленнаго во снѣ нѣмой кухаркой, заморгаль отъ наворачнувшихся слезъ.

По шоссе, идущему мимо кладбища и пропадающему среди волнистыхъ полей, никто никогда не ѣздитъ. Ѣздить по пыльному проселку, рядомъ. По проселку поѣхалъ и Тихонъ Ильичъ. Навстрѣчу ему пронеслась ободранная извозчичья пролетка, — лихо несутся уѣздные извозчики! — а въ пролеткѣ — городской охотникъ: у ногъ — пѣгая легавая собака, на колѣняхъ — ружье въ чехлѣ, на ногахъ — высокіе болотные сапоги, хотя болотъ въ уѣздѣ и не бывало. И Тихонъ Ильичъ сердито стиснулъ зубы: въ работники бы этого лодаря! Полдневное солнце палило, вѣтеръ дулъ горячій, безоблачное небо становилось грифельнымъ. И все сердитѣе отвертывался Тихонъ Ильичъ отъ пыли, летѣвшей по дорогѣ, все озабоченнѣе косился на тощіе, до времени подсыхающіе хлѣба.

Мѣрнымъ шагомъ, съ высокими посошками, шли толпы замученныхъ усталостью и зноемъ богомолковъ. Онѣ отвѣшивали Тихону Ильичу низкіе, смиренные поклоны, но теперь ему уже опять все казалось жульничествомъ.

— Смиреницы! А грызутся, небось, на ночевкахъ, какъ собаки!

Подымая тучи пыли, гнали лошаденокъ пьяные мужики, возвращавшіеся съ ярмарки, — рыжіе, сивые, черные, но всѣ одинаково безобразные, тощіе и лохматые. И, обгоняя ихъ гремящія телѣги, Тихонъ Ильичъ моталъ головой:

— У, нищebroды, пропади вы пропадомъ!

Одинъ, въ изорванной на ленты ситцевой рубахѣ, спалъ, колотился, какъ мертвый, лежа на спинѣ, закинувъ голову, задралъ окровавленную бороду и распухшій въ засохшей крови носъ. Другой бѣжалъ, догонялъ сорванную вѣтромъ шапку, споткнулся — и Тихонъ Ильичъ съ злобнымъ наслажденіемъ вытянулъ его кнутомъ. Попалась телѣга, полная рѣшетъ, лопатъ и бабъ; сидя къ лошади спинами, онѣ тряслись и подпрыгивали; у одной на головѣ былъ новый дѣтскій картузикъ козырькомъ назадъ, другая пѣла, третья махала руками и съ хохотомъ орала вдогонку Тихону Ильичу:

— Дядя! Чеку потерялъ!

И онъ придержалъ лошадь, далъ себя обогнать и вытянулъ кнутомъ и бабу.

За заставой, гдѣ свернуло шоссе въ сторону, гдѣ отстали гремящія телѣги и охватила тишина, просторъ и зной степи, опять почувствовалъ онъ, что все-таки самое главное на свѣтѣ — «дѣло». Эхъ, и нищета же кругомъ! До тла разорены мужики, трынки не осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, раскиданныхъ по уѣзду. . . Хозяина бы сюда, хозяина!

На полпути было большое село Ровное. Суховѣй проносился вдоль пустыхъ улицъ, по лозинкамъ, спален-

нымъ жарою. У пороговъ ерошились, зарывались въ золу куры. Грубо торчала на голомъ выгонѣ церковъ дикаго цвѣта. За церковью блестѣль на солнцѣ мелкій глинистый прудъ подъ навозной плотиной — густая желтая вода, въ которой стояло стадо коровъ, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливалъ голову голый мужикъ. Онъ по поясъ вошелъ въ воду, на груди его блестѣль мѣдный крестикъ, шея и лицо были черны отъ загара, а тѣло поразительно блѣдно и бѣло.

— Разнуздай-ка лошадь-то, — сказалъ Тихонъ Ильичъ, въѣзжая въ прудъ, пахнущій стадомъ.

Мужикъ кинулъ мраморно-синеватый обмылокъ на черный отъ коровьяго помета берегъ и, съ сѣрой, намыленной головой, стыдливо закрываясь, поспѣшилъ исполнить приказаніе. Лошадь жадно припала къ водѣ, но вода была такъ тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. Посвистывая ей, Тихонъ Ильичъ покачалъ картузомъ:

— Ну, и водица у васъ! Ужли пьете?

— А у васъ-то ай сахарная? — ласково и весело возразилъ мужикъ. — Тыщу лѣтъ пьемъ! Да вода что — вотъ хлѣбушка нѣтути. . .

За Ровнымъ дорога пошла среди сплошныхъ ржей, — опять тощихъ слабыхъ, переполненныхъ васильками. . . А возлѣ Выселокъ, подъ Дурновкой, тучей сидѣли на дуплистой корявой ракиѣ грачи съ раскрытыми серебристыми клювами, — любятъ они почему то пожарища: отъ Выселокъ осталось въ эти дни только одно званіе — только черные остовы избъ среди мусора. Мусоръ курился молочно-синеватымъ дымкомъ, кисло воняло гарью. . . И мысль о пожарѣ молніей пронзила Тихона Ильича. «Бѣда!» — подумалъ онъ, блѣд-

нѣя. Ничего-то у него не застраховано, все можетъ въ одинъ часъ слетѣть. . .

Съ этихъ Петровокъ, съ этой памятной поѣздки на ярмарку Тихонъ Ильичъ началъ попивать — и таки частенько, не допьяну, но до порядочной красноты лица. Однако, это ничуть не мѣшало дѣламъ, да не мѣшало, по его словамъ, и здоровью. «Водка кровь полируетъ», — говорилъ онъ. Жизнь свою онъ и теперь нерѣдко называлъ каторгой, петлей, золотою клѣткой. Но шагаль онъ по своей дорогѣ все увѣреннѣе, и нѣсколько лѣтъ прошло такъ однообразно, что все слилось въ одинъ рабочій день. А новыми крупными событіями оказалось то, чего и не чаяли, — война съ Японіей и революція.

Разговоры о войнѣ начались, конечно, бахвальствомъ. «Казакъ желтую-то шкуру скоро спуститъ, братъ!» Но скоро слышались иныя рѣчи.

— Своей земли дѣвать некуда! — строгимъ хозяйственнымъ тономъ говорилъ и Тихонъ Ильичъ. — Не война-съ, а прямо безсмыслица!

И въ злорадное восхищеніе приводили его вѣсти о страшныхъ разгромахъ русской арміи:

— Ухъ, здорово! Такъ ихъ, мать ихъ такъ!

Восхищала сперва и революція, восхищали убійства:

— Какъ далъ этому самому министру подъ жилу, — говорилъ иногда Тихонъ Ильичъ въ пылу восторга: — какъ далъ — праху отъ него не осталось!

Но какъ только заговорили объ отчужденіи земель, стала просыпаться въ немъ злоба. «Все жида работаютъ! Все жида-съ, да вотъ еще лохмачи эти — студенты!» И непонятно было: всѣ говорятъ — революція, революція, а вокругъ — все прежнее, будничное: солн-

це свѣтитъ, въ полѣ ржи цвѣтутъ, подводы тянутся на станцію. . . Непонятенъ былъ въ своемъ молчаніи, въ своихъ уклончивыхъ рѣчахъ народъ.

— Скрытень-съ онъ сталъ, народъ-то! Прямо жуть, какъ скрытень! — говорилъ Тихонъ Ильичъ.

И, забывъ о «жидахъ», прибавлялъ:

— Положимъ, что и музыка-то вся эта не хитрая-съ. Правительство смѣнить да земелькой поровнять — это вѣдь и младенецъ пойметъ-съ. И, значить, дѣло ясно, за кого онъ гнетъ, — народъ то. Но, конечно, помалкиваетъ. И надо, значить, слѣдить, да такъ норовить, чтобъ помалкивалъ. Не давать ему ходу! Не то держись: почуветь удачу, почуветь шлею подъ хвостомъ — въ дребезги расшибетъ-съ!

Когда онъ читалъ или слышалъ, что будутъ отнимать землю только у тѣхъ, у кого больше пяти сотъ десятинъ, онъ и самъ становился «смутьяномъ». Даже въ споръ съ мужиками пускался. Случалось — стоитъ возлѣ его лавки мужикъ и говоритъ:

— Нѣтъ, это ты, Ильичъ, не толкуй. По справедливой оцѣнкѣ — это можно, взять-то ее. А такъ — нѣтъ, не хорошо. . .

Жарко, пахнетъ сосновымъ тесомъ, сваленнымъ возлѣ амбаровъ, напротивъ двора. Слышно, какъ за деревьями и за постройками станціи сипить, разводитъ пары горячій паровозъ товарнаго поѣзда. Безъ шапки стоитъ, щурясь и хитро улыбаясь, Тихонъ Ильичъ. Улыбается и отвѣчаетъ:

— Толкушка! А если онъ не хозяинъ, а бродяга?

— Кто? Баринъ-то? Ну, это дѣло особая. У такогото и со всѣми потрохами отнять не грѣхъ!

— Ну вотъ то-то и оно-то!

Но приходила другая вѣсть — будутъ и меньше пятисотъ брать! — и сразу овладѣвала душой разсѣянность, подозрительность, придирчивость. Все, что дѣлается по дому, начинало казаться отвратительнымъ.

Выносилъ изъ лавки Егорка, подручный, мучные мѣшки и начиналъ вытрясать ихъ. Макушка клиномъ, волосы жестки и густы — «и отчего это такъ густы они у дураковъ?» — лобъ вдавленный, лицо какъ яйцо косое, глаза рыбы, выпуклые, а вѣки съ бѣлыми, телячьими рѣсницами точно натянуты на нихъ: кажется, что не хватило кожи, что, если малый сомкнетъ ихъ, нужно будетъ ротъ разинуть, если закроетъ ротъ — придется широко раскрыть вѣки. И Тихонъ Ильичъ злобно кричалъ:

— Далдонъ! Дулѣбъ! Что жъ ты на меня-то трясешь?

Выносила кухарка какой-то сундучокъ, открывала его, клала нутромъ наземь и начинала стучать въ дно кулакомъ. И, понявъ, въ чемъ дѣло, Тихонъ Ильичъ медленно качалъ головой:

— Ахъ, хозяйки, мать вашу такъ! Прусаковъ выбиваешь?

— Ихъ тутъ — прямо туча! — радостно отвѣчала кухарка. — Глянули, а тамъ страсти Божіи!

И, скрипнувъ зубами, Тихонъ Ильичъ выходилъ на шоссе и долго глядѣлъ въ волнистыя поля, въ сторону Дурновки.

Горницы его, кухня, лавка и амбаръ, гдѣ прежде была винная торговля, — все это составляло одинъ срубъ, подъ одной желѣзной крышей. Съ трехъ сторонъ вплотную примыкали къ нему навѣсы скотнаго варка, крытые соломой — и получался уютный квад-

ратъ. Амбары стояли противъ дома, черезъ дорогу. Направо была станція, налѣво шоссе. За шоссе — березовый лѣсокъ. И, когда Тихону Ильичу было не по себѣ, онъ выходилъ на шоссе. Бѣлой лентой, съ перевала на перевалъ, убѣгало оно къ югу, все понижаясь вмѣстѣ съ полями и снова поднимаясь къ горизонту только отъ далекой будки, гдѣ его пересѣкала идущая съ юго-востока чугунка. И, если случалось, что ѣхалъ кто-нибудь изъ дурновскихъ мужиковъ, — конечно, кто подѣльнѣе, поразумнѣе, напримѣръ, Яковъ, котораго всѣ зовутъ Яковомъ Микитичемъ за то, что онъ «богатъ» и жаденъ, Тихонъ Ильичъ останавливалъ его.

— Хоть-бы картузишко-то купилъ! — кричалъ онъ съ усмѣшкой.

Яковъ, въ шапкѣ, въ замашной рубахѣ, въ короткихъ тяжелыхъ порткахъ и босой, сидѣлъ на грядкѣ телѣги. Онъ натягивалъ веревочныя вожжи, останавливая сытую кобылу.

— Здорово, Тихонъ Ильичъ, — сдержанно говорилъ онъ.

— Здорово! Шапку-то, говорю, пора пожертвовать на галчиныя гнѣзда!

Яковъ, съ хитрой усмѣшкой въ землю, кивалъ головой.

— Это... какъ сказать?... не плохо бы. Да капиталъ-то, къ примѣру, не дозволяетъ.

— Будетъ толковать-то! Знаемъ мы васъ, казанскихъ сиротъ! Дѣвку отдалъ, малаго женилъ, деньги есть... Чего тебѣ еще отъ Господа Бога желать?

Это льстило Якову, но сдерживало еще болѣе.

— О, Господи! — вздыхая, бормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Деньги... У меня ихъ, къ примѣ-

ру, и въ заведенъи-то не бывало. . . А малый. . . что жъ малый? Малый не радуеть. . . Прямо надо сказать — не радуеть!

Былъ Яковъ, какъ многіе мужики, очень нервень и особенно тогда, когда доходило дѣло до его семьи, хозяйства. Былъ очень скрытенъ, но тутъ нервность одолевала, хотя изобличала ее только отрывистая, дрожащая рѣчь. И, чтобы уже совсѣмъ растревожить его, Тихонъ Ильичъ участливо спрашивалъ:

— Не радуеть? Скажи, пожалуйста! И все изъ-за бабы?

Яковъ, озираясь, скребъ ногтями грудь:

— Изъ-за бабы, родимецъ ее расшиби. . .

— Ревнуеть?

— Ревнуеть. . . Въ снохачи меня записала. . .

И у Якова бѣгали глаза:

— Тамъ нажалилась мужу, тамъ нажалилась! Да что — отравить хотѣла! Иной разъ, къ примѣру, остудишься. . . покуришь маленько, чтобъ на груди полегчало. . . Ну, и сунула мнѣ подъ подушку цыгарку. . . Кабы не глянулъ — пропаль бы!

— Что жъ за цыгарка такая?

— Костей мертвыхъ натолкла да замѣсто табаку и всыпала. . .

— То-то малый-то дуракъ! Поучиль бы ее, анаеему, по-русски!

— Куда тебѣ! Мнѣ же, къ примѣру, на грудь пользѣ! А самъ какъ змѣй вьется. . . Ухвачу за голову, анъ голова-то стриженная. . . Ухвачу за пельки. . . рубаху драть жалко!

Тихонъ Ильичъ качалъ головой, молчалъ минуту и наконецъ рѣшался:

— Ну, а какъ у васъ тамъ? Все бунту ждете?

Но тутъ скрытность сразу возвращалась къ Якову. Онъ усмѣхался и махаль рукой.

— Ну! — скороговоркой бормоталь онъ. — Какого тамъ рожна — бунту! У насъ народъ смирный... Смирный народъ...

И натягиваль вожжи, будто не стоитъ лошадь.

— А сходка-то зачѣмъ въ воскресенье была? — вдругъ злобно кидаль Тихонъ Ильичъ.

— Сходка-то? А чума ихъ знаетъ! Погалдѣли, къ примѣру...

— Знаю, о чемъ галдѣли-то! Знаю!

— Да что жъ, я не таюсь... Болтали, къ примѣру, что вышла, моль, распоряженіе... вышла будто распоряженіе — никакъ не работать по прежней цѣнѣ...

Очень обидно было думать, что изъ-за какой-то Дурновки руки отваливаются отъ дѣла. И дворовъ-то въ этой Дурновкѣ всего три десятка. И лежитъ-то она въ чортовой яругѣ: широкій оврагъ, на одномъ боку — избы, на другомъ — усадьбишка. И переглядывается эта усадьбишка съ избами и со дня на день ждетъ какого-то «распоряженія»... Эхъ, взять бы нѣсколько казаковъ съ плетьями!

Но «распоряженіе» таки вышло. Пронесся въ одно изъ воскресеній слухъ, что въ Дурновкѣ — сходка, выработывается планъ наступленія на усадьбу. Съ злобно-радостными глазами, съ ощущеніемъ необычной силы и дерзости, съ готовностью «самому чорту рога сломать», Тихонъ Ильичъ крикнуль «запречь въ бѣгунки жеребчика» и черезъ десять минутъ уже гналь его вдоль шоссе къ Дурновкѣ. Солнце садилось послѣ дождливаго дня въ сѣро-красныя тучи, стволы въ березо-

вомъ лѣсочкѣ были алые, проселокъ, рѣзко выдѣлявшійся черно-фіолетовой грязью среди свѣжей зелени, былъ тяжель. Съ ляжекъ жеребчика, со шлеи, ерзавшей по нимъ, падала розовая пѣна. Крѣпко щелкая вожжами, Тихонъ Ильичъ свернулъ отъ чугунки, взялъ направо полевой дорогой и, увидавъ Дурновку, на минуту усомнился въ правдивости слуховъ о бунтѣ. Мирная тишина была вокругъ, мирно пѣли свои вечернія пѣсни жаворонки, просто и спокойно пахло влажной землей и сладостью полевыхъ цвѣтовъ. . . Но вдругъ взглядъ его упалъ на пары возлѣ усадьбы, густо усыянные желтымъ донникомъ: на парахъ пасся мужицкій табунъ! Началось, значитъ! И, передернувъ вожжи, Тихонъ Ильичъ пролетѣлъ мимо табуна, мимо риги, заросшей лопухами и крапивой, мимо низкорослаго вишневаго сада, полнаго воробьями, мимо конюшни и людской избы и вскочилъ во дворъ. . .

А потомъ творилось что-то несуразное: въ сумеркахъ, замирая отъ злобы, обиды и страха, Тихонъ Ильичъ сидѣлъ въ полѣ на бѣгункахъ. Сердце его колотилось, руки дрожали, лицо горѣло, слухъ былъ чутокъ, какъ у звѣря. Онъ сидѣлъ, слушалъ крики, доносившіеся изъ Дурновки, и вспоминалъ, какъ толпа, показавшаяся огромной, повалила, завидя его, черезъ оврагъ къ усадьбѣ, наполнила дворъ галдой и бранью, сгрудилась у крыльца и прижала его къ двери. Въ рукахъ у него былъ только кнутъ. И онъ махалъ имъ, то отступая, то отчаянно кидаясь въ толпу. Но еще шире и смѣлѣе махалъ палкой наступавшій шорникъ, — злой, поджарый, съ провалившимся животомъ, востроносый, въ сапогахъ и лиловой ситцевой рубахѣ. Онъ, отъ лица всей толпы, оралъ, что вышло распоряженіе «поша-

башить это дѣло» — пошабашить въ одинъ и тотъ же день и часъ по всей губерніи: согнать изъ всѣхъ экономій постороннихъ батраковъ, заступить на ихъ работу мѣстнымъ, — по цѣлковому на день! И Тихонъ Ильичъ оралъ еще неистовѣе, стараясь заглушить шорника:

— А-а! Вотъ какъ! Навострился, бродяга, у агитаторовъ? Насобачился?

И шорникъ цѣлко, на лету ловилъ его слова:

— Ты бродяга-то! — вопилъ онъ, наливаясь кровью. — Ты, дуракъ съдой! Ай я самъ не знаю, сколько земли-то у тебя? Сколько, кошкодеръ? Двѣсти? А у меня — чортъ! — у меня ея и всей-то съ твое крыльцо! А почему? Кто ты такой? Кто ты такой есть, спрашиваю я тебя? Изъ какихъ такихъ квасовъ?

— Ну, помни-и, Митька! — крикнулъ наконецъ Тихонъ Ильичъ беспомощно и, чувствуя, что голова его мутится, кинулся сквозь толпу къ бѣгункамъ. — Помни ты это себѣ!

Но никто не боялся угрозъ — и дружный гоготъ, ревъ и свистъ понеслись ему вслѣдъ... А потомъ онъ колесилъ вокругъ усадьбы, замиралъ, слушалъ. Онъ выѣзжалъ на дорогу, на перекрестокъ и становился лицомъ къ зарѣ, къ станціи, готовый каждую минуту ударить по лошади. Было очень тихо, тепло, сыро и темно. Земля, поднимаясь къ горизонту, гдѣ еще тлѣлъ красноватый слабый свѣтъ, была черна, какъ пропасть.

— С-стой, стерва! — сквозь зубы шепталъ Тихонъ Ильичъ шевелившейся лошади. — Сто-ой!

А издали доносились голоса, крики. И изо всѣхъ голосовъ выдѣлялся голосъ Ваньки Краснаго, уже два раза побывавшаго на Донецкихъ шахтахъ. А потомъ надъ усадьбой вдругъ поднялся темно-огненный

столбъ: мужики зажгли въ саду шалашъ — и пистолеть, забытый въ шалашѣ сбѣжавшимъ мѣщаниномъ-садовникомъ, сталъ самъ собой палить изъ огня. . .

Впослѣдствіи узнали, что, и правда, совершилось чудо: въ одинъ и тотъ же день взбунтовались мужики чуть не по всему уѣзду. И гостиницы города долго были переполнены помѣщиками, искавшими защиты у властей. Но впослѣдствіи Тихонъ Ильичъ съ великимъ стыдомъ вспоминалъ, что искалъ и онъ ея: со стыдомъ потому, что весь бунтъ кончился тѣмъ, что поорали по уѣзду мужики, сожгли и разгромили нѣсколько усадебъ, да и смолкли. Шорникъ вскорѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять сталъ появляться въ лавкѣ на Ворглѣ и почтительно снималъ шапку на порогѣ, точно не замѣчая, что Тихонъ Ильичъ въ лицѣ темнѣетъ при его появленіи. Однако еще ходили слухи, что собираются дурновцы убить Тихона Ильича. И онъ побаивался запаздывать на пути изъ Дурновки, ощупывалъ въ карманѣ бульдогъ, надоѣдливо оттягивавшій карманъ шароваръ, давалъ себѣ клятву сжечь до тла Дурновку въ одну прекрасную ночь. . . отравить воду въ дурновскихъ прудахъ. . . Потомъ прекратились и слухи. Но Тихонъ Ильичъ сталъ твердо подумывать развязаться съ Дурновкой. «Не тѣ деньги, что у бабушки, а тѣ, что въ пазушкѣ!»

Въ этотъ годъ Тихону Ильичу сровнялось уже пятьдесятъ. Но мечта стать отцомъ не покидала его. И вотъ она-то и столкнула его съ Родькой.

Родька, долговязый, хмурый малый изъ Ульяновки, пошелъ назадъ тому два года во дворъ ко вдовому брату Якова, Ѳедоту; женился, схоронилъ Ѳедота, умершаго съ перепоя на свадьбѣ, и ушелъ въ солдаты. А

молодая, — стройная, съ очень бѣлой, нѣжной кожей, съ тонкимъ румянцемъ, съ вѣчно опущенными рѣсницами, — стала работать въ усадьбѣ, на поденщинѣ. И эти рѣсницы волновали Тихона Ильича страшно. Носятъ дурновскія бабы «рога» на головѣ: какъ только изъ-подъ вѣнца, косы кладутся на макушкѣ, покрываются платкомъ и образуютъ нѣчто дикое, коровье. Носятъ старинныя темно-лиловыя паневы съ позументомъ, бѣлый передникъ въ родѣ сарафана и лапти. Но Молодая, — за ней такъ и осталась эта кличка, — была и въ этомъ нарядѣ хороша. И однажды вечеромъ, въ темной ригѣ, гдѣ Молодая одна дومتала колось, Тихонъ Ильичъ, оглянувшись, быстро подошелъ къ ней и быстро сказалъ:

— Въ полсапожкахъ ходить будешь, въ платкахъ шелковыхъ. . . Четвертного не пожалѣю!

Но Молодая молчала, какъ убитая.

— Слышишь, что ли? — шопотомъ крикнулъ Тихонъ Ильичъ.

Но Молодая точно окаменѣла, склонивъ голову и кидая граблями.

И такъ онъ и не добился ничего. Какъ вдругъ явился Родька: раньше срока, кривой. Было это вскорѣ послѣ бунта дурновцевъ, и Тихонъ Ильичъ тотчасъ же нанялъ Родьку вмѣстѣ съ женой въ дурновскую усадьбу, ссылаясь на то, что «безъ солдата теперь не обойдешься». Подъ Ильинъ день Родька уѣхалъ въ городъ за новыми метлами и лопатами, а Молодая мыла полы въ домѣ. Шагая черезъ лужи, Тихонъ Ильичъ вошелъ въ комнату, глянулъ на склонившуюся къ полу Молодую, на ея бѣлыя икры, забрызганныя грязной водой, на все ея раздавшееся въ замужествѣ тѣло. . . И вдругъ щелк-

нулъ ключомъ въ двери и, какъ-то особенно ловко вла-
дѣя своей силой и желаніемъ, шагнулъ къ Молодой.
Она быстро выпрямилась, подняла возбужденное, рас-
краснѣвшееся лицо и, держа въ рукѣ мокрую ветошку,
странно крикнула:

— Такъ и смажу тебя, малый!

Пахло горячими помоями, горячимъ тѣломъ, по-
томъ. . . И, схвативъ руку Молодой, звѣрски стиснувъ
ее, тряхнувъ и выбивъ ветошку, Тихонъ Ильичъ правой
рукой поймалъ Молодую за талію, прижалъ къ себѣ, да
такъ, что хрустнули кости, — и понесъ въ другую ком-
нату, гдѣ была постель. И, откинувъ голову, расширивъ
глаза, Молодая уже не билась, не противилась. . .

Стало послѣ этого мучительно видѣть жену, Родьку,
знать, что онъ спитъ съ Молодой, что онъ свирѣпо
бьетъ ее — ежедневно и еженощно. А вскорѣ стало и
жутко. Неисповѣдимы пути, по которымъ доходитъ до
правды ревнующій человѣкъ. И Родька дошелъ. Худой,
кривой, длиннорукій и сильный, какъ обезьяна, съ ма-
ленькой коротко стриженной черной головой, которую
онъ всегда гнулъ, глядя глубоко запавшимъ блестя-
щимъ глазомъ исподлобья, онъ сталъ страшень. Въ
солдатахъ онъ нахватался хохлацкихъ словъ и ударе-
ній. И если Молодая осмѣливалась возражать ему на
его краткія, жесткія рѣчи, онъ спокойно бралъ ремен-
ный кнутъ, подходилъ къ ней съ злой усмѣшкой и,
сквозь зубы, спокойно спрашивалъ, ударяя на «во»:

— Вы шо говорите?

И такъ вытягивалъ ее, что у нея въ глазахъ темнѣло.

Разъ наткнулся на эту расправу Тихонъ Ильичъ и,
не выдержавъ, крикнулъ:

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ ты этакій?

Но Родька спокойно сѣлъ на лавку и только глянулъ на него:

— Вы шо говорите? — спросилъ онъ.

И Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ хлопнуть дверью...

Стали мелькать уже дикія мысли: подстроить такъ, на примѣръ, чтобы Родьку гдѣ-нибудь придавило крышей или землей... Но прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, — и надежда, та надежда, которая и опьянила-то этими мыслями, жестоко обманула: Молодая не забеременѣла! Изъ за чего же было послѣ этого продолжать играть съ огнемъ? Надо было раздѣлаться съ Родькой, прогнать его, да какъ можно скорѣе.

Но кѣмъ было замѣнить его?

Выручилъ случай. Неожиданно Тихонъ Ильичъ помирился съ братомъ и уговорилъ его взять на себя управленіе Дурновкой.

Узналъ онъ отъ знакомаго въ городѣ, что Кузьма долго служилъ конторщикомъ у помѣщика Касаткина и, что всего удивительнѣе, — сталъ «авторомъ». Да, напечатали будто бы цѣлую книжку его стиховъ и на оборотѣ обозначили: «складъ у автора».

— Та-акъ-съ! — протянулъ Тихонъ Ильичъ, услышавши это. — Онъ Кузьма, а ничего! И что же, позвольте спросить, такъ и напечатали: сочиненіе Кузьмы Красова?

— Все честь честь честью, — отвѣтилъ знакомый, твердо вѣрившій, впрочемъ, — какъ и многіе въ городѣ, — что стихи свои Кузьма «сдираетъ» изъ книгъ, изъ журналовъ.

Тогда Тихонъ Ильичъ, не сходя съ мѣста, за столомъ въ трактирѣ Даева, написалъ брату твердую и краткую

записку: пора старикамъ помириться, покаяться. Тутъ же произошло и примиреніе. А на другой день и дѣловой разговоръ.

Было утро, въ трактирѣ еще пусто. Солнце свѣтило въ запыленные окна, озаряло столики, крытые сыроватыми красными скатертями, темный, только-что вымытый отрубями полъ, пахнуцій конюшной, половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ штанахъ. Въ клѣткѣ на всѣ лады, какъ не живая, какъ заведенная, заливалась канарейка. Тихонъ Ильичъ, съ нервнымъ и серьезнымъ лицомъ, сѣлъ за столъ и, какъ только потребовалъ пару чаю, надъ его ухомъ раздался давно знакомый голосъ:

— Ну, еще здравствуй.

Былъ Кузьма ниже его ростомъ, костистѣе, суше. Было у него большое, худое, слегка скуластое лицо, насупленные сѣрыя брови, небольшіе зеленоватые глаза. Началъ онъ не просто:

— Спервоначалу изложу я тебѣ, Тихонъ Ильичъ, — началъ онъ, какъ только Тихонъ Ильичъ налилъ ему чаю, — изложу тебѣ, кто я такой, чтобъ ты зналъ... Онъ усмѣхнулся: — съ кѣмъ ты связываешься...

И у него была манера отчеканивать слоги, поднимать брови, разстегивать и застегивать при разговорѣ пиджакъ на верхнюю пуговицу. И, застегнувшись, онъ продолжалъ:

— Я, видишь ли, — анархистъ...

Тихонъ Ильичъ вскинулъ бровями.

— Не бойся. Политикой я не занимаюсь. А думать никому не закажешь. И вреда тебѣ тутъ — никакого. Буду хозяйствовать исправно, но, прямо говорю, — драть шкуръ не буду.

— Да и времена не тѣ, — вздохнулъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, времена-то все тѣ же. Можно еще, — драть-то. Да нѣтъ, не годится. Буду хозяйствовать, свободное же время отдамъ саморазвитію. . . чтенію, то-есть.

— Охъ, имѣй въ виду: зачитаешься — въ карманѣ не досчитаешься! — сказалъ, потрянувъ головой и дернувъ кончикомъ губы, Тихонъ Ильичъ. — Да, пожалуй, и не наше это дѣло.

— Ну, я такъ не думаю, — возразилъ Кузьма. — Я, братъ, — какъ бы это тебѣ сказать? — странный русскій типъ!

— Я и самъ русскій человѣкъ, имѣй въ виду, — вставилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да иной. Не хочу сказать, что я лучше тебя, но — иной. Ты вотъ, вижу, гордишься, что ты русскій, а я, братъ, охъ, далеко не славянофилъ! Много баять не подобаешь, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы — русскіе. Дикій мы народъ!

Тихонъ Ильичъ, нахмуриваясь, побарабанилъ пальцами по столу.

— Это-то, пожалуй, правильно, — сказалъ онъ. — Дикій народъ. Шальной.

— Ну, вотъ то-то и есть. Я, могу сказать, довольно-таки пошатался по свѣту, — ну и что жъ? — прямо нигдѣ не видалъ скучнѣе и лѣнивѣе типовъ. А кто и не лѣнивъ, — покосился Кузьма на брата, — такъ и въ томъ толку нѣтъ. Рветъ, гандобить себѣ гнѣздо, а толку что?

— Какъ же такъ — толку что? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да такъ. Вить его, гнѣздо-то, тоже надо со смысломъ. Совью, моль, да и поживу по-человѣчески. Вотъ этимъ-то да вотъ этимъ-то.

И Кузьма постучаль себя пальцемъ въ грудь и въ лобъ.

— Намъ, братъ, видно, не до этого, — сказалъ Тихонъ Ильичъ. — «Поживи-ка у деревни, похлебай-ка сѣрыхъ шей, поноси худыхъ лаптей!»

— Лаптей! — ѣдко отозвался Кузьма. — Вторую тыщу лѣтъ, братъ, таскаемъ ихъ, будь они трижды прокляты. А кто виноватъ? Татаре, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да вѣдь авось и тамъ-то, въ Европѣ-то, тоже давили не мало — монголы-то всякіе. Авось и германцы-то не старше... Ну, да это разговоръ особый!

— Вѣрно! — сказалъ Тихонъ Ильичъ. — Давай-ка лучше объ дѣлѣ поговоримъ.

Кузьма однако сталъ договаривать:

— Въ церковь я не хожу...

— Значить, ты молоканъ? — спросилъ Тихонъ Ильичъ и подумаль: — «Пропаль я! Видно, надо развязываться съ Дурновкой!»

— Въ родѣ молокана, — усмѣхнулся Кузьма. — Да а ты-то ходишь? Кабы не страхъ да не нуждишка, — и совсѣмъ забылъ бы.

— Ну, это не я первый, не я послѣдній, — возразилъ Тихонъ Ильичъ, нахмуриваясь. — Всѣ грѣшны. Да вѣдь сказано: за одинъ вздохъ все прощается.

Кузьма покачалъ головою.

— Говоришь привычное! — сказалъ онъ строго. — А ты остановись да подумай: какъ же это такъ? Жиль-

жилъ свиньей всю жизнь, вздохнулъ — и все какъ рукой сняло! Есть тутъ смыслъ, ай нѣтъ?

Разговоръ становился тяжелымъ. «Правильно и это», — подумалъ Тихонъ Ильичъ, глядя въ столъ блестящими глазами. Но, какъ всегда, хотѣлось уклониться отъ думъ и разговора о Богѣ, о жизни, и онъ сказалъ первое, что подвернулось на языкъ:

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! — подхватилъ Кузьма, стуча ногтемъ по столу. — Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово — одно, а дѣло — другое! Русская, братъ, музыка: жить по-свиньячи скверно, а все-таки живу и буду жить по свинячьи! Ну, а за симъ говори дѣло...

Канарейка стихла. Въ трактиръ набирался народъ. Теперь было слышно съ базара, какъ гдѣ-то въ лавкѣ удивительно четко и звонко билъ перепелъ. И, пока шель дѣловой разговоръ, Кузьма все прислушивался къ нему и порою вполголоса подхватывалъ: «Ловко!» А договорившись, хлопнулъ по столу ладонью, энергично сказалъ:

— Ну, значить, такъ, — не стать перетакивать! — и, запустивъ руку въ боковой карманъ пиджака, вынулъ цѣлую кипу бумагъ и бумажекъ, нашель среди нихъ въ мраморно-сѣрой обложкѣ книжечку и положилъ ее передъ братомъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ. — Уступаю твоей просьбѣ да своей слабости. Книжонка плохая, стихи необдуманые, давнишніе... Но дѣлать нечего. На, бери и прячь.

И опять Тихона Ильича взволновало, что братъ его — авторъ, что на этой мраморно-сѣрой обложкѣ напе-

чатано: «Стихотворенія К. И. Красова». Онъ повертѣлъ книжку въ рукахъ и несмѣло сказалъ:

— А то бы прочиталъ что-нибудь. . . А? Ужъ сдѣлай милость, прочти стишка три-четыре!

И, опустивъ голову, надѣвъ пенснэ, далеко отставивъ отъ себя книжку и строго глядя на нее сквозь стекла, Кузьма сталъ читать то, что обычно читаютъ самоучки: подражанія Кольцову, Никитину, жалобы на судьбу и нужду, вызовы заходящей тучѣ-непогодѣ. Но на худыхъ скулахъ выступали розовыя пятна, голосъ порою дрожалъ. Блестѣли глаза и у Тихона Ильича. Не важно было, хороши или дурны стихи, — важно то, что сочинилъ ихъ его родной братъ, бѣднякъ, простой человѣкъ, отъ котораго пахло махоркой и старыми сапогами. . .

— А у насъ, Кузьма Ильичъ, — сказалъ онъ, когда Кузьма смолкъ и, снявъ пенснэ, потупился: — а у насъ одна пѣсня. . .

И неприятно, горько дернулъ губою:

— У насъ одна пѣсня: что́ почемъ?

Водворивъ брата въ Дурновкѣ, онъ однако принялся за эту пѣсню еще охотнѣе, чѣмъ прежде. Передъ тѣмъ, какъ сдать брату на руки Дурновку, онъ придрался къ Родькѣ изъ-за новыхъ гужей, съѣденныхъ собаками, и отказалъ ему. Родька дерзко усмѣхнулся въ отвѣтъ и спокойно пошелъ въ избу собирать свое добро. Молодая выслушала отказъ тоже какъ будто спокойно, — она, разойдясь съ Тихономъ Ильичомъ, опять взяла манеру безстрастно молчать, не глядѣтъ ему въ глаза. Но черезъ полчаса, уже собравшись, Родька пришелъ вмѣстѣ съ ней просить прощенія. Молодая стояла на порогѣ, блѣдная, съ опухшими отъ слезъ вѣками, и

молчала; Родька гнула голову, мяла картузь и тоже пытался плакать, — противно гримасничалъ, а Тихонъ Ильичъ сидѣлъ да косилъ бровями, щелкалъ на счетахъ. Смилостивился онъ только въ одномъ — не вычелъ за гужи.

Теперь онъ былъ твердъ. Отдѣлываясь отъ Родьки и передавая дѣла брату, онъ чувствовалъ себя бодро, ладно. «Ненадеженъ братъ, пустой, кажись, человекъ, ну да покуда сойдетъ!» И, возвратясь на Ворголь, безъ устали хлопоталъ весь октябрь. И, какъ бы въ ладъ съ его настроеніемъ, весь октябрь стояла чудесная погода. Но вдругъ она переломилась, — смѣнилась бурей, ливнями, а въ Дурновкѣ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Родька работалъ въ октябрѣ на линіи чугунки, а Молодая безъ дѣла жила дома, только изрѣдка зарабатывала пятиалтынный, двугривенный въ саду при усадьбѣ. Вела она себя странно: дома молчала, плакала, а въ саду была рѣзко-весела, хохотала, пѣла пѣсни съ Донькой Козой, очень глупой и красивой дѣвкой, похожей на египтянку. Коза жила съ мѣщаниномъ, снимавшимъ садъ, а Молодая, почему-то подружившаяся съ ней, вызывающе поглядывала на его брата, нахальнаго мальчишку, и, поглядывая, намекала въ пѣсняхъ, что она по комъ-то сохнетъ. Было ли у нея съ нимъ что-нибудь, неизвѣстно, но только кончилось все это большой бѣдой: уѣзжая подъ Казанскую въ городъ, мѣщане устроили у себя въ шалашѣ «вечерокъ», — пригласили Козу и Молодую, всю ночь играли на двухъ ливенкахъ, кормили подругъ жамками, поили чаемъ и водкой, а на разсвѣтъ, когда уже запрягали телѣгу, внезапно, съ хохотомъ, повалили пьяную Молодую на-земь, связа-

ли ей руки, подняли юбки, собрали ихъ въ жгутъ надъ головою и стали закручивать веревкой. Коза кинулась бѣжать, забилась со страху въ мокрые бурьяны, а когда выглянула на нихъ, — послѣ того, какъ телѣга съ мѣщанами шибко покатила вонъ изъ сада, — то увидѣла, что Молодая, по поясъ голая, виситъ на деревѣ. Былъ печальный туманный разсвѣтъ, по саду шепталъ мелкій дождикъ, Коза плакала въ три ручья, зубъ на зубъ не попадала, развязывая Молодую, клялась отцомъ-матерью, что скорѣе ее, Козу, громомъ убьетъ, чѣмъ узнаютъ на деревнѣ, что случилось въ саду. . . Но не сровнялось и недѣли, какъ пошли по Дурновкѣ слухи о позорѣ Молодой.

Провѣрить эти слухи, было, конечно, невозможно: «видѣть — никто не видалъ, ну, а Коза-то и сбрехать недорого возьметъ». Однако разговоры, вызванные слухами, не прекращались, и всѣ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали прихода Родьки и его расправы съ женой. Волнуясь, — опять выбившись изъ колеи! — ожидалъ этой расправы и Тихонъ Ильичъ, узнавшій исторію въ саду отъ своихъ работниковъ: вѣдь исторія-то могла кончиться убійствомъ! Но кончилась она такъ, что еще неизвѣстно, что поразило бы Дурновку сильнѣе, — убійство или такой конецъ: въ ночь на Михайловъ день Родька, пришедшій домой «рубаху смѣнить», умеръ «отъ живота»! На Ворглѣ стало извѣстно объ этомъ поздно вечеромъ, но Тихонъ Ильичъ тотчасъ же приказалъ запрячь лошадь и въ темнотѣ, подъ дождемъ понесся къ брату. И сгоряча, выпивъ за чаемъ бутылку наливки, въ страстныхъ выраженіяхъ, съ бѣгающими глазами, покался ему:

— Мой грѣхъ, братъ, мой грѣхъ!

Кузьма долго молчалъ, выслушавъ его, долго ходилъ по комнатѣ, перебирая пальцы, ломая ихъ и хрустя суставами. Наконецъ ни съ того ни съ сего сказалъ:

— Вотъ ты и подумай: есть ли кто лютѣе нашего народа? Въ городѣ за воришкой, схватившимъ съ лотка лепешку грошевую, весь обжорный рядъ гонится, а нагонитъ, мыломъ его кормить. На пожаръ, на драку весь городъ бѣжитъ, да вѣдь какъ жалѣеть-то, что пожаръ али драка скоро кончились! Не мотай, не мотай головой-то: жалѣеть! А какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ, али мальчишку деретъ, какъ сидорову козу, али потѣшается надъ нимъ? Это-то ужъ самая что ни на есть веселая тема.

— Имѣй въ виду, — горячо перебилъ Тихонъ Ильичъ: — охальниковъ всегда и вездѣ было много.

— Такъ. А ты самъ не привозилъ этого. . . ну, какъ его? Дурачка-то этого?

— Мотю Утиную-Головку, что-ли? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, вотъ, вотъ. . . Не привозилъ ты его къ себѣ на потѣху?

И Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: привозилъ. Разъ даже по чугункѣ доставили къ нему Мотю — въ бочкѣ сахарной. Начальство знакомое — ну, и доставили. А на бочкѣ написали: «Осторожно. Дуракъ битый».

— И учать этихъ самыхъ дураковъ для потѣхи рукоблудству! — горько продолжалъ Кузьма. — Мажутъ бѣднымъ невѣстамъ ворота дегтемъ! Травятъ нищихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крышъ камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли, — грѣхъ великій. Самъ Духъ Святой, видите ли, голубиный образъ принимаетъ!

Самоваръ давно остылъ, свѣчка оплыла, въ комнатѣ тускло синѣлъ дымъ, вся полоскательница полна была вонючими размокшими окурками. Вентиляторъ, — жестяная труба въ верхнемъ углу окна, — былъ открытъ, и порою въ немъ что-то начинало визжать, кружиться и скучно-скучно ныть — «какъ въ волостномъ правленіи» — думалъ Тихонъ Ильичъ. Но накурено было такъ, что не помогли бы и десять вентиляторовъ. А по крышѣ шумѣлъ дождь, а Кузьма ходилъ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголь и говорилъ:

— Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неописанная! Исторію почитаешь — волосы дыбомъ стануть: братъ на брата, свать на свата, сынъ на отца, вѣроломство да убійство, убійство да вѣроломство. . . Былины — тоже одно удовольствіе: «распоролъ ему груди бѣлыя», «выпускалъ черева на землю». . . Илья, такъ тотъ своей собственной родной дочери «ступилъ на лѣву ногу и подвергнулъ за праву ногу». . . А пѣсни? Все одно, все одно: мачеха — «лихая да алчная», свекоръ — «лютый да придирчивый», «сидитъ на палатѣ, ровно кобель на канатѣ», свекровь опять-таки «лютая», «сидитъ на печи, ровно сука на цѣпи», золовки — непременно «псовки да кляузницы», деверья — «злые на смѣшники», мужъ — «либо дуракъ, либо пьяница», ему «свекоръ-батюшка вялитъ жану больнѣй битъ, шкуру до пять спустить», а невѣстушка этому самому батюшкѣ «полы мыла — во щи вылила, порогъ скребла — пирогъ спекла», къ муженьку же обращается съ такой рѣчью: «встань, постылый, пробудится, вотъ тебѣ помой — умойся, вотъ тебѣ онучи — утрися, вотъ тебѣ обрывокъ — удавится». . . А прибаутки наши, Тихонъ Ильичъ! Можно ли выдумать грязнѣй и похабнѣе! А

пословицы! «За битаго двухъ небитыхъ даютъ»...
«Простота хуже воровства»...

— Значить, по-твоему, нищимъ-то лучше жить? —
насмѣшливо спросилъ Тихонъ Ильичъ.

И Кузьма радостно подхватилъ его слова:

— Ну, вотъ, вотъ! Нѣту во всемъ свѣтѣ голѣ насъ,
да зато и нѣту охальнѣе на эту самую голь. Чѣмъ поз-
лѣй уязвить? Бѣдностью! «Чортъ! Тебѣ лопать нече-
го...» Да вотъ тебѣ примѣръ: Дениска... ну, этотъ...
сынъ Сѣраго-то... сапожникъ... на-дняхъ и говоритъ
мнѣ...

— Стой, — перебилъ Тихонъ Ильичъ: — а какъ по-
живаешь самъ Сѣрый?

— Дениска говоритъ — «съ голоду околѣваетъ».

— Стерва мужикъ! — сказалъ Тихонъ Ильичъ
убѣжденно. — И ты мнѣ про него пѣсенъ не пой.

— Я и не пою, — сердито отвѣтилъ Кузьма. — Слу-
шай лучше про Дениску-то. Вотъ онъ и рассказываетъ
мнѣ: «Бывало, въ голодный годъ, выйдемъ мы, под-
мастерья, на Черную Слободу, а тамъ этихъ приститу-
токъ — видимо-невидимо. И голодные, шкуры, прего-
лодные! Дашь ей полхунта хлѣба за всю работу, а она
и сожретъ его весь подъ тобой... То-то смѣху было!..»
Затѣмъ! — строго крикнулъ Кузьма, останавливаясь:
— «То-то смѣху было!»

— Да постой ты, Христа ради, — опять перебилъ
Тихонъ Ильичъ: — дай мнѣ про дѣло-то слово сказать!

Кузьма остановился.

— Ну, говори, — сказалъ онъ. — Только что гово-
рить-то? Какъ быть тебѣ? Да никакъ! Денегъ дать

— вотъ и вся недолга. Вѣдь ты подумай: топить нечѣмъ, вѣсть нечего, хоронить не на что! А потомъ опять ее нанять. Ко мнѣ, въ кухарки. . .

Домой уѣхалъ Тихонъ Ильичъ чѣмъ свѣтъ, холоднымъ туманнымъ утромъ, когда еще пахло мокрыми гумнами и дымомъ, сонно пѣли пѣтухи на деревнѣ, скрытой туманомъ, спали собаки у крыльца, спала старая палевая индюшка, взгромоздясь на сукъ полуголой, расцвѣченной мертвыми осенними листьями яблони возлѣ дома. Въ полѣ въ двухъ шагахъ ничего не было видно за густой сѣрой мглой, гонимой вѣтромъ. Спать Тихону Ильичу не хотѣлось, но чувствовалъ онъ себя измученнымъ и, какъ всегда, шибко гналъ лошадь, большую гнѣдую кобылу съ подвязаннымъ хвостомъ, намокшую и казавшуюся худѣй, щеголоватѣй, чернѣе. Онъ отвернулся отъ вѣтра, поднялъ справа холодный и влажный воротникъ чуйки, серебрившейся отъ мельчайшаго дождеваго бисера, сплошь покрывшаго ее, глядѣлъ сквозь холодныя капельки, висѣвшія на рѣсницахъ, какъ все толще наворачивается липкій черноземъ на бѣгущее колесо, какъ стоитъ передъ нимъ и не проходитъ цѣлый фонтанъ высоко толкущихся комьевъ грязи, уже залѣпившихъ его сапоги и колѣни, косился на работающую ляжку лошади, на ея прижатые затуманенныя уши. . . А когда онъ, съ пестрымъ отъ грязи лицомъ, подлетѣлъ наконецъ къ дому, первое, что кинулось ему въ глаза, была лошадь Якова у коновязки. Быстро замотавъ вожжи на передокъ, онъ соскочилъ съ бѣгунковъ, подбѣжалъ къ отворенной двери лавки — и въ испугъ остановился.

— Далдо-онъ! — говорила за стойкой Настасья Пет-

ровна, видимо подражая ему, Тихону Ильичу, но большимъ, ласковымъ голосомъ, и все ниже склонялась къ ящику съ деньгами, роясь въ гремящихъ мѣдякахъ и не находя въ темнотѣ монеты для сдачи. — Далдонъ! Гдѣ онъ нынче дешевле-то?

И, не найдя, разогнулась, поглядѣла на стоящаго передъ ней въ шапкѣ и армякѣ, но босого Якова, на его косую бороду неопредѣленнаго цвѣта и прибавила:

— А не отравила она его?

И Яковъ послѣшно пробормоталъ:

— Не наша дѣло, Петровна... Чума ее знаетъ... Наша дѣло — сторона... Сторона, къ примѣру...

И весь день у Тихона Ильича дрожали руки при воспоминаніи объ этомъ бормотаньи. Всѣ, всѣ думаютъ, что отравила!

Къ счастью, тайна такъ и осталась тайной: Родьку схоронили, Молодая голосила, провожая гробъ, такъ искренно, что была даже неприлична, — вѣдь эта голосьба должна быть не выраженіемъ чувствъ, а исполненіемъ обряда, — и мало-по-малу тревога Тихона Ильича улеглась.

Хлопотъ къ тому же было по горло, а помощниковъ — нѣтъ. Отъ Настасьи Петровны помощи была мало. Въ батраки Тихонъ Ильичъ нанималъ только «полѣтчиковъ» — до осеннихъ заговѣнъ. И они уже разошлись. Остались только годовые, — кухарка, старикъ-караульщикъ, прозванный Жмыхомъ, да малый Оська, «олухъ царя небеснаго». А сколько заботы требовала одна скотина! Зимовало двадцать штукъ овецъ. Въ закутѣ сидѣло шесть черныхъ, вѣчно угрюмыхъ и чѣмъ-то недовольныхъ кабановъ. На варкѣ стояло три кровы, бычокъ, красная телушка. На дво-

рѣ — одиннадцать лошадей, а на стойлѣ — сивый жеребецъ, злой, тяжелый, гривастый, грудастый, — мужикъ, но рублей въ четыреста: отецъ аттестатъ имѣлъ, полторы тысячи стоилъ. И все это требовало глаза да глаза.

Настасья Петровна давно собиралась поѣхать погостить къ знакомымъ въ городъ. И наконецъ, собралась и уѣхала. Проводивъ ее, Тихонъ Ильичъ безцѣльно побрелъ въ поле. По шоссе проходилъ съ ружьемъ за плечами начальникъ почтоваго отдѣленія въ Ульяновкѣ Сахаровъ, извѣстный такимъ свирѣпымъ обращеніемъ съ мужиками, что они говорили: «Подаешь письмо — руки-ноги трясутся!» Тихонъ Ильичъ вышелъ къ нему подъ дорогу. Приподнявъ бровь, онъ глянулъ на него и подумалъ:

«Дуракъ старикъ. Ишь, слоны слоняетъ по грязи».

И дружелюбно крикнулъ:

— Съ полемъ, что ли, Антонъ Маркычъ?

Почтарь остановился. Тихонъ Ильичъ подошелъ и поздоровался.

— Ну, какое тамъ поле! — сумрачно отвѣтилъ почтарь, огромный, сутулый, съ густыми сѣрыми волосами, торчавшими изъ ушей и ноздрей, съ большими бровными дугами и глубоко запавшими глазами. — Такъ, прошелся ради геморроя, — сказалъ онъ, особенно старательно выговаривая послѣднее слово.

— А имѣйте въ виду, — съ неожиданной горячностью отозвался Тихонъ Ильичъ, протягивая руку съ растопыренными пальцами: — имѣйте въ виду: всѣмъ опустѣли наши палестины! Званія не осталось — что птицы, что звѣря-съ!

— Лѣса вездѣ вырубилѣ, — сказалъ почтарь.

— Да еще какъ-съ! Какъ вырубилѣ-то-съ! Подъ гребеночку! — подхватилъ Тихонъ Ильичъ.

И неожиданно прибавилъ:

— Линяетъ-съ! Все линяетъ-съ!

Почему сорвалось съ языка это слово, Тихонъ Ильичъ и самъ не зналъ, но чувствовалъ, что сказано оно все-таки не даромъ. «Все линяетъ, — думалъ онъ: — вотъ, какъ скотина послѣ долгой и трудной зимы. . .» И, простившись съ почтаремъ, долго стоялъ на шоссе, недовольно поглядывая кругомъ. Опять накрапывалъ дождь, дулъ непріятный мокрый вѣтеръ. Надъ волнистыми полями — озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелѣсками — темнѣло. Сумрачное небо все ниже спускалось къ землѣ. Оловомъ поблескивали залитыя дождемъ дороги. На станціи ждали почтоваго поѣзда на Москву, оттуда пахло самоваромъ, и это будило тоскливое желаніе уюта, теплой чистой комнаты, семьи, или отъѣзда куда-нибудь. . .

Ночью опять лилъ дождь, темъ была хоть глазъ выколи. Спалъ Тихонъ Ильичъ плохо, мучительно скрипѣлъ зубами. Его знобило, — вѣрно, простылъ, стоя вечеромъ на шоссе, — чуйка, которой онъ прикрывался, сползала на полъ, и тогда снилось то, что преслѣдовало съ самаго дѣтства, когда по ночамъ зябла спина: сумерки, какіе-то узкіе переулки, бѣгущая толпа, скачущіе на тяжелыхъ телѣгахъ, на злыхъ вороныхъ битюгахъ пожарные. . . Разъ онъ очнулся, зажегъ спичку, глянулъ на будильникъ, — онъ показывалъ три, — поднялъ чуйку и, опять засыпая, сталъ тревожиться: обворуютъ лавку, сведутъ лошадей. . .

Иногда казалось, что онъ на постояломъ дворѣ въ Данковѣ, что ночной дождь шумитъ по навѣсу воротъ и поминутно дергается, звонитъ колоколецъ надъ ними, — пріѣхали воры, привели въ эту непроглядную темь его жеребца и, если узнаютъ, что онъ тутъ, убьютъ его. . . Иногда же возвращалось сознание дѣйствительности. Но и дѣйствительность была тревожна. Старикъ ходилъ подъ окнами съ колотушкой, но то казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко, то Буянь, захлебываясь, рвалъ кого-то, съ бурнымъ лаемъ убѣгалъ въ поле и вдругъ снова появлялся подъ окнами и будилъ, упорно брехалъ, стоя на одномъ мѣстѣ. Тогда Тихонъ Ильичъ собирался выйти, глянуть, — что такое, все ли въ порядкѣ. Но какъ только доходило до того, чтобы рѣшиться, встать, какъ гуще и чаще начиналъ стрекотать въ темныя окошечки крупный косою дождь, гонимый вѣтромъ изъ темныхъ безпредѣльныхъ полей, и милый отца-матери казался сонъ. . .

Наконецъ стукнула дверь, понесло сырымъ холодомъ, — караульщикъ, Жмыхъ, шурша, втащилъ въ прихожую вязанку соломы. Тихонъ Ильичъ открылъ глаза: мутно, водянисто свѣтало, окошечки были потныя.

— Протопи, протопи, братуша, — сказалъ Тихонъ Ильичъ сильнымъ со сна голосомъ. — Да пойдѣмъ кормочку дадимъ, да и иди себѣ спать.

Старикъ похудѣвшій за ночь, весь синій отъ холода, сырости и усталости, глянулъ на него провалившимися мертвыми глазами. Въ мокрой шапкѣ, въ мокромъ короткомъ чекменишкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ, насыщенныхъ водой и грязью, онъ что-то глухо заворчалъ, съ трудомъ становясь на колѣни передъ печкой, набивая ее холодной пахучей старновкой и вздувая сѣрникъ.

— Ай языкъ-то корова отжевала? — сипло крикнулъ Тихонъ Ильичъ, слѣзая съ постели. — Что подъ носъ-то бубнишь?

— Цѣльную ночь шатался, теперь — кормочку дай, — пробормоталъ старикъ, не поднимая головы, какъ бы самъ съ собою.

Тихонъ Ильичъ покосился на него:

— Видѣлъ я, какъ ты шатался!

Онъ надѣлъ поддевку и, пересиливая мелкую дрожь въ животѣ, вышелъ на истоптанное крылечко, на ледяную свѣжесть блѣднаго ненастнаго утра. Всюду налило свинцовыхъ лужъ, всѣ стѣны потемнѣли отъ дождя. . .

«Работнички!» — подумалъ онъ злобно.

Чуть моросило, «но, вѣрно, къ обѣду опять польетъ», подумалъ онъ. И съ удивленіемъ глянулъ на лохматого Буяна, кинувшагося къ нему изъ за угла: глаза блестятъ, языкъ свѣжъ и красенъ, какъ огонь, горячее дыханіе такъ и пышетъ псиной. . . И это послѣ цѣлой ночи бѣготни и лая!

Онъ взялъ Буяна за ошейникъ и, шлепая по грязи, обошелъ, оглядѣвъ всѣ замки. Потомъ привязалъ его на цѣпь подъ амбаромъ, вернулся въ сѣни и заглянулъ въ большую кухню, въ избу. Въ избѣ противно и тепло воняло; кухарка спала на голомъ коникѣ, закрывъ лицо фартукомъ, выставивъ кострець и подогнувъ къ животу ноги въ старыхъ большихъ валенкахъ съ толсто натоптанными по земляному полу подошвами; Оська лежалъ на нарахъ, въ полушубкѣ. въ лаптяхъ, уткнувъ голову въ сальную тяжелую подушку.

«Связался чортъ съ младенцемъ! — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ отвращеніемъ. — Ишь, всю ночь распутничала, а подъ утро — на лавочку!»

И, оглянувъ черныя стѣны, маленькія окошечки, лохань съ помоями, громадную плечистую печь, громко и строго крикнулъ:

— Эй! Господа-бояре! Пора и честь знать!

Пока кухарка затапливала печку, варила кабанамъ картошки и раздувала самоваръ, Оська, безъ шапки, спотыкаясь отъ дремоты, таскалъ хоботье лошадямъ и коровамъ. Тихонъ Ильичъ самъ отперъ скрипучія ворота варка и первый вошелъ въ его теплый и грязный уютъ, обнесенный навѣсами, денниками и закутами. Выше щиколки былъ унавоженъ варокъ. Навозъ, моча, дождь — все слилось и образовало густую коричневую жижу. Лошади, уже темнѣя бархатной зимней шерстью, бродили подъ навѣсами. Овцы грязно-сѣрой массой сбились въ одинъ уголь. Старый бурый меринъ одиноко дремалъ возлѣ пустыхъ яслей, измазанныхъ тѣстомъ. Съ непривѣтливаго ненастнаго неба надъ квадратомъ двора моросило и моросило. Кабаны болѣзненно, настойчиво ныли, урчали въ закутѣ.

«Скука!» — подумалъ Тихонъ Ильичъ и тотчасъ же свирѣпо гаркнулъ на старика, тащившаго вязанку старновки:

— Что жь по грязи-то тащишь, старая транда?

Старикъ бросилъ старновку на-земь, поглядѣлъ на него и вдругъ спокойно сказалъ:

— Отъ транды слышу.

Тихонъ Ильичъ быстро оглянулся, — вышелъ ли малый, — и, убѣдившись, что вышелъ, быстро и тоже какъ будто спокойно подошелъ къ старику, далъ ему въ зубы, да такъ, что тотъ головой мотнулъ, схватилъ его за шиворотъ и изо всей силы пустилъ къ воротамъ.

— Вонъ! — крикнулъ онъ, задохнувшись и поблѣд-

нѣвъ, какъ мѣль. — Чтобъ твоего и духу здѣсь не пахло больше, рвань ты этакая!

Старикъ вылетѣлъ за ворота — и черезъ пять минутъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, уже шагаль по шоссе, домой. Тихонъ Ильичъ трясущимися руками напоилъ жеребца, засыпаль ему свѣжаго овса, — вчерашній онъ только перерылъ, переслюнявилъ, — и, широко шагая, утопая въ жижѣ и навозѣ, пошелъ въ избу.

— Готово, что-ли? — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

— Пospѣешь! — огрызнулась кухарка.

Избу застилало теплымъ прѣснымъ паромъ, валившимъ изъ чугуна отъ картошекъ. Кухарка, вмѣстѣ съ малымъ, яростно толкла ихъ толкачами, посыпая мукой, и за стукомъ Тихонъ Ильичъ не слыхаль отвѣта. Хлопнувъ дверью, онъ пошелъ пить чай.

Въ маленькой прихожей онъ поддалъ ногой грязную тяжелую попону, лежавшую у порога, и направился въ уголь, гдѣ, надъ табуреткой съ оловяннымъ тазомъ, былъ прибитъ мѣдный рукомойникъ и на полочкѣ лежалъ обмызганный кусочекъ кокосоваго мыла. Гремя рукомойникомъ, онъ косилъ, двигаль бровями, раздувалъ ноздри, не могъ остановить злого, бѣгающаго взгляда и съ особенной отчетливостью говорилъ:

— Хм! Нѣтъ, каковы работнички-сь? Сладу съ ними нонче не стало! Скажи ты ему слово — онъ тебѣ десять! Скажи ему десять — онъ тебѣ сто! Да нѣтъ, брешешь! Авось не къ лѣту, авось васъ, чертей, много! Къ зимѣ-то, братъ, жрать захочешь, — придешь, сукинъ сынъ, приде-ешь, покло-о-нишься!

Утирка висѣла возлѣ рукомойника съ Михайлова дня. Она была такъ затерта, что, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ стиснулъ челюсти.

— Охъ! — сказалъ онъ, закрывая глаза и трясая головой. — Охъ, Мати Царица небесная!

Двѣ двери вели изъ прихожей. Одна, налѣво, — въ комнату для прїѣзжающихъ, длинную, полутемную, окошечками на варокъ; стояли въ ней два большихъ дивана, жесткихъ, какъ камень, обитыхъ черной клеенкой, переполненныхъ и живыми и раздавленными, высохшими клопами, а на простѣнкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ лихими бобровыми бакенбардами; портретъ окаймляли маленькіе портреты героевъ русско-турецкой войны, а внизу была подпись: «Долго будутъ дѣти наши и славянскіе братушки помнить славныя дѣла, какъ отецъ нашъ, воинъ смѣлый, Сулейманъ-пашу разбилъ, побѣдилъ враговъ невѣрныхъ и прошелъ съ дѣтьми своими по такимъ крутизнамъ, гдѣ носились лишь туманы да пернатые цари». Другая дверь вела въ комнату хозяевъ. Тамъ, направо, возлѣ двери, блестѣла стеклами горка, налѣво бѣлѣла печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по бѣлому, замазали глиной — и получились очертанія чего-то въ родѣ изломаннаго худого человѣка, крѣпко надоѣвшаго Тихону Ильичу. За печью висилась двуспальная постель; надъ постелью былъ прибитъ коверъ мутно-зеленыхъ и кирпичныхъ шерстей съ изображеніемъ тигра, усатаго, съ торчащими кошачьими ушами. Противъ двери, у стѣны, стоялъ комодъ, крытый вязаной скатертью, на немъ — вѣнчальная шкатулка Настасьи Петровны. . .

— Въ лавку! — крикнула, прїотворивъ дверь, кухарка.

Дали затянуло водянистымъ туманомъ, опять становилось похоже на сумерки, моросилъ дождь, но вѣтеръ повернулъ, дулъ съ сѣвера — и воздухъ посвѣжѣлъ. Веселѣе и звончѣй, чѣмъ за всѣ послѣдніе дни, крикнулъ на станціи отходившій товарный поѣздъ.

— Здорово, Ильичъ, — сказалъ, кивая мокрой манджурской папахой, трегубый мужикъ, державшій у крыльца мокрую пѣгую лошадь.

— Здорово, — кинулъ Тихонъ Ильичъ, косо глянувъ на бѣлый крѣпкій зубъ, блестящій изъ-за раздвоенной губы мужика. — Что надо?

И, торопливо отпустивъ соли и керосину, торопливо вернулся въ горницы.

— Лба не дадутъ перекрестить, собаки! — бормоталъ онъ на ходу.

Самоваръ, стоявшій на столѣ возлѣ простѣнка, бурлилъ, клокоталъ, зеркальце, висѣвшее надъ столомъ, подернулось налетомъ бѣлаго пара. Отпотѣли окна и олеографія, прибитая подъ зеркаломъ, — великанъ въ желтомъ кафтанѣ и красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ россійскимъ стягомъ въ рукахъ, изъ-за котораго глядѣлъ башнями и главами московскій кремль. Фотографическія карточки въ рамкахъ изъ раковинъ окружали эту картину. На самомъ почетномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ знаменитаго іерея въ муаровой рясѣ, съ рѣденькой бородкой, съ припухшими щеками и маленькими пронзительными глазками. И, взглянувъ, на него, Тихонъ Ильичъ истово перекрестился на икону въ углу. Потомъ снялъ съ самовара закопченный чайникъ, налилъ стаканъ чаю, крѣпко пахнущаго распареннымъ вѣнникомъ.

«Лба не дадутъ перекрестить, — думаль онъ, стра-
дальчески морщась. — Зарѣзали, будь они прокляты!»

Казалось, что нужно что-то вспомнить, сообразить, или просто лечь и выспаться какъ слѣдуетъ. Хотѣлось тепла, покоя, ясности, твердости мысли. Онъ всталъ, подошелъ къ горкѣ, задрезжавшей стеклами и посудой, взялъ съ полки бутылку рябиновки, кубастенькій стаканчикъ, на которомъ было написано: «его же и монаси приѣмлютъ»...

— Ай не надо? — сказалъ онъ вслухъ.

И налилъ и выпилъ, еще налилъ и еще выпилъ. И, закусывая толстымъ кренделемъ, сѣлъ за столъ.

Онъ жадно хлебаль съ блюдечка горячій чай, сосаль, держа на языкѣ, кусочекъ сахару. Онъ разсѣян-но и подозрительно покосился, хлебая чай, на простѣ-нокъ, на мужика въ желтомъ кафтанѣ, на карточки въ рамкахъ изъ раковинъ и даже на іерея въ муаровой рясѣ.

— Не до лериги намъ, свиньямъ! — подумаль онъ и, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, грубо прибавилъ: — Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кис-лыхъ щей!

Косясь на іерея, онъ чувствовалъ, что все сомни-тельно. . . даже, кажется, и обычное благоговѣніе его къ этому іерею. . . сомнительно и не продумано. Если подумать хорошенько. . . Но тутъ онъ поспѣшилъ пе-ревести взглядъ на московскій кремль.

— Страмъ сказать! — пробормоталь онъ. — Въ Москвѣ сроду не бываль!

Да, не бываль. А почему? Кабаны не велятъ! То торгашество не пускало, то постоялый дворъ, то ка-бакъ. Теперь вотъ не пускаютъ жеребецъ, кабаны.

Да что — Москва! Въ березовый лѣсишко, что за шоссе, и то десять лѣтъ напрасно прособирался. Все надѣялся какъ-нибудь урвать свободный вечерокъ, захватить съ собой коверъ, самоваръ, посидѣть на травѣ, въ прохладѣ, въ зелени, — да такъ и не урвалъ. . . Какъ вода межъ пальцевъ, скользятъ дни, опомниться не успѣлъ — пятьдесятъ стукнуло, вотъ-вотъ и конецъ всему, а давно-ли, кажись, безъ портокъ бѣгаль? Прямо вчера!

Неподвижно смотрѣли лица изъ рамокъ-раковинокъ. Вотъ, на полу (но среди густой ржи) лежатъ двое — самъ Тихонъ Ильичъ и молодой купецъ Ростовецъ — и держать въ рукахъ стаканы, ровно до половины налитые темнымъ пивомъ. . . Какая дружба завязалась-было между Ростовцевымъ и Тихономъ Ильичемъ! Какъ запомнился тотъ свѣрый масляничный день, когда снимались! Но въ какомъ году это было? Куда исчезъ Ростовцевъ? Теперь нѣтъ даже увѣренности, жилъ онъ на свѣтѣ или нѣтъ. . . А вотъ стоятъ, вытянувшись во фронтъ и окаменѣвъ, три мѣщанина, гладко причесанные на прямой рядъ, въ вышитыхъ косовороткахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ расчищенныхъ сапогахъ, — Бучневъ, Выставкинъ и Богомолловъ. Выставкинъ, тотъ, что посрединѣ, держитъ передъ грудью хлѣбъ-соль на деревянной тарелкѣ, прикрытой полотенцемъ, расшитымъ пѣтухами, Бучневъ и Богомолловъ — по иконѣ. Эти снимались въ пыльный, вѣтреный день, когда освящали элеваторъ, — когда пріѣзжали архіерей и губернаторъ, когда Тихонъ Ильичъ такъ гордъ былъ тѣмъ, что попалъ въ число публики, пріѣтствовавшей начальство. Но что осталось въ памяти отъ этого дня? Толь-

ко то, что часовъ пять ждали возлѣ элеватора, что тучей летѣла бѣлая пыль по вѣтру, что губернаторъ, длинный и чистый покойникъ въ бѣлыхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ шитомъ золотомъ мундирѣ и треуголкѣ, шелъ къ депутаціи необыкновенно медленно. . . что было очень страшно, когда онъ заговорилъ, принимая хлѣбъ-соль, что всѣхъ поразили необыкновенной худобой и бѣлизной его руки, ихъ кожа, тончайшая и блестящая, какъ снятая со змѣи шкурка, блестящіе, размытые перстни и кольца на сухихъ тонкихъ пальцахъ съ прозрачными длинными ногтями. . . Теперь губернатора этого уже нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ и Выставкина. . . А черезъ пять, десять лѣтъ такъ же будутъ говорить и про Тихона Ильича:

— Покойный Тихонъ Ильичъ. . .

Въ горницѣ стало теплѣй и уютнѣй отъ нагрѣвшейся печки, зеркальце прояснилось, но за окнами ничего не было видно, стекла бѣлѣли матовымъ паромъ, — значить, на дворѣ свѣжѣло. Все слышнѣе доносился нудный стонъ голодныхъ кабановъ, — и вдругъ этотъ стонъ превратился въ дружный и мощный ревъ: вѣрно, кабаны слышали голоса кухарки и Оськи, тащившихъ къ нимъ тяжелую лоханку съ мѣсивомъ. И, не кончивъ думъ о смерти, Тихонъ Ильичъ кинулъ папиросу въ полоскательницу, надернулъ поддевку и поспѣшилъ на варокъ. Широко и глубоко шагая по хлюпающему навозу, онъ самъ отворилъ закуту — и долго не сводилъ жадныхъ и тоскливыхъ глазъ съ кабановъ, кинувшихся къ корыту, въ которое съ паромъ вывалили мѣсиво.

Думу о смерти перебивала другая: покойный-то покойный, а этого покойнаго, можетъ быть, въ при-

мѣръ, будутъ ставить. Кто онъ былъ? Сирота, нищій, въ дѣтствѣ не жравшій по два дня куска хлѣба. . . А теперь?

— Твою біографію жизни описать слѣдуетъ, — насмѣшливо сказалъ однажды Кузьма.

А насмѣхаться-то, пожалуй, и не надъ чѣмъ. Значить, была башка на плечахъ, если изъ нищаго, едва умѣвшаго читать мальчишки вышелъ не Тишка, а Тихонъ Ильичъ. . .

Но вдругъ кухарка, тоже пристально глядѣвшая на кабановъ, тѣснившихъ другъ друга и залѣзавшихъ въ корыто передними ножками, икнула и сказала:

— Охъ, Господи! Кабы у насъ какой бѣды нынче не было! Вижу нынче во снѣ — нагнали къ намъ, будто, скотины на дворъ, нагнали овецъ, коровъ, свиней всякихъ. . . Да все черныхъ, все черныхъ!

И опять засосало сердце. Да, вотъ скотина эта самая! Отъ одной скотины удавиться можно. Трехъ часовъ не прошло, — опять берись за ключи, опять таскай кормъ всему двору. Въ общемъ денникъ — три дойныхъ коровы, въ отдѣльныхъ — красная телушка, быкъ Бисмаркъ: имъ теперь подавай сѣна. Лошадямъ, овцамъ въ обѣдъ полагается хоботье, а жеребцу — и самъ чортъ не придумаетъ, что! Жеребецъ просунулъ морду въ рѣшетчатый верхъ двери, поднялъ верхнюю губу, обнажилъ розовыя десны и бѣлые зубы, исказилъ ноздри. . . И Тихонъ Ильичъ, съ неожиданнымъ для самого себя бѣшенствомъ, вдругъ зыкнулъ на него:

— Балуй, анаема, разрази тебя громомъ!

Опять онъ промочилъ ноги, прозябъ — шла крупа — и опять выпилъ рябиновки. Ъль картошки съ под-

солнечнымъ масломъ и солеными огурцами, щи съ грибной подливкой, пшеничную кашу... Лицо покраснѣлось, голова отяжелѣла.

Не раздѣваясь, — только стащивъ нога объ ногу грязные сапоги, — онъ легъ на постель. Но тревожило то, что придется вотъ-вотъ опять вставать: лошадамъ, коровамъ и овцамъ надо къ вечеру задать овсяной соломы, жеребцу — тоже... или нѣтъ, лучше перебить ее съ сѣномъ, а потомъ полить и посолить хорошенько... Только вѣдь непременно проспишь, если дашь себѣ волю. И Тихонъ Ильичъ потянулся къ комоду, взялъ будильникъ и сталъ заводить его. И будильникъ ожилъ, застучалъ — и въ горницѣ стало какъ будто покойнѣе подъ его бѣгущей мѣрный стукъ. Мысли спутались...

Но только-что спутались, какъ внезапно раздалось грубое и громкое церковное пѣніе. Въ испугѣ открывъ глаза, Тихонъ Ильичъ сперва разобралъ только одно: орутъ въ носъ два мужика, а изъ прихожей несутъ холодомъ и запахомъ мокрыхъ чекменей. Потомъ вскочилъ, сѣлъ и разглядѣлъ, что это за мужики: одинъ былъ слѣпецъ, рябой, съ маленькимъ носомъ, длинной верхней губой и большимъ круглымъ черепомъ, а другой — самъ Макарь Ивановичъ!

Былъ Макарь Ивановичъ когда-то просто Макаркою — такъ и звали всѣ: «Макарка-Странникъ» — и зашелъ однажды въ кабакъ къ Тихону Ильичу. Брель куда-то по шоссе, — въ лаптяхъ, скуфьѣ и засаленномъ подрясникѣ, — и зашелъ. Въ рукахъ — высокая палка, выкрашенная мѣдянкой, съ крестомъ на верхнемъ концѣ и съ копьемъ на нижнемъ, за плечами — ранецъ и солдатская манерка; волосы длинные,

желтые; лицо — широкое, цвѣта замазки, ноздри — какъ два ружейныхъ дула, носъ — переломленный, въ родѣ сѣдельнаго арчака, а глаза, какъ это часто бываетъ при такихъ носахъ, свѣтлые, остро-блестящіе. Безстыжій, смѣтливый, жадно курившій цыгарку за цыгаркой и пускавшій дымъ въ ноздри, говорившій грубо и отрывисто, тономъ, совершенно исключаящимъ возраженія, онъ очень понравился Тихону Ильичу и какъ разъ за этотъ тонъ, — за то, что сразу было видно: «прожженный сукинъ сынъ».

И Тихонъ Ильичъ оставилъ его у себя — за подручнаго. Скинулъ съ него бродяжью одежду и оставилъ. Но воромъ Макарка оказался такимъ, что пришлось жестоко избить его и прогнать. А черезъ годъ Макарка на весь уѣздъ прославился прорицаніями, — настолько зловѣщими, что его посѣщеній стали бояться, какъ огня. Подойдетъ къ кому-нибудь подѣ окно, заунывно затянетъ «со святыми упокой» или подастъ кусочекъ ладану, щепотку пыли — и ужъ не обойтись тому дому безъ покойника.

Теперь Макарка, въ своей прежней одеждѣ и съ палкой въ рукѣ, стоялъ у порога и пѣлъ. Слепой подхватывалъ, закатывая молочные глаза подѣ лобъ, и по той несоразмѣрности, которая была въ его чертахъ, Тихонъ Ильичъ сразу опредѣлилъ его какъ бѣглаго каторжника, страшнаго и безпощаднаго звѣря. Но еще страшнѣе было то, что пѣли эти бродяги. Слепой, сумрачно шевеля поднятыми бровями, смѣло заливался мерзкимъ гнусавымъ теноромъ. Макарка, остро блестя неподвижными глазами, гудѣлъ свирѣпымъ басомъ. Выходило что-то не въ мѣру громкое, грубо-стройное, древне-церковное, властное и грозящее:

Расплачется мать сыра-земля, разрыдается! —
заливался слѣпой.

Ра-спла-че-тся, раз-ры-да-ется! —
убѣжденно вторилъ Макарка.

Передъ Спасомъ, передъ образомъ, —
вопилъ слѣпой.

Авось грѣшники покаются! —
угрожалъ Макарка, раскрывая нахальные ноздри.
И, сливая свой басъ съ теноромъ слѣпого, твердо вы-
говаривалъ:

Не минуютъ суда Божьяго!

Не минуютъ огня вѣчнаго!

И вдругъ оборвалъ, — въ ладъ со слѣпымъ, —
крякнулъ и просто, своимъ обычнымъ дерзкимъ то-
номъ, приказалъ:

— Пожалуйста, купецъ, рюмочкой погрѣться.

И, не дождавшись отвѣта, шагнулъ черезъ порогъ,
подошелъ къ постели и сунулъ Тихону Ильичу въ ру-
ки какую-то картинку.

Это была простая вырѣзка изъ иллюстрированного
журнала, но, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ по-
чувствовалъ внезапный холодъ подъ ложечкой. Подъ
картинкой, изображавшей гнущіяся отъ бури деревья,
бѣлый зигзагъ по тучамъ и падающаго челоеѣка, бы-
ла подпись: «Жанъ-Поль Рихтеръ, убитый молніей».

И Тихонъ Ильичъ опѣшилъ.

Но тотчасъ же медленно изорвалъ картинку на
мелкіе клочки. Потомъ слѣзъ съ постели и, натягивая
сапоги, сказалъ:

— Ты напугивай кого подурѣе меня. Я-то, братъ,
хорошо знакомъ съ тобою! Получи, что слѣдуетъ, и
— съ Богомъ.

Потомъ пошелъ въ лавку, вынесъ Макаркѣ, стоявшему со слѣпымъ возлѣ крыльца, два фунта кренделей, пару селедокъ и повторилъ еще строже:

— Съ Господомъ!

— А табачку? — нагло спросилъ Макарка.

— Табачку у самого къ одному бочку, — отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ. — Меня, братъ, не перебрешешь!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Удавить тебя, Макарка, мало за твои шашни!

Макарка поглядѣлъ на слѣпого, стоявшаго прямо, твердо, съ высоко поднятыми бровями, и спросилъ его:

— Человѣкъ божій, какъ по-твоему? Удавить, ай разстрѣлять?

— Разстрѣлять вѣрнѣе, — отвѣтилъ слѣпой серьезно. — Тутъ, по крайности, прямая сообщеніе.

Смеркалось, гряды сплошныхъ облаковъ синѣли, холодѣли, дышали зимою. Грязь густѣла. Спровадивъ Макарку, Тихонъ Ильичъ потопалъ озябшими ногами по крыльцу и пошелъ въ горницу. Тамъ онъ, не раздѣваясь, сѣлъ на стулъ возлѣ окошка, закурилъ и опять задумался. Вспомнились лѣто, бунтъ, Молодая, братъ, жена... и то, что еще до сихъ поръ не платилъ по квиткамъ за рабочую пору. Былъ у него обычай затягивать платежи. Дѣвки и ребята, ходившіе къ нему на поденщину, по цѣлымъ днямъ стояли осенью у его порога, жаловались на самыя крайнія нужды, раздражались, говорили иногда дерзости. Но онъ былъ непреклоненъ. Онъ кричалъ, призывая Бога во свидѣтели, что у него «во всемъ домѣ двѣ трынки, хоть обыщи!» — и вывертывалъ карманы, кошелекъ, въ притворномъ бѣшенствѣ плевалъ, какъ бы пораженный недоувѣріемъ, «безсовѣстностью» просителей...

И нехорошимъ показался ему этотъ обычай теперь. Безпощадно-строгъ, холоденъ былъ онъ съ женой, чуждъ ей на рѣдкость. И вдругъ и это поразило его: Боже мой, да вѣдь онъ даже понятія не имѣетъ, что она за человѣкъ! Чѣмъ она жила, что думала, что чувствовала всѣ эти долгіе годы, прожитые съ нимъ въ непрестанныхъ заботахъ?

Онъ кинулъ папиросу, закурилъ другую... Ухъ, и умень, эта бестія, Макарка! А разъ умень, развѣ не можетъ онъ предугадать — кого, что и когда ждетъ? Его же, Тихона Ильича, ждетъ непременно что-нибудь скверное. Вѣдь ужъ и не молоденькій! Сколько его сверстниковъ на томъ свѣтѣ! А отъ смерти да старости — спасенья нѣтъ. Не спасли бы и дѣти. И дѣтей бы онъ не зналъ, и дѣтямъ былъ бы чужой, какъ чуждъ онъ всѣмъ близкимъ — и живымъ и умершимъ. Народу на свѣтѣ, — какъ звѣздъ на небѣ; но такъ коротка жизнь, такъ быстро растутъ, мужають и умирають люди, такъ мало знаютъ другъ друга и такъ быстро забываютъ все пережитое, что съ ума сойдешь, если вдумашься хорошенько! Вотъ онъ давеча про себя сказалъ:

— Мою жизнь описать слѣдуетъ...

А что описывать-то? Нечего. Нечего или не стоитъ. Вѣдь онъ самъ почти ничего не помнитъ изъ этой жизни. Совсѣмъ, напримѣръ, забылъ дѣтство: такъ, мерещится порой день какой-нибудь лѣтній, какой-нибудь случай, какой-нибудь сверстникъ... Кошку чью-то опалилъ однажды — сѣкли. Плеточку со свистулкой подарили — и несказанно обрадовали. Пьяный отецъ подозвалъ какъ-то, — ласково, съ грустью въ голосъ:

— Поди ко мнѣ, Тиша, поди, родной!

И неожиданно сгребъ за волосы...

Если бъ живъ былъ теперь шибай Илья Мироновъ, Тихонъ Ильичъ кормилъ бы старика изъ милости и не зналъ бы, едва замѣчалъ его. Вѣдь было же такъ съ матерью; спроси его теперь: помнишь мать? — и онъ отвѣтитъ: помню какую-то гнутую старуху... навозъ сушила, печку топила, тайкомъ пила, ворчала... И больше ничего. Чуть не десять лѣтъ служилъ онъ у Маторина, но и эти десять лѣтъ слились въ одинъ-два дня: апрѣльскій дождикъ накрапываетъ и пятнить желѣзные листы, которые, грохоча и звеня, кидають на телѣгу возлѣ сосѣдней лавки... сѣрый морозный полдень, голуби шумной стаей падають на снѣгъ возлѣ лавки другого сосѣда, торгующаго мукой, крупой, халуемъ, — гуртуютъ, воркуютъ, трепещутъ крыльями, — а они съ брагомъ бычьимъ хвостомъ подхлестываютъ жужжащій у порога кубарь... Маторинъ былъ тогда молодъ, крѣпокъ, сизо-красенъ, съ чисто выбритымъ подбородкомъ, съ рыжими бачками, сръзанными до половины. Теперь онъ обѣднѣлъ, шмыгаетъ старческой походкой въ своей выгорѣвшей на солнцѣ чуйкѣ и глубокомъ картузѣ отъ лавки къ лавкѣ, отъ знакомаго къ знакомому, играетъ въ шашки, сидитъ въ трактирѣ Даева, пьетъ понемножку, хмелѣетъ и приговариваетъ:

— Мы — люди маленькіе: выпили, закусили, расплатились — и домой!

А встрѣчая Тихона Ильича, не узнаетъ его, жалко улыбается:

— Никакъ ты, Тиша?

А самъ Тихонъ Ильичъ не узналъ при первой встрѣчѣ, нынѣшней осенью — брата родного: «да неужели это Кузьма, съ которымъ столько лѣтъ скитались по полямъ, деревнямъ и проселкамъ?»

— Постарѣлъ ты, братъ!

— Есть малость.

— А раненько!

— На то я и русскій. У насъ это — живо!

Закуривая третью папиросу, Тихонъ Ильичъ упорно и вопросительно глядѣлъ въ окошко:

— Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?

Нѣтъ, не можетъ того быть. Бывали знакомые за границей, — на примѣръ, купецъ Рукавишниковъ, — рассказывали. . . Да и безъ Рукавишникова можно сообразить. Взять хоть русскихъ нѣмцевъ или жидовъ: всѣ ведутъ себя дѣльно, аккуратно, всѣ другъ друга знаютъ, всѣ пріятели, — и не только по пьяному дѣлу, — всѣ помогаютъ другъ другу; если разбѣзжаются — переписываются, портреты отцовъ, матерей, знакомыхъ изъ семьи въ семью передаютъ; дѣтей учатъ, любятъ, гуляютъ съ ними, разговариваютъ, какъ съ равными, — вотъ вспомнить-то ребенку и будетъ что. А у насъ всѣ враги другъ другу, завистники, сплетники, другъ у друга разъ въ годъ бываютъ, мечутся, какъ угорѣлые, когда нечаянно заѣдетъ кто, кидаются комнаты прибирать. . . Да что! Ложки варенья жалѣютъ гостю! Безъ упрашиваній гость лишняго стакана не выпьетъ. . .

Мимо оконъ прошла чья-то тройка. Тихонъ Ильичъ внимательно оглядѣлъ ее. Лошади поджарыя, но, видно, рѣзвыя. Тарантасъ въ исправности. За кѣмъ бы это? Поблизости ни у кого нѣтъ такой тройки. Побли-

зости помѣщики такая голь, что безъ хлѣба по три дня сидятъ, послѣднія ризы съ иконъ продали, разбитаго стекла вставить, крышу поправить не на что; окна подушками затыкаютъ, а по полу, какъ дождь, лотки и ведра разставляютъ, — сквозь потолки какъ сквозь рѣшета льетъ... Потомъ прошелъ Дениска-сапожникъ. Куда это? И съ чѣмъ? Никакъ съ чемоданомъ? Охъ, и дуракъ же, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе!

Машинально Тихонъ Ильичъ сунуль ноги въ калоши и вышелъ на крыльцо. Выйдя и глубоко дохнувъ свѣжимъ воздухомъ предзимнихъ синеватыхъ сумерокъ, опять остановился, сѣлъ на лавочку... Да, вотъ тоже семейка — Сѣрый съ сынкомъ! Мысленно Тихонъ Ильичъ сдѣлалъ ту дорогу, которую одолѣлъ Дениска по грязи, съ чемоданомъ въ рукѣ. Увидалъ Дурновку, свою усадьбу, оврагъ, избы, сумерки, огонекъ у брата, огоньки по дворамъ... Кузьма сидитъ, небось, и читаетъ. Молодая стоитъ въ темной и холодной прихожей, возлѣ чуть теплой печки, грѣетъ руки, спину, ждетъ, когда скажутъ — «ужинать!» — и, поджавъ постарѣвшія, подсохшія губы, думаетъ... О чемъ? О Родькѣ? Брехня все это, будто она его отравила, брехня! А если отравила... Господи Боже! Если отравила, — что должна она чувствовать? Какой могильный камень лежитъ на ея открытой душѣ!

Мысленно онъ взглянулъ съ крыльца своего дурновскаго дома на Дурновку, на черныя избы по косогору за оврагомъ, на риги и лозинки на задворкахъ... За полями влѣво, на горизонтѣ, — желѣзнодорожная будка. Въ сумерки мимо нея проходитъ поѣздъ — бѣжитъ цѣпь огненныхъ глазъ. А потомъ загораютъ

ся глаза по избамъ. Темнѣетъ, становится уютнѣй — и непріятное чувство шевельнется каждый разъ, когда взглянешь на избы Молодой и Сѣраго, что стоятъ почти среди Дурновки, черезъ три двора другъ отъ друга: ни въ той ни въ другой нѣтъ огня. Дѣтишки Сѣраго, какъ кроты, слѣпнутъ, шалѣютъ отъ радости и удивленія, когда удастся въ какой-нибудь счастливый вечеръ освѣтить избу. . .

— Нѣтъ, грѣшно! — твердо сказалъ Тихонъ Ильичъ и поднялся съ мѣста. — Нѣтъ, безбожно! Надо хоть маленько помочь дѣлу, — сказалъ онъ, направляясь къ станціи.

Морозило, душистѣе тянуло отъ вокзала запахомъ самовара. Чище блестѣли тамъ огни, звучно громыхали бубенчики на тройкѣ. Хоть куда троечка! Зато лошаденки мужиковъ-извозчиковъ, ихъ крохотныя телѣжки на полуразсыпавшихся, косыхъ колесахъ, облѣпленныхъ грязью, — смотрѣть жалко! Визжала и глухо хлопала за палисадникомъ вокзальная дверь. Обогнувъ его, Тихонъ Ильичъ поднялся на высокое каменное крыльцо, на которомъ шумѣлъ двухведерный мѣдный самоваръ, краснѣя, какъ огненными зубами, своей рѣшеткой, и столкнулся какъ разъ съ кѣмъ и нужно было, — съ Дениской.

Дениска, въ раздумьѣ опустивъ голову, стоялъ на крыльцѣ и держалъ въ правой рукѣ дешевый сѣрый чемоданишко, щедро усѣянный жестяными шляпками и перевязанный веревкой. Былъ Дениска въ поддевку, старой и, видимо, очень тяжелой, съ обвисшими плечами и очень низкой таліей, въ новомъ картузѣ и разбитыхъ сапогахъ. Ростомъ онъ не вышелъ, ноги его, сравнительно съ туловищемъ, были очень коротки.

Теперь, при низкой талии и сбитых сапогахъ, ноги казались еще короче.

— Денисъ? — окликнулъ Тихонъ Ильичъ. — Ты зачѣмъ здѣсь, архаровецъ?

Никогда и ничему не удивлявшійся Дениска спокойно поднялъ на него свои темные и томные, съ грустной усмѣшкой, съ большими рѣсницами глаза и стащилъ съ волосъ картузъ. Волосы у него были мышиного цвѣта и не въ мѣру густы, лицо землистое и какъ будто промасленное, но глаза красивые.

— Здравствуйте, Тихонъ Ильичъ, — отвѣтилъ онъ пѣвучимъ городскимъ теноркомъ и, какъ всегда, какъ будто застѣнчиво. — Буду... въ эту самую... въ Тулу.

— Это зачѣмъ, позвольте спросить?

— Може, мѣсто какая выйдеть...

Тихонъ Ильичъ оглядѣлъ его. Въ рукѣ — чемоданъ, изъ кармана поддевки торчатъ какія-то зеленыя и красныя книжечки, свернутыя въ трубку. Поддевка...

— А щеголь-то ты не тульскій!

Дениска тоже оглядѣлъ себя.

— Поддевка-то? — скромно спросилъ онъ. — Что жъ, вотъ наживу въ Тулѣ денегъ, вендерку себѣ куплю. Я лѣтомъ какъ было справился! Газетами торговалъ.

Тихонъ Ильичъ кивнулъ на чемоданъ:

— А это что жъ за штука такая?

Дениска опустилъ рѣсницы:

— Чумаданъ себѣ купилъ.

— Да ужъ въ венгеркѣ безъ чемодана никакъ нельзя! — насмѣшливо сказалъ Тихонъ Ильичъ. — А въ карманѣ что?

— Такъ, кляповника разная...

— Покажь-ка.

Дениска поставилъ чемоданъ на крыльцо и вытащилъ изъ кармана книжечки. Тихонъ Ильичъ взялъ и внимательно переглядѣлъ ихъ. Пѣсенникъ «Маруся», «Жена-развратница», «Невинная дѣвушка въ цѣпяхъ насилія», «Поздравительныя стихотворенія родителямъ, воспитателямъ и благодѣтелямъ», «Роль...»

Тутъ Тихонъ Ильичъ запнулся, но Дениска, слѣдившій за нимъ, бойко и скромно подсказалъ:

— Роль проталеріята въ Россіи.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой.

— Новости! Жрать нечего, а чемоданы да книжки покупаешь. Да еще какія! Вѣрно, недаромъ тебя смутьяномъ-то зовутъ. Ты, говорятъ, все царя ругаешь? Смотри, братъ!

— Да авось не имѣніе купилъ, — отвѣтилъ Дениска съ грустной усмѣшкой. — А царя я не трогалъ. На меня брешутъ, какъ на мертваго. А я и въ мысляхъ того не держалъ. Ай я лунатикъ какой?

Завизжалъ блокъ на двери, показался станціонный сторожъ, — сѣдой отставной солдатъ съ свистящей и хрипящей одышкой, — и буфетчикъ, толстый, съ заплывшими глазками, съ сальными волосами.

— Посторонитесь-ка, господа купцы, позвольте самоварчикъ взять...

Дениска посторонился и опять взялся за ручку чемодана.

— Сперь, вѣрно, гдѣ-нибудь? — спросилъ Тихонъ Ильичъ, кивая на чемоданъ и думая о дѣлѣ, по которому пошелъ на станцію.

Дениска промолчалъ, нагнувъ голову.

— И пустой вѣдь?

Дениска разсмѣялся:

— Пустой...

— Съ мѣста-то прогнали?

— Я самъ ушелъ.

Тихонъ Ильичъ вздохнулъ.

— Живой отецъ! — сказалъ онъ. — Тотъ тоже всегда такъ-то: наладятъ его въ шею, а онъ — «я самъ ушелъ».

— Глаза лопни, не брешу.

— Ну, хорошо, хорошо... Дома-то былъ?

— Былъ двѣ недѣли.

— Отецъ-то опять безъ дѣла?

— Таперь безъ дѣла.

— Таперь! — передразнилъ Тихонъ Ильичъ. — Деревня стоеросовая! А еще революцанеръ. Лѣзешь въ волки, а хвостъ собачій.

«Авось и ты-то изъ тѣхъ же квасовъ», — съ усмѣшкой подумалъ Дениска, не поднимая головы.

— Значить, сидитъ себѣ Сѣрый да покуриваетъ?

— Пустой малый! — убѣжденно сказалъ Дениска.

Тихонъ Ильичъ постучалъ ему въ голову костяжками.

— Хоть бы дурь-то свою не выказывалъ! Кто жъ такъ-то про отца говоритъ?

— Старъ кобель, да не батькой звать, — отвѣтилъ Дениска спокойно. — Отецъ — такъ корми. А онъ дюже меня кормилъ?

Но Тихонъ Ильичъ не дослушалъ. Онъ выбиралъ удобную минуту, чтобы начать дѣловой разговоръ. И, не слушая, перебилъ:

— Ну и вышелъ далдонъ... А на билетъ то до Тулы есть?

— А на кой онъ мнѣ, билетъ-то? — отвѣтилъ Дениска. — Приду въ вагонъ, — прямо, Господи благослови, подъ лавку. Мнѣ бы только до Узловой добиться.

— А книжечки-то гдѣ расчитывать? Подъ лавкой-то не расчитаешься.

Дениска подумалъ.

— Вона! — сказалъ онъ. — Не все жъ подъ лавкой. Залѣзу въ нужникъ, — читай хошь до свѣту.

Тихонъ Ильичъ сдвинулъ брови.

— Ну вотъ что, — началъ онъ. — Вотъ что: всю эту музыку пора тебѣ бросать. Не маленькій, дуракъ. Вали-ка назадъ, на Дурновку, — пора къ дѣлу прибаваться. А то вѣдь на васъ смотрѣть тошно. У меня вонъ... надворные совѣтники лучше живутъ. Помогу, ужъ такъ и быть... на первое время. Ну, на товаришко тамъ, на струментъ... И будешь и самъ кормиться и отцу хоть немного подавать...

«Къ чему это онъ гнетъ?» — подумалъ Дениска.

А Тихонъ Ильичъ рѣшился и докончилъ:

— Да и жениться пора.

«Та-акъ!» — подумалъ Дениска и не спѣша сталъ завертывать цыгарку.

— Что-жъ, — спокойно и чуть-чуть печально отзывался онъ, не поднимая рѣсницъ. — Я каляниться не стану. Жениться можно. По приституткамъ-то хуже ходитъ.

— Ну вотъ то-то и оно-то, — подхватилъ Тихонъ Ильичъ. — Только, братъ, имѣй въ виду, — жениться съ умомъ надо. Ихъ, дѣтей-то, съ капиталомъ хорошо водить.

Дениска захохоталъ.

— Чего гогочешь-то?

— Да какъ же! Водить! Въ родѣ куръ али свиней.

— Не меньше куръ и свиней ѣсть просять.

— А на комъ? — съ печальной усмѣшкой спросилъ Дениска.

— Да на комъ? Да... на комъ хочешь.

— Это на Молодой, что ли?

Тихонь Ильичъ густо покраснѣлъ.

— Дуракъ! А Молодая чѣмъ плоха? Баба смирная, работающая...

Дениска помолчалъ, ковыряя ногтемъ жестяную шляпку на чемоданѣ. Потомъ прикинулся дуракомъ.

— Ихъ, молодыхъ-то, много, — сказалъ онъ протяжно. — Не знаю, про какую вы балакаете... Про энту, что-ль, съ какой вы жили?

Но Тихонь Ильичъ уже оправился.

— Жилъ я, ай нѣтъ, — это не твоего, свинья, ума дѣло, — отвѣтилъ онъ и такъ быстро и внушительно, что Дениска покорно пробормоталъ:

— Да мнѣ одна честь... Я вѣдь это такъ... къ слову...

— Ну, значитъ, и не брещи попусту. Людьями сдѣлаю. Понялъ? Приданого дамъ... Понялъ?

Дениска задумался.

— Вотъ съѣзжу въ Тулу... — началъ онъ.

— Нашелъ пѣтухъ земчужное зерно! На кой лядъ тебѣ Тула-то?

— Дюже дома оголодалъ...

Тихонь Ильичъ распахнулъ чуйку, сунулъ руку въ карманъ поддевки, — рѣшилъ-было дать Денискѣ

двугривенный. Но спохватился, — глупо деньги швырять, да еще и зазнается этот толкачъ, — подкупаютъ, моль, — и сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то.

— Эхъ, папиросы забылъ! Дай-ка свернуть.

Дениска подалъ ему кисеть. Надъ крыльцомъ уже зажгли фонарь, и при его тускломъ свѣтѣ Тихонъ Ильичъ вслухъ прочелъ крупно вышитое бѣлыми нитками на кисетѣ:

«Каво люблю таму дарю люблю сердечна дарю кисетъ на вѣчно».

— Ловко! — сказалъ, онъ, прочитавъ.

Дениска застѣнчиво потупился.

— Значить, ужъ есть краля-то?

— Маль ль ихъ, сукъ, шатается! — отвѣтилъ Дениска безпечно. — А жениться я не отказываюсь. Ворочусь къ мясоѣду и Господи благослови...

Изъ-за палисадника загремѣла и съ грохотомъ подкатила къ крыльцу телѣга, вся закиданная грязью, съ мужичкомъ на грядкѣ и ульяновскимъ дьякономъ Говоровымъ посрединѣ, въ соломѣ.

— Ушелъ? — тревожно крикнулъ дьяконъ, выкидывая изъ соломѣ ногу въ новой калошѣ.

Каждый волосъ его красно-рыжей лохматой головы буйно вился, шапка съѣхала на затылокъ, лицо разордѣлось отъ вѣтра и волненія.

— Поѣздъ-то? — спросилъ Тихонъ Ильичъ. — Нѣтъ-съ, еще и не выходилъ-съ.

— Ага! Ну, слава Богу! — радостно воскликнулъ дьяконъ и все-таки, выскочивъ изъ телѣги, стремглавъ кинулся къ дверямъ.

— Ну, стало-быть, такъ, — сказалъ Тихонъ Ильичъ. — Стало-быть — до мясоѣда.

Въ вокзалѣ пахло мокрыми полушубками, самоваромъ, махоркой, керосиномъ. Накурено было такъ, что точило горло, еле свѣтили лампы въ дыму, въ полумракѣ, сырости и холодѣ. Визжали и хлопали двери, толпились и галдѣли мужики съ кнутами въ рукахъ — извозчики изъ Ульяновки, дожидавшіеся сѣдока иногда по цѣлой недѣлѣ. Среди нихъ, поднявъ брови, ходилъ еврей-хлѣботорговецъ, въ котелкѣ, въ пальто съ копяшономъ и съ зонтомъ на плечѣ. Возлѣ кассы мужики тащили на вѣсы чьи-то господскіе чемоданы и корзины, обшитыя клеенкой, на мужиковъ кричалъ телеграфистъ, исполнявшій должность помощника начальника станціи, — молодой коротконогій малый съ большой головой, съ кудрявымъ желтымъ кокомъ, по-казацки взбитымъ изъ-подъ картуза на лѣвомъ вискѣ, — и крупной дрожью дрожалъ сидѣвшій на грязномъ полу пойнтеръ, пятнистый, какъ лягушка, съ печальными глазами.

Протолкавшись среди мужиковъ, Тихонъ Ильичъ подошелъ къ буфетной стойкѣ, поболталъ съ буфетчикомъ. Потомъ пошелъ назадъ домой. На крыльцѣ все еще стоялъ Дениска.

— Что я васъ хотѣлъ попросить, Тихонъ Ильичъ, — сказалъ онъ еще застѣнчивѣе, чѣмъ всегда.

— Что еще такое? — сердито спросилъ Тихонъ Ильичъ. — Денегъ? Не дамъ.

— Нѣтъ, какихъ денегъ! Письмо мое прочитать.

— Письмо? Къ кому?

— Къ вамъ. Хотѣлъ давеча отдать, да не насмѣлился.

— Да объ чемъ?

— Такъ... житье свое описалъ...

Тихонъ Ильичъ взялъ изъ рукъ Дениски клочокъ бумажки, сунулъ его въ карманъ и зашагалъ домой по упругой, застывшей грязи.

Теперь онъ настроенъ былъ мужественно. Хотѣлось работы, и онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что опять надо кормъ скотинѣ задавать. Вотъ жалко — погорячился, Жмыха прогналъ, придется теперь самому ночь не спать. На Оську надежда плохая. Небось, спать уже. А не то сидитъ съ кухаркой и ругаетъ хозяина. . . И, пройдя мимо освѣщенныхъ оконъ избы, Тихонъ Ильичъ прокрался въ сѣни и прильнулъ ухомъ къ двери. За дверью послышался смѣхъ, потомъ голосъ Оськи:

— А то вотъ еще исторія была. Жилъ на селѣ мужикъ, — бѣдный-пребѣдный, бѣднѣе во всемъ селѣ не было. И выѣхалъ разъ, братцы мои, этотъ самый мужикъ пахать. И увяжись за нимъ кобель рябый. Мужикъ пашетъ, а кобель сычуетъ по полю и все чтой-то роетъ. Рыль-рыль, да какъ заво-оетъ! Что за притча такая? Кинулся мужикъ къ нему, глядь въ яму, а тамъ — чугуны. . .

— Чугу-уны? — спросила кухарка.

— Да ты слушай. Чугуны-то чугуны, да въ чугуны-то золото! Видимо-невидимо. . . Ну и забогатѣлъ мужикъ. . .

«Ахъ, пустоболты!» — подумалъ Тихонъ Ильичъ и жадно сталъ слушать, что дальше будетъ съ мужикомъ.

— Забогатѣлъ мужикъ, разстроился, какъ купецъ какой. . .

— Ну хуже нашего Тугоногаго, — вставила кухарка.

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: онъ зналъ, что его уже давно зовутъ Тугоногимъ... Нѣтъ человѣка безъ прозвища!

А Оська продолжалъ:

— Еще побогаче... Да... А кобель-то возьми да околѣй. Какъ тутъ быть? Мочи нѣтъ — жалко кобеля, надо его честь-честью хоронить...

Раздался взрывъ хохота. Захохоталъ и самъ рассказчикъ и еще кто-то — со старческимъ кашлемъ.

— Никакъ Жмыхъ? — встрепенулся Тихонъ Ильичъ. — Ну, слава Богу. Вѣдь говорилъ дураку: верне-ешься!

— Пошелъ мужикъ къ попу, — продолжалъ Оська, — пошелъ къ попу: такъ и такъ, батюшка, кобель околѣлъ, — надо хоронить...

Кухарка опять не выдержала и радостно крикнула:

— У, пропасти на тебя нѣту!

— Дай дай досказать-то! — крикнулъ и Оська опять перешелъ на повѣствовательный тонъ, изображая то попа, то мужика:

— Такъ и такъ, батюшка, — надо кобеля хоронить. Какъ затопаешь попъ ногами: «Какъ хоронить? Кобеля на кладбищѣ хоронить? Да я тебя въ острогъ сгною, да я тебя въ кандалы забью!» — «Батюшка, да вѣдь это не простой кобель: онъ, какъ околѣвалъ, вамъ пятьсотъ цѣлковыхъ отказалъ!» Какъ ускочить попъ съ мѣста: «Дуракъ! Да развѣ я тебя за то браню, что хоронить? За то браню — гдѣ хоронить? Его въ церковной оградѣ надо хоронить!»

Тихонъ Ильичъ громко кашлянулъ и отворилъ дверь. За столомъ, возлѣ коптящей лампочки, разби-

тое стекло которой было заклеено съ одного боку почернѣвшей бумажкой, сидѣла, наклонивъ голову и завѣсивъ все лицо мокрыми волосами, кухарка. Она чесалась деревяннымъ гребнемъ и сквозь волосы разсматривала гребень на свѣтъ. Оська, съ цыгаркой въ зубахъ, хохоталъ, откинувшись назадъ и болтая лаптями. Возлѣ печки, въ полутемнотѣ, краснѣлъ огонекъ — трубка. Когда Тихонъ Ильичъ дернулъ дверь и показался на порогѣ, хохоть сразу оборвался, и курившій трубку робко поднялся съ мѣста, вынулъ ее изо рта и сунулъ въ карманъ. . . Да, Жмыхъ! Но, какъ будто и ничего не было утромъ, Тихонъ Ильичъ бодро и дружелюбно крикнулъ:

— Ребятъ! Кормъ задавать. . .

Съ фонаремъ бродили по варку, освѣщая застывшій навозъ, разсыпанную солому, ясли, столбы, кидая огромныя тѣни, будя куръ на переметахъ подъ навѣсами. Куры слетали, падали и, наклоняясь впередъ, засыпая на бѣгу, бѣжали куда попало. Большіе лиловые глаза лошадей, поворачивавшихъ на свѣтъ головы, блестѣли и глядѣли странно и великолѣпно. Отъ дыханія шелъ паръ, — точно всѣ курили. И когда Тихонъ Ильичъ опускалъ фонарь и взглядывалъ вверхъ, онъ съ радостью видѣлъ надъ квадратомъ двора, въ глубокомъ чистомъ небѣ, яркія разноцвѣтныя звѣзды. Слышно было, какъ сухо шуршалъ по крышамъ и морозной свѣжестью дулъ въ щели сѣверный вѣтеръ. . . Слава тебѣ, Господи, зима!

Отдѣлавшись и заказавъ самоваръ, Тихонъ Ильичъ съ фонаремъ сходилъ въ холодную пахучую лавку, выбралъ маринованную селедку лучше: — не плохо передъ чаемъ-то подсолонцевать! — и за чаемъ

съѣлъ ее, выпилъ нѣсколько стаканчиковъ горько-сладкой, желто-красной рябиновки, налилъ чашку чаю, нашель въ карманѣ письмо Дениски и сталъ разбирать его каракули.

«Деня получилъ 40 рублей денягъ патомъ собралъ вѣщи. . .»

— Сорокъ! — подумалъ Тихонъ Ильичъ. — Ахъ, голоштаннѣй!

«Пашель Деня на станцію Тула и какъ разъ ево обабрали вытащили Все докопеки детца некуда и Взяла ево тоска. . .»

Разбирать эту брехню было трудно и скучно, но вечеръ длинень, дѣлать нечего. . . Самоваръ хлопотливо бурлилъ, спокойнымъ свѣтомъ свѣтила лампа — и была въ тишинѣ и покоѣ вечера грусть. Мѣрно ходила колотушка подъ окнами, звонко выдѣлывала на морозномъ воздухѣ плясовую. . .

«Патомъ соскучился я какъ ехоть домой дюже отецъ грозень. . .»

— Ну и дуракъ, прости, Господи! — подумалъ Тихонъ Ильичъ. — Это Сѣрый-то грозень!

«Пайду Въ дремучай лѣсъ выбрать повыше ель и взять отъ сахарной головы бѣчевычку опрѣдилится на ней навѣчную жизнь вновыхъ брюкахъ но бѣзсапохъ. . .»

— Безъ сапогъ, что ли? — сказалъ Тихонъ Ильичъ, отставляя отъ уставшихъ глазъ бумажку. — Вотъ что правда, то правда. . .

Кинувъ письмо въ полоскательницу, онъ поставилъ локти на столъ, глядя на лампу. . . Чудной мы народъ! Пестрая душа! То чистая собака человекъ, то груститъ, жалкуетъ, нѣжничаетъ, самъ надъ собою пла-

четь... вотъ вродѣ Дениски или его самого, Тихона Ильича... Стекла запотѣли, четко и бойко, по-зимнему, выговаривала колотушка что-то ладное... Эхъ, если бы дѣти! Если бы — ну, любовница, что ли, хорошая вмѣсто этой пухлой старухи, которая осточертѣла одними своими рассказами о княжнѣ и о какой-то благочестивой монахинѣ Поликарпѣи, что зовутъ въ городѣ Полукарпѣей! Да поздно, поздно.

Разстегнувъ шитый воротъ рубахи, Тихонъ Ильичъ съ горькой усмѣшкой ощупалъ шею, впадины по шеѣ за ушами... Первый знакъ старости эти впадины, — лошадиной становится голова! Да и прочее недурно. Онъ нагнулъ голову, запустилъ пальцы въ бороду... И борода сѣдая, сухая, путаная. Нѣтъ, шабашъ, шабашъ, Тихонъ Ильичъ!

Онъ пилъ, хмелѣлъ, все плотнѣе стискивалъ челюсти, все пристальнѣе, щуря глаза, глядѣлъ на горящій ровнымъ огнемъ фитиль лампы... Вы подумайте: къ брату родному нельзя съѣздить, — кабаны не пускаютъ, свиньи! А и пустили бы, — тоже радости мало. Читалъ бы ему Кузьма нотаціи, стояла бы съ поджатými губами, съ опущенными рѣсницами Молодая... Да отъ однихъ этихъ опущенныхъ глазъ сбѣжишь!

Сердце ныло, голову туманило... Гдѣ это слышалъ онъ эту пѣсню?

Пришелъ мой скучный вечеръ,
Не знаю, что начать,
Пришелъ мой другъ любезный,
Онъ сталъ меня ласкать...

Ахъ, да, это въ Лебедяни, на постояломъ дворѣ, Сидятъ въ зимній вечеръ дѣвки-кружевницы и по-

ютъ. . . Сидятъ плетутъ и, не поднимая рѣсницъ, звонкими грудными голосами выводятъ:

Цѣлуетъ, обнимаетъ,
Прощается со мной. . .

Голову туманило, — то казалось, что все еще впереди — и радость, и воля, и беззаботность, — то опять начинало безнадежно ныть сердце. То онъ говорилъ:

— Были бѣ денежки въ карманѣ, — будетъ тетушка въ торгу!

То зло глядѣлъ на лампу и бормоталъ, разумѣя брата:

— Учитель! Проповѣдникъ! Филаретъ милосливый. . . Голоштаный чортъ!

Онъ допилъ рябиновку, накурилъ такъ, что потемнѣло. . . Невѣрными шагами, по зыбкому полу, вышелъ онъ въ одномъ пиджакѣ въ темныя сѣни, ощутилъ крѣпкую свѣжесть воздуха, запахъ соломы, запахъ псины, увидалъ два зеленоватыхъ огня, мелькнувшихъ на порогѣ. . .

— Буянъ! — позвалъ онъ.

И изо всей силы ударилъ Буяна сапогомъ въ голову.

Мертвая тишина стояла надъ землей, мягко чернѣвшей въ звѣздномъ свѣтѣ. Блестѣли разноцвѣтные узоры звѣздъ. Слабо бѣлѣло шоссе, пропадая въ сумракѣ. Вдали глухо, точно изъ-подъ земли, слышался возрастающій грохотъ. И вдругъ вырвался наружу и загудѣлъ окрестъ: бѣло блистая цѣпью оконъ, освѣщенныхъ электричествомъ, разметавъ, какъ ле-

тящая вѣдьма, дымныя косы, ало озаренныя изъ-подъ низу, несся вдали, пересѣкая шоссе, экспрессъ...

— Это мимо Дурновки-то! — сказалъ Тихонъ Ильичъ, икая. — Мимо Сѣраго-то! Ахъ, разбойники, анаемы...

Сонная кухарка вошла въ горницу, тускло освѣщенную выгорающей лампой и провонявшую табакомъ, внесла сальный чугуничекъ со щами, захвативъ его въ черныя отъ сала и сажи ветошки. Тихонъ Ильичъ покосился и сказалъ:

— Сію минуту выйди вонъ.

Кухарка повернулась, толкнула ногой дверь и скрылась.

Тогда онъ взялъ календарь Гатцука, обмакнулъ ржавое перо въ ржавыя чернила и сталъ, стискивая зубы и сонно глядя свинцовыми глазами, безъ конца писать по календарю вдоль и поперекъ:

— Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ...

II.

Кузьма всю жизнь мечталъ учиться и писать.

Что стихи! Стихами онъ только «баловался». Ему хотѣлось рассказать, какъ погибалъ онъ, съ небывалой беспощадностью изобразить свою нищету и тотъ страшный въ своей обыденности бытъ, что калѣчилъ его, дѣлалъ бесплодной смоковницей.

Обдумывая свою жизнь, онъ и казнилъ себя и оправдывалъ.

Что жъ, его исторія — исторія всѣхъ русскихъ самоучекъ. Онъ родился въ странѣ, имѣющей болѣе ста милліоновъ безграмотныхъ. Онъ росъ въ Черной Слободѣ, гдѣ еще до сихъ поръ на смерть убиваютъ въ кулачныхъ бояхъ, среди великой дикости и глубочайшаго невѣжества. Буквамъ и цифрамъ выучилъ его и Тихона сосѣдъ, заливщикъ калошъ Бѣлкинъ; но и то только потому, что работы у него никогда не было, — ужъ какія тамъ калоши въ Слободѣ! — что драть кого-нибудь за «виски» всегда пріятно, и что не все же сидѣть на завалинкѣ распояской, наклонивъ и подставивъ солнцу лохматую голову, поплеывая на пыль между босыми ногами. Въ базарной лавкѣ Маторина братья постигли письмо, чтеніе, сталъ Кузь-

ма и книжками увлекаться, которые дарилъ ему базарный вольнодумецъ и чудакъ, старикъ-гармонистъ Балашкинъ. Но до чтенія ли въ лавкѣ! Маторинъ очень часто кричалъ: — «Я тебѣ уши оболтаю за твоихъ Гуаковъ, дьяволенокъ ты этакій!»

Тамъ Кузьма и писать сталъ, — началъ рассказомъ о томъ, какъ одинъ купецъ вѣхалъ въ страшную грозу, ночью, по Муромскимъ лѣсамъ, попалъ на ночлегъ къ разбойникамъ и былъ зарѣзанъ. Кузьма горячо изложилъ его предсмертныя мольбы, думы, его скорбь о своей неправедной и «такъ рано пресѣкшейся жизни...» Но базаръ безъ пощады окатилъ его холодной водой:

— Ну и дуракъ же ты, прости Господи! «Рано»! Давно пора чорту пузатому! Да и какъ же это ты узналъ-то, что онъ думалъ? Вѣдь его же зарѣзали?

Тогда Кузьма написалъ кольцовскимъ ладомъ пѣсню престарѣлаго витязя, завѣщающаго сыну своего вѣрнаго коня. — «Онъ носилъ меня въ моей младости!» — восклицалъ въ пѣснѣ витязь.

— Такъ! — сказали ему. — Сколько же лѣтъ было этому самому коню? Ахъ, Кузьма, Кузьма! Ты бы лучше дѣльное-то что-нибудь сочинилъ, — ну, хоть про войну, къ примѣру...

И Кузьма, поддѣлываясь подъ базарный вкусъ, сталъ писать о томъ, о чемъ толковалъ тогда базаръ, — о русско-турецкой войнѣ: о томъ, какъ —

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Вздумалъ турка воевать,
Подвигалъ свою орду
И хотѣлъ Россію взять, —

и какъ эта орда —

Въ безобразныхъ колпакахъ
Подкрадалась подъ Царь-Пушку...

Съ большой болью сознавалъ онъ потомъ, сколько тупости, невѣжества было въ такихъ виршахъ и чего стоитъ этотъ хамскій языкъ, это русское презрѣніе къ чужимъ колпакамъ!

Бросивъ лавку и продавъ, что осталось послѣ умершей матери, стали они торгашить. Въ родномъ городѣ бывать случалось часто, и съ Балашкинымъ Кузьма дружилъ попрежнему, книги, которыя ему давалъ или указывалъ Балашкинъ, читалъ жадно. Однако, бесѣдуя съ Балашкинымъ * о Шиллерѣ, страстно мечталъ онъ въ то же время выпросить у него въ долгъ «ливенку». Восторгаясь «Дымомъ», онъ, однако, твердилъ, что «кто уменъ да не ученъ, въ томъ безъ ученья много свѣта». Побывавъ на могилѣ Кольцова, съ восхищеніемъ записалъ безграмотную надпись на плитѣ ея: «Подсимъ памятникомъ погребено тело мещанина и поэта воронежскаго алесея василевича Калцова награжденнаго монаршаю милостию *просвещеннаго безнаукъ природою...*»

Старый, огромный, худой, зиму и лѣто не снимавшій позеленѣвшей чуйки и теплаго картуза, большелицый, бритый и косоротый, Балашкинъ бывалъ почти страшенъ своими злыми рѣчами, своимъ глубокимъ стариковскимъ басомъ, колючей серебристой щетиной на сѣрыхъ щекахъ и зеленымъ лѣвымъ глазомъ, выпученнымъ, сверкавшимъ и косившимъ въ ту сторону, куда былъ скошенъ и ротъ его. И какъ рявкнулъ онъ однажды, выслушавъ рѣчь Кузьмы «о про-

свѣщеніи безъ наукъ», какъ сверкнулъ этимъ глазомъ, отшвырнувъ цыгарку, которую насыпалъ махоркой надъ коробкой изъ-подъ килекъ!

— Ослиная челюсть! Что мелешь? Обдумаль ли, что значить это наше «безъ наукъ просвѣщеніе?»

И опять схватилъ цыгарку и сталъ глухо ревѣть:

— Боже милосливый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили, Рылѣева удавили... Достоевскаго къ разстрѣлу таскали, Гоголя съ ума свели... А Шевченко? А Полежаевъ? Скажешь, — правительство виновато? Да вѣдь по холопу и баринъ, по Сенькѣ и шапка. Охъ, да есть ли еще такая сторона въ мірѣ, такой народъ, будь онъ трижды проклять?

Тревожно теребя пуговицы длиннополаго сюртука, то застегиваясь, то разстегиваясь, хмурясь и ухмыляясь, смущенный Кузьма сказалъ въ отвѣтъ:

— Такой народъ! Величайшій народъ, а не «такой», позвольте вамъ замѣтить.

— Не смѣй призы раздавать! — опять крикнулъ Балашкинъ.

— Нѣтъ-съ, посмѣю! Вѣдь писатели-то эти — дѣти этого самаго народа. Платонъ Каратаевъ — вотъ признанный типъ этого народа!

— А почему же не Ерошка, почему не Лукашка? Я, братъ, ежели литературу-то захочу тряхнуть, всѣмъ богамъ по сапогамъ найду! Почему Каратаевъ, а не Разуваевъ съ Колупаевымъ, не міровѣдъ-паукъ, не попь лихоимецъ, не дьякъ продажный, не Салтычиха какая-нибудь, не Карамазовъ съ Обломовымъ, не Хлестаковъ съ Ноздревымъ, али, чтобы не далеко ходить, не твой негодяй-братецъ?

— Платонъ Каратаевъ. . .

— Вщи събли твоего Каратаева! Не вижу тутъ идеала!

— А русскіе мученики, подвижники, угодники, Христа ради юродивые, раскольники?

— Что-о? А Колizei, хрестовые походы, войны леригюзныя, секты несмѣтныя? Лютеръ, наконецъ, того? Нѣтъ, шалишь! Мнѣ-то сразу клыкъ не сломишь!

Да, нужно было одно — учиться. Но когда, гдѣ?

Цѣлыхъ пять лѣтъ торгашества — и это въ самую лучшую пору жизни! Великимъ счастьемъ казался даже пріѣздъ въ городъ. Отдыхъ, знакомые, запахъ пекаренъ и желѣзныхъ крышъ, мостовая на Торговой улицѣ, чай, булки и персидскій маршъ въ трактирѣ «Карсъ». . . Политые изъ чайниковъ полы въ лавкахъ, бой знаменитаго перепела у дверей Рудакова, запахъ рыбнаго ряда, укропа, романовской махорки. . . Добрая и страшная улыбка Балашкина при видѣ подходящаго Кузьмы. . . Потомъ — громы и проклятія славянофиламъ, Бѣлинскій и скверная брань, безсвязное и страстное забрасываніе другъ друга именами, цитатами. . . И самые безнадежные выводы — въ концѣ концовъ. «Теперь-то ужъ и впрямь шабашъ, — во весь духъ ломимъ назадъ, въ Азію!» — гудѣлъ старикъ и вдругъ, понижая голосъ, озирался: «Слышалъ? Салтыковъ, говорятъ, помираетъ. Послѣдній! Отравили, говорятъ. . .» А на утро — опять тельга, степь, зной или грязь, напряженно-мучительное чтеніе подъ толчки бѣгущихъ колесъ. . . Долгое созерцаніе степной дали, сладко-тоскливый напѣвъ стиховъ въ душѣ, перебиваемый думами о выручкѣ или пере-

бранкой съ Тихономъ... Волнующій запахъ дороги — пыли и дегтя... Запахъ мятныхъ пряниковъ и удушливая вонь кошачьихъ шкуръ изъ телѣжнаго ящика... Поистинѣ изнурили эти годы, — по двѣ недѣли не снимаемая рубаха, ѣда всухомятку, хромота отъ кривыхъ сапогъ, отъ сбитыхъ въ кровь пятокъ, ночевки въ чужихъ избахъ и сѣнцахъ!

Широко перекрестился Кузьма, когда наконецъ выскочилъ изъ этой кабалы. Но опять нужно было добывать какъ нибудь кусокъ хлѣба. Послуживъ безъ году недѣлю у гуртовщика подъ Ельцомъ, подался онъ на Воронежъ. Въ Воронежѣ давно началась у него любовь, связь съ чужой женой — туда и потянуло. И почти десять лѣтъ околачивался онъ въ Воронежѣ — возлѣ ссыпки хлѣба, маклерствуя и пописывая въ газетахъ статейки по хлѣбному дѣлу, отводя или, вѣрнѣе, растравляя душу статьями Толстого, сатирами Щедрина. И все томился неотступной думой, что пропадаетъ, пропала его жизнь.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ умеръ отъ грыжи Балашкинъ, а незадолго до того видѣлъ его Кузьма въ послѣдній разъ. И что это за свиданіе было!

— Писать надо, — хмуро и зло жаловался одинъ.
— Вянешь, какъ лопухъ въ полѣ...

— Да, да, — гудѣлъ другой, уже сонно кося своимъ помертвѣвшимъ глазомъ, съ трудомъ ворочая челюстью и не попадая махоркой въ цыгарку. — Сказано: каждый часъ учись, каждый часъ мысли... гляди кругомъ-то — на всѣ бѣды и убожества наши...

Потомъ застѣнчиво ухмыльнулся, отложилъ цыгарку и полѣзъ въ столикъ.

— Вотъ, — забормоталъ онъ, роясь въ пачкѣ какихъ-то истершихся бумагъ и вырѣзокъ изъ газетъ. — Вотъ тутъ, другъ, куча добра... Я все почитывалъ да вырѣзывалъ, да записывалъ... Помру, — годится тебѣ, матерьялъ о русской жизни дьявольскій. Да вотъ постой, я тебѣ найду сейчасъ одну исторіюку...

Но рылся, рылся — и не нашель, сталъ искать очки, сталъ тревожно шарить по карманамъ — и махнулъ рукой. И, махнувъ, насупился и замоталъ головой:

— Да нѣтъ, нѣтъ — этого ты пока и касаться не смѣй. Ты еще неучъ слабоумный. Руби древо по себѣ. На энту тему, что давалъ-то я тебѣ, про Сухоносова-то, написалъ? Нѣтъ еще? Ну, и вышель ослиная челюсть. Какая тема-то!

— Про деревню бы надо, про народъ, — сказалъ Кузьма. — Вотъ, сами же говорите: Россія, Россія...

— А сухоносый не народъ, не Россія? Да она вся — деревня, на носу заруби себѣ это! Глянь кругомъ-то: городъ это, по-твоему? Стадо каждый вечеръ по улицамъ преть — отъ пыли сосѣда не видать... А ты — «городъ»!

Сухоносый... Много лѣтъ не выходилъ изъ головы Кузьмы этотъ гнусный слободской старикъ, все имущество котораго заключалось въ загаженномъ клопами тюфякѣ и съѣденномъ молью салопѣ, — въ наслѣдствѣ послѣ жены. Онъ побирался, болѣлъ, голодалъ, ютился за полтинникъ въ мѣсяцъ въ углу у торговли изъ «обжорнаго ряда» и, по мнѣнію ея, могъ отлично поправить свои обстоятельства продажей наслѣдства. Но онъ дорожилъ имъ, какъ зѣницей ока — и, конечно, совсѣмъ не въ силу нѣжныхъ чувствъ къ

покойной: оно давало ему сознаніе, что у него есть, не въ примѣръ прочимъ, имущество. Ему казалось, что стоитъ оно дьявольски дорого: «Нынче такихъ салоповъ-то ужъ нѣтути!» Онъ не прочь, совсѣмъ не прочь былъ продать его. Но ломилъ такія нелѣпыя цѣны, что въ столбнякъ приводилъ покупателей... И Кузьма очень хорошо понималъ эту слободскую трагедію. Но, начиная обдумывать, какъ изложить ее, начиналъ жить всѣмъ сложнымъ бытомъ слободы, воспоминаніями дѣтства, молодости — и запутывался, топилъ Сухоносова въ обиліи картинъ, осаждавшихъ воображеніе, опускалъ руки, подавленный потребностью высказать свою собственную душу, выложить все, что калѣчило его собственную жизнь. А въ этой жизни страшнѣй всего было то, что она проста, обыденна, съ непонятной быстротой размѣнивается на мелочи...

Съ тѣхъ поръ прошло еще не мало бесплодныхъ лѣтъ. Онъ маклерствовалъ въ Воронежѣ, потомъ, когда умерла въ родильной горячкѣ женщина, съ которой онъ жилъ, маклерствовалъ въ Ельцѣ, торговалъ въ свѣчной лавкѣ въ Липецкѣ, былъ конторщикомъ въ экономіи Касаткина. Сталъ онъ было страстнымъ приверженцемъ Толстого: съ годъ не курилъ, въ ротъ не бралъ водки, не ѣлъ мяса, не разставался съ «Исповѣдью», съ «Евангеліемъ», хотѣлъ переселиться на Кавказъ, къ духоборамъ... Но вотъ поручили ему побывать по дѣламъ въ Кіевѣ. Былъ ясный конецъ сентября, все было весело, прекрасно: и чистый воздухъ, и нежаркое солнце, и бѣгъ поѣзда, и открытыя окна, и цвѣтистые лѣса, мелькавшіе вдоль нихъ... Вдругъ, на остановкѣ въ Нѣжинѣ, увидѣлъ Кузьма

большую толпу у дверей вокзала. Толпа окружала кого-то и кричала, волновалась, спорила. У Кузьмы застучало сердце, и онъ побѣжалъ къ ней. Быстро протолкался — и увидалъ красную фуражку начальника станціи и сѣрую шинель рослаго жандарма, который распекалъ трехъ покорно, но упрямо стоявшихъ передъ нимъ хохловъ въ короткихъ толстыхъ свиткахъ, въ несокрушимыхъ сапогахъ, въ коричневыхъ бараньихъ шапкахъ. Шапки эти едва держались на чемъ-то страшномъ — на круглыхъ головахъ, увязанныхъ жесткой отъ засохшей сукровицы марлей, надъ запухшими глазами, надъ вздутыми и остеклянѣвшими лицами въ зелено-желтыхъ кровоподтекахъ, въ запекшихся и почернѣвшихъ ранахъ: хохлы были искушены бѣшеннымъ волкомъ, отправлены въ Кіевъ въ лѣчебницу и по суткамъ сидѣли чуть не на каждой большей станціи безъ хлѣба и безъ копейки денегъ. И, узнавъ, что ихъ не пускаютъ теперь только потому, что поѣздъ называется скорымъ, Кузьма внезапно пришелъ въ ярость и, подъ одобрительные крики евреевъ изъ толпы, заоралъ, затопалъ ногами на жандарма. Его задержали, составили протоколъ, и, ожидая слѣдующаго поѣзда, напился онъ до безпамятства.

Хохлы были изъ Черниговской губерніи. Всегда она представлялась ему глухимъ краемъ, съ тусклой, пасмурной синью надъ лѣсами. О временахъ Владимира, о давней жизни, боровой, древне-мужицкой, помнили эти люди, испытавшіе рукопашную схватку съ бѣшеннымъ звѣремъ. И, напиваясь, наливая рюмку трясущимися послѣ скандала руками, Кузьма восторгался: «Ахъ, и время же было!» Онъ задохнулся отъ злобы и на жандарма и на этихъ покорныхъ

скотовъ въ свиткахъ. Тупые, дикіе, будь они прокляты. . . Но — Русь, древняя Русь! И слезы пьяной радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественныхъ размѣровъ, застилали глаза Кузьмы. «А непротивленіе?» — вспоминалъ онъ порою и качалъ головой, ухмыляясь. Спиной къ нему, за общимъ столомъ, обѣдалъ молоденькій чистенькій офицеръ; и Кузьма ласково-нагло смотрѣлъ на его бѣлый китель, такой короткій, съ такой высокой таліей, что хотѣлось подойти, одернуть его. «И подойду! — думалъ Кузьма. — А вскочить, крикнетъ — въ рыло! Вотъ тебѣ и непротивленіе». . . Затѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ и, махнувъ рукой на дѣла, три дня проходилъ, хмельной и радостно возбужденный, по городу, по обрывамъ надъ Днѣпромъ. И въ Софійскомъ соборѣ, за обѣдней, многіе съ удивленіемъ оглядывали худого кацапа, стоявшаго передъ саркофагомъ Ярослава. Видъ имѣлъ онъ странный: обѣдня кончалась, народъ выходилъ, сторожа тушили свѣчи, онъ же, сжавъ зубы, опутивъ на грудь рѣдкую сѣрѣющую бороду и страдальчески-счастливо закрывъ глубоко запавшіе глаза, слушалъ звонъ, пѣвуче и глухо гудѣвшій надъ соборомъ. . . А вечеромъ видѣли его у Лавры. Онъ сидѣлъ возлѣ калѣки-мальчишки, съ мутной и грустной усмѣшкой глядя на ея бѣлыя стѣны, на золото мелкихъ куполовъ въ осеннемъ небѣ. Мальчишка былъ безъ шапки, съ холщевой сумой черезъ плечо, въ грязной рвани на тощемъ тѣлѣ, въ одной рукѣ держалъ онъ деревянную чашечку, съ копейкой на днѣ, а другой все перекладывалъ, какъ чужую, какъ вещь, свою уродливую, обнаженную до колѣна правую ногу, вялую, неестественно-тонкую, дочерна загорѣлую и по-

росшую золотистой шерстью. Никого не было кругомъ, но, сонно и болѣзненно откинувъ стриженную, жесткую отъ солнца и пыли голову, показывая тонкія дѣтскія ключицы и не обращая вниманія на мухъ, точившихъ его сопли, мальчишка непрестанно тянулъ:

Взгляните, мамыши,
какіе мы есть несчастные, страдащіе!
Ахъ, не дай Господь, мамыши,
такимъ страдащимъ быть!

И Кузьма поддакивалъ: «Такъ, такъ! Правильно!» но!»

Въ Кіевѣ онъ ясно понялъ, что у Касаткина держаться ему осталось теперь недолго, и что впереди — нищета, потеря лица человѣческаго. Такъ и случилось. Продержался онъ еще нѣкоторое время, но въ положеніи очень постыдномъ и тяжкомъ: вѣчно полупьяный, неопрятный, охрипшій, насквозь пропитанный махоркой, черезъ силу скрывающій свою непригодность къ дѣлу... Затѣмъ палъ еще ниже: вернулся въ родной городъ, проживалъ послѣдніе гроши; ночевалъ цѣлую зиму въ общемъ номерѣ на подворьѣ Ходова, дни убивалъ въ трактирѣ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Изъ этихъ грошей много ушло на глупую затѣю — на изданіе книжки стиховъ, и пришлось потомъ шататься среди посѣтителей Авдеича и навязывать имъ книжку за поль-цѣны... Да мало того: онъ шутомъ сталъ! Разъ стоялъ онъ на базарѣ возлѣ мучныхъ лавокъ и глядѣлъ на босяка, который кривлялся передъ купцомъ Мозжухинымъ, вышедшимъ на порогъ. Мозжухинъ, сонно-насмѣшливый, похожій лицомъ на отраженіе въ самоварѣ, занятъ былъ больше котомъ, кото-

рый лизалъ его расчищенный сапогъ. Но босякъ не унимался. Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, сталь, поднимая плечи и хрипя, декламировать:

Кто пьянствуетъ съ похмелья,
Тотъ дѣйствуетъ умно...

И Кузьма, блестя запухшими глазами, внезапно подхватилъ:

Да здравствуетъ веселье,
Да здравствуетъ вино!

А проходившая мимо старуха-мѣщанка, похожая лицомъ на старую львицу, остановилась, исподлобья поглядѣла на него и, поднявъ костыль, раздѣльно, зло сказала:

— Небось, молитву-то не заучилъ такъ-то!

Ниже падать стало некуда. Но это-то и спасло его. Онъ пережилъ нѣсколько страшныхъ сердечныхъ припадковъ — и сразу оборвалъ пьянство, твердо рѣшивъ начать самую простую, трудовую жизнь, снимать, на примѣръ, сады, огороды...

Мысль эта радовала его. «Да, да, — думалъ онъ, — давно пора!» И правда, нуженъ былъ отдыхъ, нищая, но чистая жизнь. Сталь онъ уже старѣть. Совсѣмъ посѣрѣла его борода, порѣдѣли, приобрѣли желѣзный цвѣтъ его причесанные на прямой рядъ, завивавшіеся на концахъ волосы, потемнѣло и еще худѣе стало широкое въ скулахъ лицо...

Весной, за нѣсколько мѣсяцевъ до мира съ Тихономъ, Кузьма прослышалъ, что сдается садъ въ селѣ Казаковѣ, въ родномъ уѣздѣ, и поспѣшилъ туда.

Было начало мая; послѣ жары завернули холода, дожди, шли надъ городомъ осеннія мрачныя тучи.

Кузьма, въ старой чуйкѣ и старомъ картузѣ, въ сбитыхъ сапогахъ, шагаль на вокзалъ, за Пушкарную Слободу, и, качая головой, морщась отъ цыгарки въ зубахъ, заложивъ руки назадъ, подъ чуйку, иронически улыбался: навстрѣчу ему только-что пробѣжалъ босоногій мальчишка съ кипой газетъ и на бѣгу бойко крикнулъ привычную фразу:

— Всяобщая забастовка!

— Опоздалъ, малый, — сказалъ Кузьма. — Поновѣй-то чего нѣту?

Мальчишка, блестя глазами, пріостановился.

— Новыя городской на вокзалъ отнял, — отвѣтилъ онъ.

— Ай да конституція! — ѣдко сказалъ Кузьма и двинулся дальше, прыгая среди грязи подъ темными отъ дождей, гнилыми заборами, подъ вѣтвями мокрыхъ садовъ и окнами косыхъ хибарокъ, сходившихъ подъ гору, въ конецъ городской улицы. «Чудеса въ рѣшетѣ!» — думаль онъ, прыгая. Прежде въ такую погоду по лавкамъ, трактирамъ зѣвали, еле перекидывались словами. Теперь по всему городу — толки о Думѣ, о бунтахъ и пожарахъ, о томъ, какъ «Муромцевъ отбрилъ примьеръ-министра»... Ну, да не надолго лягушкѣ хвостъ! Въ городскомъ саду играетъ оркестръ стражниковъ... Казаковъ прислали цѣлую сотню... И третьяго-дня на Торговой улицѣ одинъ изъ нихъ, пьяный, подошелъ къ открытому окну общественной библіотеки и, разстегивая штаны, предложилъ барышнѣ библіотекаршѣ купить «арихметику». Старикъ-извозчикъ, стоявшій подлѣ, сталъ стыдить его, а казакъ выхватилъ шашку, разсѣкъ ему плечо и

съ матерной бранью кинулся по улицѣ за летящими куда попало, ошалѣвшими отъ страха прохожими и проѣзжими. . .

— Кошкодеръ, кошкодеръ, завалился подъ заборъ!
— тонкими голосами завопили за Кузьмой дѣвочки, прыгавшія по камнямъ мелкаго слободскаго ручья. — Тамъ кошекъ деруть, ему лапку дадутъ!

— У, паршивыя — цыкнулъ на нихъ шедшій впереди Кузьмы кондукторъ въ страшно тяжелой даже на видъ шинели. — Ровесника нашли!

Но по голосу можно было понять, что онъ сдерживаетъ смѣхъ. Старыя глубокія калоши кондуктора были въ засохшей грязи, хлястикъ шинели висѣлъ на одной пуговицѣ. Бревенчатый мостикъ, по которому онъ шель, лежалъ косо. Дальше, возлѣ рвовъ, промытыхъ вешней водой, росли чахлыя лозинки. И Кузьма невесело взглянулъ и на нихъ, и на соломенные крыши по слободской горѣ, на дымчатые и синеватые тучи надъ ними, и на рыжую собаку, грызшую во рву кость. . .

«Да, да, — думалъ онъ, поднимаясь на гору. — Не надолго лягушкѣ хвостъ!» — Поднявшись, увидавъ среди пустыхъ зеленыхъ полей красныя вокзальныя постройки, онъ опять ухмыльнулся. Парламентъ, депутаты! Вчера воротился онъ изъ сада, гдѣ, по случаю праздника, была иллюминація, взвивались ракеты, а стражники играли «Тореадора» и «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста», «Матчишъ» и «Тройку», вскрикивая среди галопа: «Эй, мила-и!» — вернулся и сталъ звонить у воротъ своего подворья. Дергалъ, дергалъ гремящую проволоку — ни души. Ни души и кругомъ, тишина, сумерки, холодное зеленоватое небо на закатѣ

за площадью въ концѣ улицы, надъ головой — тучи...
Наконецъ плетется кто-то за воротами, кряхтитъ. Гре-
митъ ключами и бормочетъ:

— Въ отдѣлку охромѣлъ...

— Отчего это? — спросилъ Кузьма.

— Лошадь убила, — отвѣтилъ отворявшій и, рас-
пахнувъ калитку, прибавилъ: — Ну, теперъ еще двое
осталось.

— Это судейскіе, что ли?

— Судейскіе.

— А не знаешь, зачѣмъ судъ пріѣхалъ?

— Депутата судить... Говорятъ, рѣку хотѣлъ отра-
вить.

— Депутата? Дуракъ, да развѣ депутаты этимъ за-
нимаются?

— А чума ихъ знаетъ...

На окраинѣ слободы, возлѣ порога глиняной мазан-
ки, стоялъ высокій старикъ въ опоркахъ. Въ рукѣ у
старика была длинная орѣховая палка, и, увидавъ про-
ходящаго, онъ поспѣшилъ притвориться гораздо бо-
лѣе старымъ, чѣмъ былъ, — взялъ палку въ обѣ руки,
поднялъ плечи, сдѣлалъ усталое, грустное лицо. Сы-
рой, холодный вѣтеръ, дувшій съ поля, трепалъ космы
его сѣрыхъ волосъ. И Кузьма вспомнилъ отца, дѣт-
ство... «Русь, Русь! Куда мчишься ты?» — пришло
ему въ голову восклицаніе Гоголя. — «Русь, Русь!..
Ахъ, пустоболты, пропасти на васъ нѣту! Вотъ это
будетъ почище — «депутатъ хотѣлъ рѣку отравить»...
Да, но съ кого и взыскивать-то? Несчастный народъ,
прежде всего — несчастный!..» И на маленькіе зе-
леные глаза Кузьмы навернулись слезы — внезапно,
какъ это стало часто случаться за послѣднее время.

Забрель онъ недавно въ трактиръ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Вошелъ во дворъ, утопая по щиколку въ грязи, и со двора поднялся во второй этажъ по такой вонючей, насквозь сгнившей деревянной лѣстницѣ, что даже его, человекѣ, видавшаго виды, затошнило; съ трудомъ отворилъ тяжелую, сальную дверь въ клокахъ войлока, въ рваныхъ ветошкахъ вмѣсто обивки, съ блокомъ изъ веревки и кирпича, — и ослѣпъ отъ табачнаго дыма, оглохъ отъ звона посуды на стойкѣ, отъ топота бѣгущихъ во всѣ стороны половыхъ и гнусаваго крика граммофона. Затѣмъ прошелъ въ дальнюю комнату, гдѣ народу было меньше, сѣлъ за столикъ, спросилъ бутылку меду... Подъ ногами, на затоптанномъ и заплеванномъ полу — ломтики высохшаго лимона, яичная скорлупа, окурки... А у стѣны напротивъ сидитъ длинный мужикъ въ лаптяхъ и блаженно улыбается, мотаетъ лохматой головой, прислушиваясь къ кричащему граммофону. На столикѣ сотка водки, стаканчикъ, крендели. Но мужикъ не пьетъ, а только мотаетъ головой, смотритъ себѣ на лапти и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Кузьмы, открываетъ радостные глаза, поднимаетъ чудесное доброе лицо въ рыжей вьющейся бородѣ. «Ну, залетѣлъ!» — восклицаетъ онъ радостно и изумленно. И спѣшитъ добавить — въ оправданіе: «У меня, господинъ, братъ тутъ служба... Братъ родной...» И, сморгнувъ слезы, Кузьма стиснулъ зубы. У, анаемы, до чего затоптали, забили народъ! «Залетѣлъ!» Это къ Авдѣичу-то! Да мало того: когда Кузьма поднялся и сказалъ: «Ну, прощай!» — поспѣшно поднялся и мужикъ и отъ полноты счастливаго сердца, съ глубокой благодарностью и за роскошь обстановки и

за то, что поговорили съ нимъ по-человѣчески, поспѣшно отвѣтилъ: «Не прогнѣвайтесь. . .»

Въ вагонахъ прежде разговаривали только о дождяхъ и засухахъ, о томъ, что «цѣны на хлѣбъ Богъ строить.» Теперь у многихъ въ рукахъ шуршали газетные листы, а толкъ шелъ опять-таки о Думѣ, о свободахъ, отчужденіи земель — никто и не замѣчалъ проливного дождя, шумѣвшаго по крышамъ, хотя ѣхалъ народъ все жадный до весеннихъ дождей — хлѣботорговцы, мужики, мѣщане съ хуторовъ. Прошелъ молодой солдатъ съ отрѣзанной ногой, въ желтухѣ, съ черными печальными глазами, ковыляя, стуча деревяшкой, снимая манджурскую папаху и, какъ нищій, крестясь при каждомъ подаяніи. И поднялся шумный негодующій говоръ о правительствѣ, о министрѣ Дурново и какомъ-то казенномъ овсѣ. . . Издѣваясь, вспомнили то, чѣмъ прежде восхищались: какъ «Витя», чтобы напугать японцевъ въ Портсмутѣ, приказывалъ свои чемоданы увязывать. . . Сидѣвшій противъ Кузьмы молодой человекъ, стриженный бобрикомъ, покраснѣлъ, заволновался и поспѣшилъ вмѣшаться:

— Позвольте, господа! Вотъ вы говорите — свобода. . . Вотъ я служу письмоводителемъ у податного инспектора и посылаю статейки въ столичные газеты. . . Развѣ это его касается? Онъ увѣряетъ, что онъ тоже за свободу, а между тѣмъ узналъ, что я написалъ о ненормальной постановкѣ нашего пожарнаго дѣла, призываетъ меня и говоритъ: «Если ты еще будешь, сукинъ сынъ, писать эти штуки, я тебѣ голову отмотаю!» Позвольте: если мои взгляды лѣвѣе его. . .

— Взгляды? — альтомъ карлика вдругъ крикнулъ сосѣдъ молодого человека, толстый скопецъ въ сапо-

гахъ бутылками, мучникъ Черняевъ, все время косившій на него свинными глазками. И, не давъ ему опомниться, завопилъ:

— Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то лѣвѣе? Да я тебя еще безъ портокъ видалъ! Да ты съ голоду околѣвалъ, не хуже отца своего, побирушки! Ты у инспектора-то ноги долженъ мыть да юшку пить!

— Кон-сти-ту-у-ція, — тонкимъ голосомъ, перебивая скопца, запѣлъ Кузьма и поднявшись съ мѣста, задѣвая колѣни сидящихъ, пошелъ по вагону къ дверямъ.

Ступни у скопца были маленькія, полныя и противныя, какъ у какой-нибудь старой ключницы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, губы тонкія. . . Да хорошъ былъ и Полозовъ, — учитель прогимназіи, тотъ, что такъ ласково кивалъ головой, слушая скопца и опираясь на трость, коренастый человѣкъ въ сѣрой шляпѣ и сѣрой крылаткѣ, ясноглазый, съ круглымъ носомъ и роскошной русой бородой во всю грудь. . . Отворивъ дверь на площадку вагона, Кузьма съ отрадой вздохнулъ холодной и душистой дождевой свѣжестью. Дождь глухо гудѣлъ по навѣсу надъ площадкой, лилъ съ него ручьями, летѣлъ брызгами. Вагоны, раскачиваясь, грохотали среди шума дождя, навстрѣчу, опускаясь и подымаясь, плыли проволоки телеграфа, по бокамъ бѣжали густыя свѣже-зеленыя опушки орѣшника. Пестрая куча мальчишекъ вдругъ выскочила изъ подъ насыпи и звонко, хоромъ закричала что-то. Кузьма умиленно улыбнулся, и все лицо его покрылось мелкими морщинами. А поднявъ глаза, онъ увидалъ на противоположной площадкѣ странника: доброе, измученное крестьянское лицо, сѣдую бо-

роду, широкополую шляпу, драповое пальто, подпоясанное веревкой, мѣшокъ и жестяной чайникъ за плечами, на тонкихъ ногахъ — бахилки. И крикнулъ сквозь грохотъ и шумъ:

— Съ богомолья?

— Изъ Воронежа, — съ милой готовностью отвѣтилъ слабымъ крикомъ странникъ.

— Жгутъ тамъ помѣщиковъ?

— Жгутъ...

— И чудесно!

— Ась?

— Чудесно, говорю! — крикнулъ Кузьма

И, отвернувшись, дрожащими руками, смаргивая набѣжавшія слезы умиленія, сталъ свертывать цыгарку... Но мысли опять спутались. «Странникъ — народъ, а скопецъ и учитель — не народъ? Рабство отмѣнили всего сорокъ пять лѣтъ назадъ, — что жъ и взыскивать съ этого народа? Да, но кто виноватъ въ этомъ? Самъ же народъ!» И лицо Кузьмы опять потемнѣло и осунулось.

На четвертой станціи онъ слѣзъ и нанялъ подводу. Мужики-извозчики просили сперва семь рублей, — до Казакова было двѣнадцать верстъ, — потомъ пять съ полтиной. Наконецъ одинъ сказалъ: «Троякъ отдашь — повезу, а то и языкъ трепать нечего. Нынче вамъ не прежнее...» Но не выдержалъ тона и прибавилъ привычную фразу: «Опять же корма дорогіе...» И повезъ за полтора. Грязь была непролазная, телѣга маленькая, еле живая, лошаденка — ушастая, какъ осель, слабосильная. Медленно потянулись со двора станціи, мужикъ, сидѣвшій на грядкѣ, сталъ томиться, дергая веревочныя вожжи, какъ бы желая всѣмъ

своимъ существомъ помочь лошади. Онъ на станціи хвастался, что ее «не удержишь», и теперь, видимо, стыдился. Но что было хуже всего, такъ это онъ самъ. Молодой, огромный, полный, въ лаптяхъ и бѣлыхъ онучахъ, въ короткомъ чекменѣ, подпоясанномъ оборкой и въ старомъ картузѣ на прямыхъ, желтыхъ волосахъ. Пахнетъ курной избой, коноплей, — пахарь временъ царя Гороха, да и только! — лицо бѣлое, безусое, а горло распухшее, голосъ сиплый.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Кузьма.

— Звали Ахванасьемъ...

«Ахванасьемъ!» — подумалъ Кузьма съ сердцемъ.

— А дальше?

— Меньшовъ... Н-но, анчихристь!

— Дурная, что ль? — кивнулъ Кузьма на горло.

— Ну, ужъ и дурная, — пробормоталъ Меньшовъ, отводя глаза въ сторону. — Квасу холоднаго напился...

— Да глотать-то больно?

— Глотать — нѣтъ, не больно...

— Ну, значить, и не болтай попусту, — сказалъ Кузьма строго. — Налаживай-ка лучше въ больницу поскорѣе. Женатый небось?

— Женатый...

— Ну, вотъ видишь. Пойдутъ дѣти — и наградишь ты ихъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ это какъ пить дать, — согласился Меньшовъ.

И, томясь, сталъ дергать вожжи. «Но-но... Сладу съ тобой нѣту, анчихристь!» Наконецъ бросилъ это бесполезное занятіе и успокоился. Долго молчалъ и вдругъ спросилъ:

— Собрали, купецъ, Думу-то, ай нѣтъ?

— Собрали.

— А Макаровъ-то, говорятъ, живъ, — только не велѣлъ сказывать. . .

Кузьма даже плечами вздернулъ: чортъ знаетъ что въ этихъ степныхъ головахъ! «А богатство-то какое!» — думалъ онъ, мучительно сидя съ поднятыми колѣнями на голомъ днѣ телѣги, на клокѣ соломы, крытомъ веретемъ, и оглядывая улицу. Черноземъ-то какой! Грязь на дорогахъ — синяя, жирная, зелень деревьевъ, травъ, огородовъ — темная, густая. . . Но избы — глиняныя, маленькія, съ навозными крышами. Возлѣ избъ — разохшіяся водовозки. Вода въ нихъ, конечно, съ головастиками. . . Вотъ богатый дворъ. Старая рига на гумнѣ. Варокъ, ворота, изба — все подъ одной крышей, подъ старновкой въ начесь. Изба кирпичная, въ двѣ связи, простѣнки разрисованы мѣломъ: на одномъ — палочка и по ней вверхъ — рогульки, — елка, на другомъ что-то въ родѣ пѣтуха; окошечки тоже окаймлены мѣломъ — зубцами. «Творчество! — ухмыльнулся Кузьма. — Пещерныя времена, накажи Богъ, пещерныя!» На дверяхъ пунекъ — кресты, написанные углемъ, у крыльца — большой могильный камень, — видно, дѣдъ или бабка про смерть приготовили. . . Да, дворъ богатый. Но грязь кругомъ по колѣно, на крыльцѣ лежитъ свинья. Окошечки — крохотныя, и въ жилой половинѣ избы, небось, темнота, вѣчная тѣснота: палаты, ткацкій станъ, здоровенная печь, лохань съ помоями. . . А семья большая, дѣтей много, зимой — ягнята, телята. . . И сырость, угаръ такой, что зеленый паръ стоитъ. А дѣти хнычуть — и орутъ, получая подзатыль-

ники; невѣстки ругаются — «чтобъ тебя громомъ расшибло, сука подворотная!» — желаютъ другъ другу «подавиться кускомъ на Великъ день»; старушонка-свекровь поминутно швыряетъ ухваты, миски, кидается на невѣстокъ, засучивая темныя жилистыя руки, надрывается отъ визгливой брани, брызжетъ слюной и проклятіями то на одну, то на другую... Золь, боленъ и старикъ, изнурилъ всѣхъ наставленіями...

Дальше повернули на выгонъ. На выгонѣ налаживалась ярмарка. Уже кое-гдѣ торчали остовы палатокъ, навалены были колеса, глиняная посуда; дымилась смазанная на живую руку печь, пахло оладьями; сѣрѣла походная кибитка цыганъ, и возлѣ колесъ ея сидѣли овчарки на цѣпяхъ. Дальше, возлѣ казеннаго кабака, стояла тѣсная толпа дѣвокъ, мужиковъ и раздавались вскрикиванья.

— Гуляетъ народъ, — задумчиво сказалъ Меньшовъ.

— Это съ какой радости? — спросилъ Кузьма.

— Надѣется...

— На что?

— Извѣстно, на что... На домового!

— И-ихъ! — крикнулъ кто-то въ толпѣ подъ крѣпкій глухой топоть:

Не пахать, не косить —

Дѣвкамъ жамки носить!

И невысокій мужикъ, стоявшій сзади толпы, вдругъ взмахнувъ руками. Все на немъ было домовито, чисто, прочно — и лапти, и онучи, и новые тяжевые портки, и очень коротко, кургузо подрѣзанная сборчатая юбка поддевки изъ толстаго сиваго сукна. Онъ вдругъ мягко и ловко топнулъ лаптями, взмахнулъ руками, тено-

ромъ крикнулъ: «Разступись, дай купцу глянуть!» — и, вскочивъ въ разомкнувшійся кругъ, отчаянно за-трясь портками передъ молодымъ высокимъ малымъ, который, склонивъ картузь, дьявольски вывертывалъ сапогами и, вывертывая, сбрасывалъ съ себя, съ новой ситцевой рубахи, черную поддевку. Лицо малаго было сосредоточено, мрачно, блѣдно и потно.

— Сынокъ! Желанный! — вопила, среди гама и дробнаго топота, старушка въ паневѣ, протягивая руки. — Будя тебѣ за ради Христа! Желанный, будя — помрешь!

И сынокъ вдругъ вскинулъ голову, сжалъ кулаки и зубы и съ яростнымъ лицомъ и топотомъ выкрикнулъ:

Цыцъ, бабка, не кукуй. . .

— А она и такъ послѣдніе холсты для него продала, — говорилъ Меньшовъ, тащась по выгону. — Любить она его безъ памяти, — дѣло вдовье, — а онъ по-часть каждый день мордуетъ ее, пьяный. . . Знать, того стоитъ.

— Это какимъ же манеромъ — «того стоитъ»? — спросилъ Кузьма.

— А такимъ. . . Не потакай. . .

У одной избы сидѣлъ на скамейкѣ длинный мужикъ — краше въ гробъ кладутъ: ноги стоятъ въ валенкахъ какъ палки, большія мертвыя руки ровно лежатъ на острыхъ колѣняхъ, на протертыхъ порткахъ. На лобъ по-стариковски надвинута шапка, глаза замученные, просящіе, нечеловѣчески-худое лицо вытянуто, губы пепельныя, полураскрытыя. . .

— Это Чучень, — сказалъ Меньшовъ, кивая на больного. — Отъ живота второй годъ помираетъ.

— Чучень? Это что жъ — прозвище?

— Прозвишша. . .

— Глупо! — сказалъ Кузьма.

И отвернулся, чтобы не видѣть дѣвчонки возлѣ слѣдующей избы: она, перевалившись назадъ, держала на рукахъ ребенка въ чепчикѣ, пристально глазѣла на проѣзжихъ и, высовывая языкъ, нажевывала, готовила для ребенка соску изъ чернаго хлѣба. . . А на крайнемъ гумнѣ гудѣли отъ вѣтра лозинки, трепалось покосившееся пугало пустыми рукавами. Гумно, что выходить въ степь, всегда неуютно, скучно, а тутъ еще это пугало, осеннія тучки, отъ которыхъ лежитъ на всемъ синеватый тонъ, и гудитъ вѣтеръ съ поля, раздуваетъ хвосты куръ, бродящихъ по току, заросшему лебедой и чернобыльникомъ, возлѣ риги съ раскрытымъ хребтомъ. . .

Лѣсокъ, синѣвшій на горизонтѣ, — двѣ длинныхъ лощины, заросшихъ дубнякомъ, — назывался Порточками. И около этихъ Порточекъ захватилъ Кузьму проливной дождь съ градомъ, провожавшій до самаго Казакова. Лошаденку Меньшовъ гналъ подъ селомъ вскачь, а Кузьма, зажмурясь, сидѣлъ подъ мокрымъ холоднымъ веретемъ. Руки костянѣли отъ стужи, за воротъ чуйки текли ледяныя струйки, отяжелѣвшее подъ дождемъ веретѣе воняло прѣлымъ завромомъ. Въ голову стучали градины, летѣли лепешки грязи, въ колеяхъ, подъ колесами, шумѣла вода, гдѣ-то блеяли ягнята. . . Наконецъ стало такъ душно, что Кузьма отшвырнулъ веретѣе съ головы назадъ. Дождь рѣдѣлъ, вечерѣло, мимо телѣги по зеленому выгону бѣжало къ избамъ стадо. Тонконогая черная овца отбилась въ сторону, и за ней гонялась, накрывшись мокрой юбкой, блестя бѣлыми икрами, босая баба.

На западѣ, за селомъ, свѣтлѣло, на востокѣ, на сизо-пыльномъ фонѣ тучи, надъ хлѣбами, стояли двѣ зелено-фіолетовыхъ дуги. Густо и влажно пахло зеленою полей и тепло — жильемъ.

— Гдѣ тутъ господскій дворъ? — крикнулъ Кузьма плечистой бабѣ въ бѣлой рубахѣ и красной шерстяной юбкѣ.

Баба стояла на каменномъ порогѣ избы и держала за руку голосившую дѣвочку. Дѣвочка голосила съ невѣроятной пронзительностью.

— Дворъ? — повторила баба. — Чей?

— Господскій.

— Чей? Ничего не слышать... А, да захлебнись ты, родимецъ те росшиби! — крикнула баба, дернувъ дѣвочку за руку такъ сильно, что та перевернулась.

Разспросили въ другомъ дворѣ. Проѣхали широкую улицу, взяли влѣво, потомъ вправо и мимо чьей-то старосвѣтской усадьбы съ забитымъ наглухо домомъ стали спускаться подъ крутую гору, къ мосту черезъ рѣчку. Съ лица, съ волосъ, съ чекменя Меньшова падали капли. Умытое толстое лицо его съ бѣлыми крупными рѣсницами казалось еще тупѣе. Онъ съ любопытствомъ заглядывалъ куда-то впередъ. Глянулъ и Кузьма. На томъ боку, на покато́мъ выгонѣ — темный казаковскій садъ, широкой дворъ, обнесенный разрушающимися службами и развалинами каменной ограды; среди двора, за тремя засохшими елками — обшитый сѣрымъ тесомъ домъ подъ ржаво-красной крышей. Внизу, у моста — кучка мужиковъ. А впереди, на крутой размытой дорогѣ, бьется въ грязи, вытягивается вверхъ тройка худыхъ рабочихъ лоша-

дей, запряженныхъ въ тарантасъ. Оборванный, но красивый батракъ, блѣдный, съ красноватой бородкой, съ умными глазами, стоялъ возлѣ тройки, дергалъ вожжи и, надсаживаясь, кричалъ: «Н-но! Н-но-о!» А мужики съ гоготомъ и свистомъ подхватывали: «Тпру! Тпру!» И отчаянно простирала впередъ руки сидѣвшая въ тарантасѣ молодая женщина въ траурѣ, съ крупными слезами на длинныхъ рѣсницахъ. Отчаяніе было и въ бирюзовыхъ глазахъ толстаго рыжеусаго человѣка, сидѣвшаго съ ней рядомъ. Обручальное кольцо блестѣло на его правой рукѣ, сжимавшей револьверъ; лѣвой онъ все махалъ, и, вѣрно, ему было очень жарко въ верблюжьей поддевкѣ и суконномъ картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ. А со скамеечки противъ сидѣнья съ кроткимъ любопытствомъ озирались дѣти — мальчикъ и дѣвочка, блѣдные, закутанные въ шали.

— Это Мишка Сиверскій, — громко и сипло сказалъ Меньшовъ, объѣзжая тройку и равнодушно глядя на дѣтей. — Его сожгли вчерась. . . Видно, стоитъ того. . .

Дѣлами господъ Казаковыхъ правилъ староста, бывшій солдатъ-кавалеристъ, человѣкъ рослый и грубый. Къ нему, въ людскую, и надо было обратиться, какъ сказалъ Кузьмѣ работникъ, въѣзжавшій на дворъ въ телѣгѣ съ накошенной крупной мокро-зеленой травой. У старосты случилось въ этотъ день несчастье — умеръ ребенокъ — и встрѣченъ былъ Кузьма неласково. Когда онъ, оставивъ Меньшова за воротами, подошелъ къ людской, заплаканная, серьезная старостиха несла отъ сада рябую курицу, смиренно сидѣвшую у нея подъ мышкой. Среди колоннокъ на вет-

хомъ крыльцѣ стоялъ высокій молодой человекъ въ длинныхъ сапогахъ и ситцевой косовороткѣ и, увидавъ старостиху, крикнулъ:

— Агаѣя, куда-й-то ты ее несешь?

— Рѣзать, — отвѣтила старостиха серьезно и печально.

— Дай-ка я зарѣжу.

И молодой человекъ направился къ леднику, не обращая вниманія на дождь, снова начавшій накрапывать съ насупившагося неба. Отворивъ дверь ледника, онъ взялъ съ порога топоръ — и черезъ минуту раздался короткій стукъ, и безголовая курица, съ краснымъ обрубочкомъ шеи, побѣжала по травѣ, спотыкнулась и завертѣлась, трепыхая крыльями и разбрасывая во всѣ стороны перья и брызги крови. Молодой человекъ кинулъ топоръ и направился къ саду, а старостиха, поймавъ курицу, подошла къ Кузьмѣ:

— Тебѣ что?

— Насчетъ сада, — сказалъ Кузьма.

— Федоръ Иваныча подожди.

— А гдѣ онъ?

— Сейчасъ съ поля пріѣдетъ.

И Кузьма сталъ ждать у открытаго окна людской. Онъ заглянулъ туда, увидѣлъ въ полутьмѣ печь, нары, столъ, корытце на лавкѣ у окна — гробикъ корытцемъ, где лежалъ мертвый ребенокъ съ большой, почти голой головкой, съ синеватымъ личикомъ... За столомъ сидѣла толстая слѣпая дѣвка и большой деревянной ложкой ловила изъ миски молоко съ кусками хлѣба. Мухи, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли надъ ней, ползали по мертвому личику, потомъ падали въ

молоко, но слѣпая, сидя прямо, какъ истуканъ, и уставивъ въ сумракъ бѣльма, ѣла и ѣла. Кузьмѣ стало страшно, и онъ отвернулся. Порывами дулъ холодный вѣтеръ, отъ тучъ становилось все темнѣе. Среди двора возвышались два столба съ перекладиной, на перекладинѣ, какъ икона, висѣла большая чугунная доска: значить, по ночамъ боялись, били въ нее. По двору валялись худыя борзые собаки. Мальчикъ лѣтъ восьми бѣгалъ среди нихъ, возилъ на телѣжкѣ бѣлого ваго бурдастаго братишку въ большомъ черномъ картузѣ — и телѣжка неистово визжала. Домъ былъ сѣрь, грузенъ и, должно быть, чертовски скученъ въ эти сумерки. «Хоть бы огонь зажгли!» — подумалъ Кузьма. Онъ смертельно усталъ, ему казалось, что онъ выѣхалъ изъ города чуть не годъ тому назадъ...

А вечеръ и ночь онъ провелъ въ саду. Староста, пріѣхавъ верхомъ съ поля, сердито сказалъ, что «садъ давно сдаденъ», а на просьбу о ночлегѣ только нагло изумился: «Однако ты уменъ! — крикнулъ онъ. — Постоялый дворъ какой нашель! Много васъ теперь такихъ шатается...» Но смилостивился — разрѣшилъ ночевать въ саду, въ банѣ. Кузьма расчелся съ Меншовымъ и пошелъ мимо дома къ воротамъ липовой аллеи. Изъ темныхъ раскрытыхъ оконъ, изъ-за желѣзныхъ сѣтокъ отъ мухъ, гремѣлъ рояль, покрываемый великолѣпнымъ голосомъ, затѣйливыми вокализами, совершенно не идущими ни къ вечеру ни къ усадьбѣ. По грязному песку покатою аллеи, въ концѣ которой, какъ на краю свѣта, тускло бѣлѣло облачное небо, не спѣша двигался навстрѣчу Кузьмѣ темно-рыжій мужичокъ съ ведромъ въ рукѣ, распоясанный, безъ шапки и въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Ишь, ишь! — насмѣшливо говорилъ онъ на ходу, прислушиваясь къ вокализамъ. — Ишь, раздолѣвается!

— Кто раздолѣвается — спросилъ Кузьма.

Мужичокъ поднялъ голову и пріостановился.

— Да баггчукъ-то, — весело сказалъ онъ, сильно картавя. — Говорять, семь годъ такъ-то!

— Это какой-же, — что курицу рубилъ?

— Н-нѣтъ, другой... Да это еще что! Иной разъ какъ примется кричать: «Нонче ты, завтра я» — прямо бяда-а!

— Учится, вѣрно?

— Хороша ученье!

Все это было рассказано какъ будто небрежно, вскользь, съ передышками, но съ такой ѣдкой усмѣшкой и картавостью, что Кузьма внимательно глянулъ на встрѣчнаго. Похожъ на дурачка. Волосы прямые, въ скобку, длинные. Лицо небольшое, незначительное, старинно-русское, суздальское. Сапоги огромные, тѣло тощее и какое-то деревянное. Глаза подъ большими сонными вѣками — ястребиные, съ золотистымъ кружкомъ въ зрачкѣ. Опустить вѣки — обыкновенный дурачокъ, подниметь — даже жутко немного.

— Ты въ саду сидишь? — спросилъ Кузьма.

— Въ саду. А то гдѣ же?

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня-то? Акимъ... А тебя?

— Я садъ хотѣлъ снять.

— Вона... хватился!

И Акимъ, насмѣшливо мотнувъ головой, пошелъ своей дорогой.

Вѣтеръ дулъ все порывистѣе, сыпля брызги съ ярко-зеленыхъ деревьевъ, за садомъ, гдѣ-то низко, гремѣлъ тугой громъ, блѣдно-голубые сполохи озаряли аллею, и повсюду пѣли соловьи. Совершенно непонятно было, какъ могутъ они такъ старательно, въ такомъ упорномъ забытьѣ, такъ сладко и сильно цокать, щелкать и разсыпаться подѣ этимъ тяжкимъ свинцово-облачнымъ небомъ, среди гнущихся отъ вѣтра деревьевъ, въ густыхъ мокрыхъ кустахъ. Но еще непонятнѣе было, какъ проводятъ караульщики на этомъ вѣтру ночи, какъ спятъ они на сырой соломѣ подѣ навѣсомъ гнилого шалаша!

Ихъ было трое. И всѣ были больны. Одинъ молодой, бывшій пекаръ, теперь босякъ, жаловался на лихорадку; у другого, тоже босяка, но уже застарѣлаго, была чахотка, хотъ онъ говорилъ, что ему ничего, «только промежъ крыльевъ холодить»; Акимъ страдалъ «куриной слѣпотой» — отъ худосочія плохо видѣлъ въ сумеркахъ. Пекаръ, блѣдный и ласковый, сидѣлъ, когда подошелъ Кузьма, возлѣ шалаша на корточкахъ и, засучивъ на худыхъ, слабыхъ рукахъ рукава ватной кофты, промывалъ въ деревянной чашкѣ пшено. Чахоточный Митрофанъ, человекъ небольшого роста, широкій и темнолицый, весь въ мокромъ от-репѣѣ и опоркахъ, сбитыхъ и жесткихъ, какъ старое лошадиное копыто, стоялъ возлѣ пекаря и, поднявъ плечи, карими блестящими глазами, расширенными и ничего не выражающими, глядѣлъ на его работу. Акимъ притащилъ ведро и разводилъ, поддувалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша огонь. Онъ входилъ въ шалашъ, выбиралъ тамъ пуки соломы посуше и опять шелъ къ пачухе дымившему подѣ чугуномъ костру, все

бормоча что-то, дыша со свистомъ и насмѣшливо-загадочно, небрежно улыбаясь на подтруниванья сотоварищей, зло и ловко срѣзая ихъ порою. А Кузьма закрывалъ глаза и слушалъ то разговоръ, то соловьевъ, сидя на сырой скамейкѣ возлѣ шалаша, осыпаемый ледяными брызгами, когда по аллеѣ, подъ сумрачнымъ, вздрагивавшимъ отъ блѣдныхъ зарницъ и рочущимъ небомъ проносился сырой вѣтеръ. Подъ ложечкой сосало отъ голода и тютюна. Кулешъ, казалось, никогда не поспѣетъ, изъ головы не выходила мысль, что, можетъ, и самому придется жить такой же звѣриной жизнью, какъ эти караульщики... И раздражали порывы вѣтра, дальній однообразный громъ, соловьи и медлительная, небрежно-ѣдкая картавость Акима, его скрипучій голосъ.

— Ты бы, Акимушка, хотя поясокъ-то купишь, — притворно-просто говорилъ пекарь, труня и поглядывая на Кузьму, — приглашая и его послушать Акима.

— Вотъ погоди, — разсѣяннo - насмѣшливо отвѣчалъ Акимъ, снимая изъ закипѣвшаго котелка пѣнистую жижу. — Вотъ отживемъ у хозяина лѣто — сапоги тебѣ со скрипомъ куплю.

— «Со скрипомъ»! Да я у тебя не прошу.

— А самъ въ опоркахъ!

И Акимъ сталъ заботливо пробовать съ ложки жижу.

Пекарь смутился и вздохнулъ:

— Ужъ гдѣ намъ сапоги носить!

— Да будетъ вамъ, — сказалъ Кузьма: — вы вотъ лучше скажите, какъ вы тутъ коштуетесь. Небось, каждый день все кулешъ да кулешъ?

— А тебѣ что жь — рыбки, ветчинки захотѣлось? — спросилъ Акимъ, не оборачиваясь и облизывая ложку. — Она бы ничего такъ-то: водочки осьмушку, сомовинки хунтика три, хвостикъ ветчинки, чайку хруктоваго. . . А это не кулешъ, а называется рѣдень-кая кашка.

— А щи, похлебку варите?

— У насъ, братъ, были онѣ, щи-то, да какія еще! На кобеля плеснешь — шерсть соскочить!

Кузьма покачалъ головой:

— А вѣдь это ты отъ болѣзни такъ золь! Поль-чился бы, что-ли, маленько. . .

Акимъ не отвѣтилъ. Огонь уже потухалъ, подъ чу-гуномъ краснѣла горка тонкихъ угольковъ; садъ тем-нѣлъ и темнѣлъ, и голубые сполохи при порывахъ вѣт-ра, раздувавшихъ рубаху Акима, стали блѣдно оза-рять лица. Митрофанъ сидѣлъ рядомъ съ Кузьмой, опершись на палку, пекарь — на пнѣ подъ липой. Услыхавъ послѣднія слова Кузьмы, пекарь сталъ серь-езенъ.

— А я такъ полагаю, — сказалъ онъ покорно и грустно, — что не иначе, какъ все Господь. Не дастъ Господь здоровья, такъ никакіе доктора тебѣ не помо-гутъ. Вонъ Акимъ правду говоритъ: раньше смерти не помрешь.

— Доктора! — подхватилъ Акимъ, глядя на угли и особенно ѣдко выговаривая это слово: доктогга!.. — Доктора, братъ, свой карманъ блюдутъ. Я бь ему, доктору-то энтому, кишки за его дѣла выпустилъ!

— Не всѣ блюдутъ, — сказалъ Кузьма.

— Я всѣхъ не видалъ.

— Ну, и не брешы, если не видалъ, — строго сказалъ Митрофанъ и обратился къ пекарю: — Да и ты хорошъ: ишь, распѣлся сиротой казанской! Небось, кабы не валялся по-собачьи на земи, не корежило бы тебя такъ-то.

— Да вѣдь я. . . — началъ-было пекарь.

Но тутъ насмѣшливое спокойствіе внезапно покинуло Акима. И, вытакивъ свои ястребиные глаза, онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ съ запальчивостью идиота:

— Что? Это я-то не брешы? Ты былъ въ больницѣ-то? Былъ? А я былъ! Я въ ней семь день сидѣлъ, — много онъ мнѣ булокъ-то давалъ, докторъ-то твой? Много?

— Да дуракъ, — перебилъ Митрофанъ: — булки не всѣмъ же полагаются: это по болѣзни.

— А! По болѣзни! Ну, и подавись онъ ими, пузо его лопни! — крикнулъ Акимъ.

И, бѣшено озираясь, шваркнулъ ложку въ «рѣденькую кашку» и пошелъ въ шалашъ.

Тамъ онъ, со свистомъ дыша, зажегъ лампочку, и въ шалашѣ стало уютно. Потомъ досталъ откуда-то изъ подъ крыши ложки, кинулъ ихъ на столъ и крикнулъ: «Несите, что ль, кулешъ-то!» Пекарь всталъ и пошелъ за чугуничкомъ. «Милости просимъ», — сказалъ онъ, проходя мимо Кузьмы. Но Кузьма попросилъ только хлѣба, круто посолилъ его и, съ наслажденіемъ жуя, опять вернулся къ скамейкѣ. Стало совсѣмъ темно. Блѣдно-голубой свѣтъ все шире, быстрее и ярче озарялъ шумящія деревья, точно раздуваемый вѣтромъ, и при каждомъ сполохѣ мертвенно-зеленая листва становилась на мгновеніе видна, какъ днемъ,

послѣ чего все заливалось могильной чернотой. Соловьи смолкли, — сладко и сильно цокалъ и рассыпался только одинъ — надъ самымъ шалашомъ. «Даже и не спросили, кто я, откуда? — думалъ Кузьма. — Народъ, пропади онъ пропадомъ!» И шутливо крикнулъ въ шалашъ:

— Акимъ! А ты и не спросилъ даже: кто я, откуда?

— А на что ты мнѣ нуженъ-то? — отвѣтилъ Акимъ.

— Я вотъ его о другомъ спрашиваю, — слышался голосъ пекаря: — сколько онъ отъ Думы земли чаесть получить? Какъ думаешь, Акимушка? А?

— Я не письмѣнный, — сказалъ Акимъ. — Тебѣ изъ навозу виднѣй.

И пекарь, должно-быть, опять смутился: на минуту наступило молчаніе.

— Это онъ насчетъ нашего брата, — заговорилъ Митрофанъ. — Я рассказывалъ какъ-то, что въ Ростовѣ бѣдный народъ, пролетаріатъ то-есть, зимой въ навозѣ спасается...

— Выйдетъ за городъ, — радостно подхватилъ Акимъ, — и — въ навозъ! Зароется не хуже свиньи и горя мало.

— Дуракъ! — отрѣзалъ Митрофанъ. — Чего гогочешь? Застигнетъ бѣдность — зароешься!

Акимъ, опустивъ ложку, сонно посмотрѣлъ на него. И съ той же внезапной запальчивостью, какъ и давеча, раскрылъ свои пустые ястребиные глаза и бѣшено крикнулъ:

— А-а! Бѣдность! По часамъ захотѣлъ работать?

— А какъ же? — бѣшено крикнулъ и Митрофанъ, раздувая свои дагомейскія ноздри и въ упоръ глядя на

Акима блестящими глазами. — Двадцать часовъ за двугривенный?

— А-а! А тебѣ бы часъ за цѣлковый? — Дюже жаденъ, пузо твое лопни!

Но ссора столь же быстро и потухла, какъ разгорѣлась. Черезъ минуту Митрофанъ уже спокойно говорилъ, обжигаясь кулешомъ:

— Это онъ-то не жаденъ! Да онъ, дьяволъ слѣпой, за копейку въ алтарѣ удавится. Вѣрите ли — жену за пятиалтынный продалъ! Ей-Богу, не шучу. Тамъ у насъ въ Липецкѣ есть такой старичокъ, Панковъ прозывается, тоже прежде садовничалъ, ну, а теперь на покоѣ и очень любить это дѣло...

— Акимъ, значить, тоже липецкій? — спросилъ Кузьма.

— Изъ деревни Студенки, — равнодушно сказалъ Акимъ, точно и не про него шелъ толкъ.

— При братѣ живетъ, — подтвердилъ Митрофанъ. — Землей, дворомъ сообча владѣеть съ нимъ, но только все-таки въ родѣ какъ замѣсто дурачка, и жена отъ него, конечно, ужъ сбѣжала; а отчего сбѣжала — какъ разъ отъ этого отъ самага: сторговался съ Панковымъ за пятиалтынный, чтобъ пустить его, замѣсто себя, ночью въ клѣть — и пустилъ.

Акимъ молчалъ, постукивая ложкой по столу и глядя на лампочку. Онъ уже наѣлся, утерся и теперь что-то думалъ.

— Брехать, малый, не пахать, — сказалъ онъ наконецъ. — А хоть бы и пустилъ: ай она слиняетъ?

И, прислушиваясь, осклабился, поднялъ брови, и его суздальское личико стало радостно-грустно, покрылось крупными деревянными морщинами.

— Вотъ бы изъ ружья-то его! — сказалъ онъ особенно скрипуче и картаво. — Такъ бы и кувыркнулся!

— Это ты про кого-же? — спросилъ Кузьма.

— Да про соловья-то энтого...

Кузьма сжалъ зубы и, подумавъ, сказалъ:

— А стерва ты мужикъ. Звѣрь.

— Поцѣлуй меня въ с—ку теперь, — отозвался Акимъ. И, икнувъ, поднялся:

— Ну, что жъ даггомъ огонь-то жечь?

Митрофанъ сталъ завертывать цыгарку, пекарь — убирать ложки, а онъ выльзъ изъ-за стола, повернулся къ лампочкѣ спиной и, поспѣшно перекрестившись три раза, съ размаху поклонился въ темный уголъ шалаша, встряхнулъ мочальными прямыми волосами и, поднявъ лицо, зашепталъ молитву. Отъ него пала на какіе-то тесовые ящики и переломилась большая тѣнь. Онъ опять торопливо перекрестился и опять съ размаху поклонился — и Кузьма уже съ ненавистью взглянулъ на него. Вотъ Акимъ молится — и попробуй-ка спросить его, вѣрить ли онъ въ Бога! Изъ орбитъ выскочатъ его ястребиные глаза! Развѣ онъ татаринъ какой!

Казалось, что годъ тому назадъ выѣхалъ онъ изъ города и что никогда-то теперь не доберешься до него. Тяготилъ мокрый картузь, ныли холодныя ноги, сжатая грязными сапогами. Лицо за день обвѣтрилось горѣло. Поднявшись со скамьи, Кузьма пошелъ навстрѣчу сырому вѣтру, къ воротамъ въ поле, къ пустоши давно упраздненнаго погоста. Изъ шалаша падалъ на грязь слабый свѣтъ, но, какъ только Кузьма отошелъ, Акимъ дунулъ на лампочку, свѣтъ исчезъ, и сразу наступила ночь. Голубоватая зарница блесну-

ла смѣлѣе, неожиданнѣй, раскрыла все небо, всю глубину сада до самыхъ отдаленныхъ елокъ, гдѣ стояла баня, и вдругъ залила все такой чернотой, что закружилась голова. И опять гдѣ-то низко загремѣлъ дальній громъ. Постоявъ и различивъ тусклый просвѣтъ въ воротахъ, Кузьма вышелъ на дорогу, пролегавшую мимо вала, мимо шумящихъ старыхъ липъ и кленовъ, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. На картузъ, на руки опять посыпался дождь. И опять глубоко распахнулась черная тьма, засверкали капли дождя, и на пустоши, въ мертвенно-голубомъ свѣтѣ, вырѣзалась фигура мокрой тонкошеей лошади. Блѣдное, металлически-зеленое поле овсовъ мелькнуло за пустошью на чернильномъ фонѣ, а лошадь подняла голову — и Кузьмѣ стало жутко. Онъ повернулъ назадъ, къ воротамъ. Когда же ошупью добрался до бани, стоявшей въ ельникѣ, дождь обрушился на землю съ такой силой, что какъ въ дѣтствѣ, стали мелькать страшныя мысли о потопѣ. Онъ дернулъ спичкой, увидалъ широкія нары возлѣ окошечка и, свернувъ чуйку, кинулъ ее въ изголовье. Въ темнотѣ влѣзъ на нары и съ глубокимъ вздохомъ растянулся на нихъ, легъ по-стариковски, на спину, и закрылъ усталые глаза. Боже мой, какая нелѣпая и тяжкая поѣздка! И какъ это онъ попалъ сюда? Въ барскомъ домѣ теперь тоже тьма, и зарницы, на лету, украдкой отражаются въ зеркалахъ... Въ шалашѣ, подъ проливнымъ дождемъ, спитъ Акимъ... Вотъ въ этой банѣ не разъ, конечно, видали чертей: вѣрится ли Акимъ хоть въ чорта какъ слѣдуетъ? Нѣтъ. А все-таки съ увѣренностью рассказываетъ о томъ, какъ его покойникъ-дѣдъ — непременно дѣдъ и непременно покойникъ — пошелъ

разъ въ ригу за хоботьемъ, а чортъ сидитъ себѣ на водилѣ, ножки переплелъ, лохматый, какъ собака. . . И, выставивъ одно колѣно, Кузьма положилъ кисть руки на лобъ и сталъ, вздыхая и тоскуя, задремывать. . .

Лѣто онъ провелъ въ ожиданіи мѣста. Мечты о садахъ оказались очень глупы. Возвратясь въ городъ и хорошенько обдумавъ свое положеніе, началъ онъ искать мѣста приказчика, конторщика; потомъ сталъ соглашаться на любое — лишь бы былъ кусокъ хлѣба. Но поиски, хлопоты, просьбы пропадали даромъ. И охватило отчаяніе: да какъ же это онъ не видалъ, что ему и надѣяться нечего! Въ городѣ онъ давнымъ-давно слылъ за большого чудака. Пьянство и бездѣлье превратили его въ посмѣшище. Жизнь его сперва изумляла городъ, потомъ стала казаться подозрительной. Да и правда: гдѣ это видано, чтобы мѣщанинъ въ его годы жилъ на подворьѣ, былъ холостъ и нищъ, какъ шарманщикъ: всего имущества — сундучокъ да тяжелый старый зонть! И Кузьма сталъ поглядывать въ зеркало: что это, въ самомъ дѣлѣ, за человекъ передъ нимъ? Ночуетъ въ «общемъ номерѣ», среди чужихъ, пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ людей, утромъ плетется по жарѣ на базаръ, въ трактиры, гдѣ ловить слухи о мѣстахъ; послѣ обѣда спитъ, потомъ сидитъ у окна и читаетъ, глядитъ на пыльную бѣлую улицу и блѣдно-голубое отъ жары небо. . . Для кого и для чего живетъ на свѣтѣ этотъ худой и уже сѣдой отъ голода и строгихъ думъ мѣщанинъ, называющій себя анархистомъ и не умѣющій толкомъ объяснить, что значитъ — анархистъ? Сидитъ, читаетъ; вздохнетъ, пройдетъ по комнатѣ; опустится на корточки,

отомкнетъ свой сундучокъ; переложитъ поаккуратнѣе истрепанныя книжки и рукописи, двѣ-три линючихъ косоворотки, старый длиннополый сюртукъ, жилетку, истершееся метрическое свидѣтельство. . . А что дальше дѣлать?

И лѣто тянулось безконечно долго. Теперь въ городѣ стояла адская сушь. Угловой домъ подворья жарился на солнцѣ. По ночамъ отъ духоты кровь стучала въ голову, и будилъ каждый звукъ за открытыми окнами. А на сѣновалѣ нельзя было спать отъ блохъ, крика пѣтуховъ и вони навознаго двора. Все лѣто не покидала Кузьму мечта съѣздить въ Воронежъ. Хоть бы отъ поѣзда до поѣзда побродить по воронежскимъ улицамъ, посмотреть на знакомые тополя, на тотъ голубенькій домикъ за городомъ. . . Да зачѣмъ? Истратить десять, пятнадцать рублей, а потомъ отказывать себѣ въ свѣчкѣ, въ булкѣ? Да и стыдно старику предаваться любовнымъ воспоминаніямъ. А что до Клаши, такъ его ли еще дочь-то она? Видѣлъ онъ ее года два тому назадъ: сидитъ у окна, плететъ кружево, обликъ милый и скромный, но похожа только на мать. . .

Къ осени Кузьма убѣдился, что необходимо или по святымъ мѣстамъ уйти, въ монастырь какой-нибудь, или — просто дернуть по горлу бритвой. Наступала осень. Уже пахло на базарѣ яблоками, сливами. Навезли гимназистовъ. Стало солнце садиться за Щепной площадью: выйдешь изъ воротъ вечеромъ и, переходя прекрестокъ, ослѣпнешь: налѣво вся улица, упирающаяся вдали въ площадь, залита низкимъ скучнымъ блескомъ. Сады за заборами — въ пыли, паутинѣ. Идетъ Полозовъ навстрѣчу — на немъ крылатка, но шляпу уже смѣнилъ картузь съ кокардой.

Въ городскомъ саду ни души. Забита раковина музыкантовъ, забить кіоскъ, гдѣ продавали лѣтомъ кумысъ и лимонадъ, закрытъ дощатый буфетъ. И однажды, сидя возлѣ этой раковины, Кузьма такъ затосковалъ, что уже не шутя задумался о самоубійствѣ. Солнце садилось, свѣтъ его былъ красноватый, летѣла мелкая розовая листва по аллеѣ, дулъ холодный вѣтеръ. Въ соборѣ звонили ко всенощной, и подъ этотъ мѣрный, густой звонъ, уѣздный, субботній, душа ныла нестерпимо. Вдругъ подъ раковиной послышался кашель, кряхтѣнье. . . «Мотъка», — подумалъ Кузьма. И правда: вылѣзъ изъ-подъ лѣстницы Мотя-Утиная-Головка. Былъ онъ въ рыжихъ солдатскихъ сапогахъ, въ очень длинномъ гимназическомъ мундирѣ, обсыпанномъ мукой, — видно, базаръ позабавился, — и въ соломенной шляпѣ, много разъ попадавшей подъ колеса. Не раскрывая глазъ, отплевываясь и шатаясь съ похмелья, онъ прошелъ мимо. Кузьма сдерживая слезы, самъ окликнулъ его:

— Мотъ! Иди потолкуемъ, покуримъ. . .

И Мотя вернулся, сѣлъ на скамью, сталъ сонно, шевеля бровями, завертывать цыгарку, но, кажется, плохо соображалъ, кто это рядомъ съ нимъ, кто это жалуется ему на свою судьбу. . .

А на другой день тотъ же Мотя принесъ Кузьмѣ записку Тихона.

Въ концѣ сентября Кузьма переѣхалъ въ Дурновку.

III.

Въ ту давнюю пору, когда Илья Мироновъ года два жилъ въ Дурновкѣ, былъ Кузьма совсѣмъ ребенкомъ, и остались у него въ памяти только темно-зеленые пахучіе коноплянники, въ которыхъ тонула Дурновка, да еще одна темная лѣтняя ночь: ни единого огня не было въ деревнѣ, а мимо избы Ильи шли, бѣлѣя въ темнотѣ рубахами, «девять дѣвокъ, девять бабъ, десятая удова», всѣ босыя, простоволосыя, съ метлами, дубинами, вилами, и стоялъ оглушительный звонъ и стукъ въ заслонки, въ сковороды, покрываемый дикой хоровой пѣснью: вдова тащила соху, рядомъ съ ней шла дѣвка съ большой иконой, а прочія звонили, стучали и, когда вдова низкимъ голосомъ выводила:

Ты, коровья смерть,
Не ходи въ наше село! —

хоръ, на погребальный ладъ, протяжно вторилъ:

Мы опахиваемъ —

и, тоскуя, рѣзкими горловыми голосами подхватывалъ:

Со ладаномъ, со крестомъ. . .

Теперь видъ дурновскихъ полей былъ будничнѣй. Ъхалъ Кузьма съ Воргла веселѣй и слегка хмельной, — Тихонъ Ильичъ угощалъ его за обѣдомъ наливкой, былъ очень добръ въ этотъ день, — и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на равнины сухихъ бурыхъ пашень, разстилавшіяся вокругъ него. Почти лѣтнее солнце, прозрачный воздухъ, блѣдно-голубое ясное небо, — все радовало и обѣщало долгій покой. Сѣдой, корявой польни, вывороченной съ корнемъ сохами, было такъ много, что ее возили возами. Подъ самой усадьбой стояла на пашнѣ лошаденка, съ репьями въ холкѣ, и телѣга, высоко нагруженная польнью, а подлѣ лежалъ Яковъ, босой, въ короткихъ запыленныхъ порткахъ и длинной посконной рубахѣ, и, придавивъ бокомъ большого сѣдого кобеля, держалъ его за уши. Кобель рычалъ и косился.

— Ай кусается? — крикнулъ Кузьма.

— Лють — мочи нѣтъ! — торопливо отозвался Яковъ, поднимая свою косую бороду. — На морды лошадямъ сигаешь. . .

И Кузьма засмѣялся отъ удовольствія. Ужъ мужикъ такъ мужикъ, степь такъ степь!

А дорога шла подъ изволокомъ, и горизонтъ суживался. Впереди зеленѣла новая желѣзная крыша риги, казавшаяся потонувшей въ глухомъ низкоросломъ саду. За садомъ, на противоположномъ косогорѣ, стоялъ длинный рядъ избъ изъ глинобитныхъ кирпичей, подъ соломой. Справа, за пашнями, тянулся большой логъ, входившій въ тотъ, что отдѣлялъ усадьбу отъ деревни. И тамъ, гдѣ лога сходилась, торчали на мысу крылья двухъ раскрытыхъ вѣтряковъ, окруженныхъ нѣсколькими избами однодворцевъ, — Мысо-

выхъ, какъ назвалъ ихъ Оська, — и бѣлѣла на выгонѣ вымазанная мѣломъ школа.

— Что жъ, учатся ребятишки-то? — спросилъ Кузьма.

— Обязательно, — сказалъ Оська. — Ученикъ у нихъ — бядовый!

— Какой ученикъ? Учитель, что ли?

— Ну, учитель, одна часть. Вышколилъ, говорю, ихняго брата — куда годишься. Солдатъ. Бьетъ не судомъ, да зато у него ужъ и прилажено все! Заѣхали мы какъ-то съ Тихономъ Ильичемъ — какъ вскочуть всѣ разомъ да какъ гаркнуть: «Здравія желаемъ!» — гдѣ тебѣ и солдатамъ такъ-то!

И опять засмѣялся Кузьма.

А когда проѣхали гумно, прокатили по убитой дорогѣ мимо вишневаго сада и повернули влѣво, на длинный дворъ, подсохшій, золотившійся подъ солнцемъ, даже сердце заколотилось: вотъ оно и дома наконецъ. И, взойдя на крыльцо, переступивъ порогъ, Кузьма низко поклонился темной иконѣ въ углу прихожей. . .

Противъ дома, задомъ къ Дурновкѣ, къ широкому логу, стояли амбары. Съ крыльца дома, чуть влѣво, видна была Дурновка, вправо — часть мыса: вѣтрякъ и школа. Комнаты были малы и пусты. Въ кабинетѣ была ссыпана рожь, въ залѣ и гостиной стояло только нѣсколько стульевъ съ продранными сидѣньями. Гостиная выходила окнами въ садъ, и всю осень Кузьма ночевалъ въ ней на продавленномъ диванѣ, не закрывая оконъ. Полъ никогда не мели: за кухарку первое время жила вдова Однодворка, бывшая любовница молодого Дурново, которой надо было и къ ребятиш-

камъ своимъ бѣгать, и себѣ кое-что стряпать, и Кузьмѣ съ работникомъ. Кузьма самъ ставилъ по утрамъ самоваръ, потомъ сидѣлъ подъ окномъ въ залѣ, пилъ чай съ яблоками. Въ утреннемъ блескѣ, за логомъ, густо дымились крыши деревни. Садъ свѣжо благоухалъ. А въ полдень солнце стояло надъ деревней, на дворѣ было жарко, въ саду рдѣли клены и липы, тихо роняя разноцвѣтные листья. Голуби, пригрѣтые солнцемъ, весь день спали на скатѣ кухонной крыши, желтѣвшей новой соломой въ ясномъ синемъ небѣ. Отдыхалъ послѣ обѣда работникъ. Однодворка уходила домой. А Кузьма бродилъ. Онъ шелъ на гумно, радуясь солнцу, твердой дорогѣ, высохшимъ бурьянамъ, побурѣвшему посвекольнику, милому позднему цвѣту голубого цикорія и тихо летѣвшему по воздуху пуху татарокъ. Пашни въ полѣ блестѣли подъ солнцемъ шелковистыми сѣтями паутины, затянувшей ихъ на необозримое пространство. По огороду на сухихъ репейникахъ сидѣли щеглы. На гумнѣ, въ глубокой тишинѣ, на припекѣ, горячо сипѣли кузнечики. . . Съ гумна Кузьма перелѣзалъ черезъ валь, возвращался въ усадьбу садомъ, по ельнику. Въ саду болталъ съ мѣщанами, съемщиками сада, съ Молодой и Козой, сбравшими падальцы, залѣзалъ съ ними въ крапивную глушь, гдѣ лежали самыя спѣлыя. Порой онъ брелъ на деревню, въ школу. . .

Солдатъ-учитель, глупый отъ природы, на службѣ сбился съ толку свершенно. По виду это былъ самый обыкновенный мужикъ. Но говорилъ онъ всегда такъ необыкновенно и несъ такую чепуху, что приходилось только руками разводять. Онъ все чему-то съ величайшей хитростью улыбался, глядѣлъ на собесѣдника

снисходительно, шурясь, на вопросы никогда не отвѣчалъ сразу.

— Какъ величать-то тебя? — спросилъ его Кузьма, въ первый разъ зайдя въ школу.

Солдатъ прищурился, подумалъ.

— Безъ имени и овца баранъ, — сказалъ онъ наконецъ, не спѣша. — Но спрошу и я васъ: Адамъ — это имя, ай нѣтъ?

— Имя.

— Такъ. А сколько же, къ примѣру, народу померло съ тѣхъ поръ?

— Не знаю, — сказалъ Кузьма. — Да ты это къ чему?

— А къ тому самому, что намъ этого отъ роду не понять! Я, къ примѣру, солдатъ и коноваль. Иду недавно по ярмаркѣ — глядь, лошадь въ сапѣ. Сейчасъ къ становому: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе. «А можешь ты эту лошадь перомъ зарѣзать?» — «Съ великимъ удовольствіемъ!»

— Какимъ перомъ? — спросилъ Кузьма.

— А гусинымъ. Взялъ, очинилъ, въ жилу становую чкнулъ, дунуль маленько, въ перо-то, — и готово. Дѣло-то, кажись, просто, анъ поди-ка, ухитрись!

И солдатъ лукаво подмигнулъ и постучалъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Тутъ еще есть смекалка-то!

Кузьма пожалъ плечами и смолкъ. И, ужъ проходя мимо Однодворки, отъ ея Сеньки узналъ, какъ зовутъ солдата. Оказалось — Пармень.

— А что вамъ задано на завтра? — прибавилъ Кузьма, съ любопытствомъ глядя на огненные вихры Сеньки, на его живые зеленые глаза, конопатое лицо,

щуплое тѣльце и потрескавшіяся отъ грязи и цыпокъ руки и ноги.

— Задачи, стихи, — сказалъ Сенька, подхвативъ правой рукой поднятую назадъ ногу и прыгая на одномъ мѣстѣ.

— Какія задачи?

— Гусей сосчитать. Летѣло стадо гусей...

— А, знаю, — сказалъ Кузьма. — А еще что?

— Еще мышей...

— Тоже сосчитать?

— Да. Шли шесть мышей, несли по шесть грошей, — быстро забормоталъ Сенька, косясь на серебряную часовую цѣпочку Кузьмы. — Одна мышъ поплосше не-сла два гроша... Сколько выйдеть всего...

— Великолѣпно. А стихи какіе?

Сенька выпустилъ ногу.

— Стихи — «Кто онъ?»

— Выучилъ?

— Выучилъ...

— А ну-ка.

И Сенька еще быстрѣе забормоталъ — про всадника, ѣхавшаго надъ Невой по лѣсамъ, гдѣ были только

Ель, сосна, да мохъ сядой...

— Сѣдой, — сказалъ Кузьма, — а не сядой.

— Ну, сидой, — согласился Сенька.

— А всадникъ-то этотъ кто же?

Сенька подумалъ.

— Да колдунъ, — сказалъ онъ.

— Такъ. Ну, скажи матери, чтобъ она хотъ виски-то тебѣ подстригла. Тебѣ же хуже, когда учитель дереть.

— А онъ уши найдетъ, — безпечно сказалъ Сенька, снова берясь за ногу, и запрыгалъ по выгону.

Мысь и Дурновка, какъ это всегда бываетъ со смежными деревнями, жили въ постоянной враждѣ и взаимномъ презрѣніи. Мысовы считали разбойниками и побирושками дурновцевъ, дурновцы — мысовыхъ. Дурновка была «барская», а на Мысу обитали «галманы», однодворцы. Въ вражды, въ распрей находилась только Однодворка. Небольшая, худая, аккуратная, она была жива, ровна и пріятна въ обращеніи, наблюдательна. Она знала, какъ свою, каждую семью и на Мысу и въ Дурновкѣ, первая извѣщала усадьбу о каждомъ, даже малѣйшемъ деревенскомъ событіи. Да и ея жизнь знали всѣ отлично. Она никогда и ни отъ кого ничего не скрывала, спокойно и просто рассказывала о мужѣ, о Дурново.

— Что жъ дѣлать-то, — говорила она, легонько вздыхая. — Бѣдность была лютая, хлѣбушка и въ новину не хватало. Мужикъ меня, правду надо сказать, любилъ, да вѣдь покоришься. Цѣлыхъ три воза ржи далъ за меня баринъ. «Какъ же быть-то?» — говорю мужику. — «Видно, иди, говоритъ». Поѣхалъ за рожью, таскаетъ мѣрку за мѣркой, а у самого слезы капъ-капъ, капъ-капъ. . .

Днемъ работала она, не покладая рукъ, по ночамъ штопала, шила, воровала щиты на чугунокъ. Разъ, поздно вечеромъ, выѣхалъ Кузьма къ Тихону Ильичу, поднялся на изволокъ и обмеръ отъ страха: надъ потонувшими во мракъ пашнями, на чуть тлѣющей полосѣ заката росло и плавно несло на Кузьму что-то черное, громадное. . .

— Кто это? — слабо крикнулъ онъ, натягивая вожжи.

— Ой! — слабо, въ ужасѣ крикнуло и то, что такъ быстро и плавно росло въ небѣ, и съ трескомъ разсыпалось.

Кузьма очнулся — и сразу узналъ въ темнотѣ Однодворку. Это она бѣжала на него на своихъ легкихъ босыхъ ногахъ, согнувшись, взгромоздивъ на себя два саженныхъ щита — изъ тѣхъ, что ставятъ зимой вдоль чугулки отъ заносовъ. И, оправившись, съ тихимъ смѣхомъ зашептала:

— Напугали вы меня до смерти. Бѣжишь такъ-то ночью — дрожишь вся, а что жъ дѣлать-то? Вся деревня топится ими, только тѣмъ и спасаемся. . .

Зато совершенно неинтересный человекъ былъ работникъ Кошель. Говорить съ нимъ было не о чемъ, да онъ и не словоохотливъ былъ. Какъ большинство дурновцевъ, онъ все только повторялъ старыя немудренныя изреченія, подтверждалъ то, что давнымъ-давно извѣстно. Погода портилась — и онъ посматривалъ на небо:

— Портится погодка. Дожджокъ теперь для зеленей первое дѣло.

Доили паръ — и онъ замѣчалъ:

— Не передвоишь — безъ хлѣба посидишь. Такъ-то старички-то говаривали.

Онъ служилъ въ свое время, былъ на Кавказѣ, но солдатчина не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Онъ ничего не могъ рассказать о Кавказѣ, кромѣ того только, что тамъ гора на горѣ, что изъ земли бьютъ тамъ страшно горячія и странныя воды: «положишь баранину — въ одну минуту сварится, а не вынешь во-

время — опять сырая станетъ. . .» И нисколько не гордился тѣмъ, что повидалъ свѣтъ; онъ даже съ презрѣніемъ относился къ людямъ бывалымъ: вѣдь «шатаются» люди только поневолѣ или по бѣдности. Ни одному слуху не вѣрилъ — «все брешутъ!» — но вѣрилъ, божился, что недавно подъ Басовымъ катилось въ сумерки телѣжное колесо — вѣдьма, а одинъ мужикъ, не будь дуракъ, взялъ да и поймалъ это колесо, всунулъ во втулокъ подпояску и завязалъ ее.

— Ну, и что же? — спрашивалъ Кузьма.

— Да что? — отвѣчалъ Кошель. — Проснулась эта вѣдьма на-рани, глядь — а у ней подпояска изъ рота и изъ заду торчитъ, на животѣ завязана. . .

— А чего жъ она не развязала-то ее?

— Видно, узелъ закрещенъ былъ.

— И тебѣ не стыдно такой чепухѣ вѣрить?

— А мнѣ что жъ стыдиться? Люди ложь, и я тожъ.

И любилъ Кузьма только напѣвы его слушать. Сидишь въ темнотѣ у открытаго окна, нигдѣ ни огонька, деревня чуть чернѣетъ за логомъ, тихо такъ, что слышно паденіе яблокъ съ лѣсовки за угломъ дома, а онъ медленно похаживаетъ по двору съ колотушкой и заунывно-мирно напѣваетъ себѣ фальцетомъ: «Смолкни, пташка-канарейка». . . До утра онъ караулил усадьбу, днемъ спалъ, — дѣла почти не было: съ дурновскими дѣлами Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ въ этотъ годъ управиться рано, изъ скотины оставилъ всего лошадь да корову.

Ясные дни смѣнились холодными, синевато-сѣренькими, беззвучными. Стали щеглы и синицы посвистывать въ голомъ саду, цыкать въ елкахъ клесты, появилась свиристѣ-ли, снѣгири и еще какія-то неторопли-

выя крохотныя птички, стайками перелетавшія съ мѣста на мѣсто по гумну, падины котораго уже проросли ярко-зелеными всходами; иногда такая молчаливая легонькая птичка одиноко сидѣла гдѣ-нибудь на былинкѣ въ полѣ... На огородахъ за Дурновкой докапывали послѣднія картошки. Порой, подь вечеръ, подолгу стоялъ тамъ кто-нибудь изъ мужиковъ, задумавшись и заглядѣвшись въ поле, держа за плечами плетушку съ колосомъ. Стало рано темнѣть, и въ усадьбѣ говорили: «Какъ поздно машина-то теперь проходитъ!» — хотя расписание поѣздовъ ничуть не измѣнилось... Кузьма, сидя подь окномъ, цѣлый день читалъ газеты; онъ записалъ свою весеннюю поѣздку въ Казаково и разговоры съ Акимомъ, дѣлалъ замѣтки въ старой счетоводной книгѣ — то, что видѣлъ и слышалъ въ деревнѣ... Больше всѣхъ занималъ его Сѣрый.

Сѣрый былъ самый нищій и бездѣльный мужикъ во всей деревнѣ. Землю онъ сдавалъ, на мѣстахъ не жилъ. Дома сидѣлъ въ голодѣ и холодѣ, но думалъ только о томъ, какъ бы разжиться покурить. На всѣхъ сходкахъ бывалъ онъ, не пропускалъ ни одной свадьбы, ни однѣхъ крестинъ, ни однѣхъ похоронъ. Могарычи никогда не обходились безъ него: онъ встрявалъ не только во всѣ мірскіе, но и во всѣ сосѣдскіе — послѣ купли, продажи, мѣны. Наружность Сѣраго оправдывала его кличку: сѣръ, худъ, росту средняго, плечи обвислыя, полушубочекъ короткій, рваный, замызганный, валенки разбиты и подшиты бечевой, о шапкѣ и говорить нечего. Сидя въ избѣ, никогда не снимая этой шапки, не выпуская изо рта трубки, видъ онъ имѣлъ такой, будто все ждалъ чего-то. Но ему, по его

миѣнію, чертовски не везло. Не подпадало дѣла настоящаго, да и только! Ну, а въ бирюльки играть былъ онъ не охотникъ. Всякій, конечно, норовилъ охаять. . .

— Да вѣдь языкъ-то безъ костей, — говорилъ Сѣрый. — Ты сперва дѣло въ руки дай, а потомъ ужъ и бреши.

Земли у него было порядочно — три десятины. Но податей зашло — на десятерыхъ. И отвалились отъ земли руки у Сѣраго: «Поневоля сдась ее, землю-то: ее, матушку, въ порядкѣ надо держать, а ужъ какой тутъ порядокъ!» Самъ онъ сѣялъ не больше полнивы, но и ту продавалъ на корню, — «милое за немилое сбывалъ». И опять съ резonomъ: дождись-ка ее, попробуй! — «Все, къ примѣру, дождаться-то лучше. . .» бормоталъ Яковъ, глядя въ сторону и зло усмѣхаясь. Но усмѣхался и Сѣрый — печально и презрительно.

— Лучше! — хмыкалъ онъ. — Тебѣ хорошо брехать: дѣвку отдалъ, малаго женилъ. А у меня — глянь, уголь-то сидитъ. . . ребятишекъ-то. Не чужіе вѣдь. Я вонъ козу для нихъ держу, поросенка выкармливаю. . . Тоже, небось, пить-ѣсть просятъ.

— Ну, коза, къ примѣру, въ этомъ дѣлѣ не повинна, — возражалъ, раздражаясь, Яковъ. — Это у насъ, къ примѣру, все водочки да трубочки на умѣ. . . трубочки да водочки. . .

И, чтобъ не поругаться съ сосѣдомъ безъ толку, спѣшилъ отойти отъ Сѣраго. А Сѣрый спокойно и дѣльно замѣчалъ ему вслѣдъ:

— Пьяница, братъ, проспится, дуракъ никогда.

Раздѣлившись съ братомъ, долго скитался Сѣрый по квартирамъ, нанимался и въ городѣ и по имѣніямъ. Ходилъ и на клевера. И вотъ на клеверахъ-то и повез-

ло ему однажды. Нанялась артель, къ какой пристрѣялъ Сѣрый, отдѣлать большую партію по восьми гривенъ съ пуда, а клеверъ возьми и дай больше двухъ пудовъ. Вытрясли его — Сѣрый подрядился машонку бить. Нагналъ въ азадки зерна и купилъ ихъ. И забогатѣлъ: въ ту же осень поставилъ кирпичную избу. Но не рассчиталъ: оказалось, что избу нужно топить. А чѣмъ, спрашивается? Да нечѣмъ было и кормиться. И пришлось сжечь верхъ избы, и простояла она безъ крыши годъ, почернѣла вся. А труба пошла на хомуть. Правда, лошади еще не было; да вѣдь надо же когда-нибудь начинать обзаведеніе. . . И Сѣрый махнулъ рукой: рѣшилъ продать избу, поставить или купить подешевле, глинобитную. Разсуждалъ онъ такъ: будетъ въ избѣ — ну, на худой конецъ, десять тысячъ кирпичей, за тысячу даютъ пять, а то и шесть рублей; выходитъ, значить, больше полсотни. . . Но кирпичей оказалось три съ половиной тысячи, за матрицу пришлось взять не пять цѣлковыхъ, а два съ половиной. . . Озабоченно приглядывая себѣ новую избу, цѣлый годъ приторговывался онъ только къ тѣмъ, что были совсѣмъ не по деньгамъ ему. И примирился съ теперешней только въ твердой надеждѣ на будущую — крѣпкую, просторную, теплую.

— Въ этой я, прямо говорю, не жилецъ! — отрѣзалъ онъ однажды.

Яковъ внимательно посмотрѣлъ на него, тряхнулъ шапкой.

— Такъ. Значить, ждешь, корабли приплывутъ?

— И приплывутъ, — отвѣтилъ Сѣрый загадочно.

— Ой, брось дурь, — сказалъ Яковъ: — наймись

куда ни на есть, да зубами, къ примѣру, держись за мѣсто...

Но мысль о хорошемъ дворѣ, о порядкѣ, о какой-то ладной, настоящей работѣ отравляла всю жизнь Сѣрому. Скучаль онъ на мѣстахъ.

— Она, видно, работа-то, не медъ, — говорили сосѣди.

— Небось, была бы медъ, кабы хозяинъ попался путный!

И Сѣрый, вдругъ оживившись, вынималъ изо рта холодную трубку и начиналъ любимую исторію: какъ онъ, будучи холостымъ, цѣлыхъ два года честно-благородно отжилъ у попа подъ Ельцомъ.

— Да я и сейчасъ поди туда — съ руками оторвутъ! — восклицалъ онъ. — Только слово сказать: пришелъ моль, папаша, поработаться на васъ.

— Ну, къ примѣру, и шелъ бы...

— Шелъ бы! Ихъ вонъ, — ишь, — уголь-то сидить! Вѣстимо: чужую бѣду — руками разведу... А тутъ человекъ безъ толку пропадаетъ...

Безъ толку пропадалъ Сѣрый и нынѣшній годъ. Всю зиму съ озабоченнымъ видомъ просидѣлъ дома, безъ огня, въ холодѣ, въ голодѣ; Великимъ постомъ пристроился какимъ-то манеромъ къ Русановымъ подъ Тулой: въ своихъ-то мѣстахъ его ужъ не брали. Но не прошло и мѣсяца, какъ осточертѣла ему русановская экономія хуже горькой рѣдьки.

— Ой, малый! — сказалъ разъ приказчикъ. — На-скрозь тебя вижу: придираешься ты лыжи наладить. Забираете, сукины дѣти, денежки впередъ, да и норовите въ кусты.

— Это, можетъ, бродяга какой такъ-то норовить, а не мы, — отрѣзалъ Сѣрый.

Но приказчикъ намека не понялъ. И пришлось дѣйствовать рѣшительнѣе. Заставили разъ Сѣраго навозить къ вечеру хоботья для скотины. Онъ поѣхалъ на гумно и сталъ навивать возъ соломы. Подошелъ приказчикъ:

— Развѣ я тебѣ не русскимъ языкомъ сказалъ — хоботье накладывать?

— Не время его накладывать, — твердо отвѣтилъ Сѣрый,

— Это почему?

— Путные хозяева хоботье въ обѣдъ даютъ, а не на ночь.

— Да ты-то что за учитель такой?

— Не люблю морить скотину. Вотъ и учитель весь.

— А везешь солому?

— На все время надо знать.

— Сію же минуту брось накладывать!

Сѣрый поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, дѣла я не брошу. Дѣла мнѣ нельзя бросать.

— Дай сюда вилы, собака, и отойди отъ грѣха.

— Я не собака, а хрещеный человекъ. Вотъ отвезу — и отойду. И совсѣмъ уйду.

— Ну, братъ, наврядъ! Уйдешь, да въ скорости и назадъ, въ волость припрешь.

Сѣрый соскочилъ съ воза, бросилъ вилы въ солому:

— Это я-то припру?

— Ты-то!

— Ой малый, не припри ты! Авось, и за тобой знаемъ. Тоже, братъ, не похвалить хозяинъ...

Толстыя щеки приказчика налились сизой кровью, бѣлки выпучились:

— А-а! Вотъ какъ! Не похвалить? Говори же, когда такое дѣло, — за что?

— Миѣ нечего говорить, — пробормоталъ Сѣрый, чувствуя, что у него сразу отяжелѣли ноги отъ страха.

— Нѣтъ, братъ, брешешь, — скажешь!

— А куда мука дѣвалась? — внезапно крикнулъ Сѣрый.

— Мука? Какая такая мука? Какая?

— Сляпая. Съ мельницы. . .

Приказчикъ мертвой хваткой сгребъ Сѣраго за воротъ, за-душу — и на мгновение оба замерли.

— Ты что же это, — за пельки хватать? — спросилъ Сѣрый спокойно. — Задушить хочешь?

И вдругъ яростно завизжалъ:

— Ну, бей, бей, пока сердце кипитъ!

И, рванувшись, вырвался и схватилъ вилы.

— Ребята! — заоралъ приказчикъ, хотя кругомъ никого не было. — За старостой! Прислушайте: онъ меня заколотъ хотѣлъ, сукинъ сынъ!

— Не суйся, носъ сшибешь, — сказалъ Сѣрый, держа вилы на перевѣсѣ. — Авось, не прежнее вамъ времечко!

Но тутъ приказчикъ размахнулся — и Сѣрый торчкомъ головой полетѣлъ въ солому. . .

Все лѣто Сѣрый сидѣлъ опять дома, поджидая милостей отъ Думы. Всю осень шатался отъ двора къ двору, надѣясь пристроиться къ кому-нибудь, ѣдущему на клевера. . . Загорѣлся однажды новый ометъ на краю деревни. Сѣрый первымъ явился на пожаръ и оралъ до сипоты, опалилъ рѣсницы, промокъ до нитки,

распоряжаясь водовозами, тѣми, что кидались съ вилами въ огромное розово-золотое пламя, растаскивали во всѣ стороны огненные шапки, и тѣми, что просто метались среди жара, треска, льющейся воды, гама, наваленныхъ возлѣ избъ иконъ, кадушекъ, прялокъ, попонъ, рыдающихъ бабъ и сыплющихся съ обгорѣлыхъ лозинъ черныхъ листьевъ. . . Какъ-то въ октябрѣ, когда послѣ проливныхъ дождей и ледяной бури, застылъ прудъ и сосѣдскій боровъ соскользнулъ съ мерзлаго бугра, проломилъ ледъ и сталъ тонуть, Сѣрый первый, со всего разбѣга, шарахнулся въ воду — спасать. . . Боровъ все равно утонулъ, но это дало Сѣрому право прибѣжать съ пруда въ людскую, потребовать водки, табаку, закуски. Сперва онъ былъ весь лиловый, зубъ на зубъ не попадалъ, еле шевелилъ бѣлыми губами, переодѣваясь во все чужое, въ Кошелево. Потомъ ожилъ, захмелѣлъ, сталъ хвастать — и опять рассказалъ о томъ, какъ онъ честно-благородно служилъ у попа и какъ ловко выдалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дочь замужъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, съ жадностью жевалъ, заглатывалъ брусочки сырой ветчины и самодовольно повѣствовалъ:

— Хорошо. Снюхалась она, Матрющка-то, съ Егоркой съ этимъ. . . Ну, снюхалась и снюхалась. Нехай. Сижу этакъ вечеркомъ подъ окошечкомъ, вижу — разъ Егорка прошелъ мимо избы, два. . . а моя — все нырь да нырь къ окошечку. . . Значить, обдумали дѣло, думаю себѣ. И говорю бабѣ: ты тутъ кормочку скотинѣ дай, а я пойду, — на сходку повѣщали. Сѣлъ за избой въ солому, сижу, жду. А ужъ снѣжокъ первый напалъ. Вижу — опять снизу крадется Егорка. . . А она и вотъ она. Зашли за погребъ, потомъ —

шмыгъ въ избу въ новую, въ пустую, рядомъ. Подождаль я сколько-нибудь...

— Исторія! — сказалъ Кузьма и болѣзненно усмѣхнулся.

Но Сѣрый принялъ это за похвалу, за восхищеніе его умомъ и хитростью. И продолжалъ, то возвышая голосъ, то ѣдко понижая его:

— Стой, слухай, что дальше-то будетъ. Подождаль, говорю, сколько-нибудь — да за ними... Вскочилъ на порогъ — прямо на ней и прихватилъ! Перепужались они — до страсти. Онъ, какъ куль, наземь свалился, — хоть рѣжь его, — а она обмерла, лежитъ, какъ утка... «Ну, говоритъ, бей меня теперь.» Это онъ-то. «Бить, говорю, ты мнѣ не нужно-онъ...» Поддевочку его взялъ, пинжачокъ — тоже, оставилъ въ однихъ подштаникахъ, — почестъ въ чемъ мать родила... «Ну, говорю, ступай теперь, куды хочешь...» А самъ домой. Смотрю — и онъ сзади идетъ: снѣгъ бѣлый — и онъ бѣлый, идетъ, сопить... Дѣться-то некуда, — куда кинешься? А моя Матрена Миколавна, какъ я только изъ избы, — въ поле! Закатилась — насилу сосѣдка подъ самымъ Басовымъ за рукавъ поймала, ко мнѣ привела. Даль я ей отдохнуть и говорю: «Мы люди бѣдные, ай нѣтъ?» Молчить. «Мать-то у тебя убогая, ай умная?» Опять молчить. «Какъ ты насъ оконфузила? А? Ты, что жъ, полонъ уголь мнѣ ихъ нашвыряешь, выбледковъ-то, а я глазами моргай? Ты вокругъ себя при нашей бѣдности наблюдать должна, а не насмѣшничать да косу трепать, — сволочь ты!» Ну, и зачалъ ее лудить, — былъ у меня тутъ кнутикъ похоженькій... Ну, просто сказать, всю поясницу изрубилъ, до той степени — въ ногахъ ползаетъ, вален-

ки цѣлуется, а онъ сидитъ на лавкѣ, голоситъ. Взятся потомъ за него, за голубчика. . .

— И женилъ? — спросилъ Кузьма.

— Вона! — воскликнулъ Сѣрый и, чувствуя, что хмель одолеваетъ его, сталъ сгребать съ тарелки куски ветчины и пихать въ карманы портокъ. — Еще какъ свадьбу-то сыграли! На расходы я, братъ, жмуриться не стану. . .

«Ну, рассказъ!» — долго думалъ Кузьма послѣ этого вечера. — А погода портилась. Писать не хотѣлось, тоска усиливалась. Только и радости, что явится кто-нибудь съ просьбой. Приѣзжалъ нѣсколько разъ Гололобый изъ Басова, — совершенно лысый мужикъ въ огромной шапкѣ, — писать прошеніе на свата, переломившаго ему ключицу. Приходила вдова Бутылочка съ Мыса — писать письма къ сыну, вся въ лохмотьяхъ, вся мокрая и ледяная отъ дождя. Начнетъ диктовать, — въ слезы.

— Городъ Серьпуховъ, при дворянской банѣ, домъ Желтухинъ. . .

И заплачетъ.

— Ну? — спрашиваетъ Кузьма, скорбно кося брови, по-стариковски глядя на Бутылочку — поверхъ пенснэ. — Ну, написалъ. Дальше что?

— Дальше-то? — спрашиваетъ Бутылочка шопотомъ и, стараясь овладѣть голосомъ, продолжаетъ:

— Дальше-то пиши, касатикъ, поскладнѣ. . . Передать, значитъ, Михалъ Назарычу Хлусову. . . въ собственные руки. . .

И продолжаетъ — то съ остановками, то совсѣмъ безъ остановокъ:

— Письмо милому и дорогому сыночку нашему Мишѣ, что же ты, Миша, про насъ забылъ, никакого слуху нѣту отъ васъ. . . Ты самъ знаешь, мы на хватерѣ, а теперича насъ сгоняютъ долой, куда жѣ мы теперича дѣнемся. . . Дорогой нашъ сыночекъ Миша, просимъ мы васъ за ради Господа Бога, чтобъ вы пріѣзжали домой какъ ни можно скорѣй. . .

И опять сквозь слезы шопотомъ:

— Мы тутъ съ вами хотъ землянку выкопаемъ, и то будемъ у своемъ углу. . .

Бури и ледяные ливни, дни, похожіе на сумерки, грязь въ усадьбѣ, усѣянная мелкой желтой листвою акацій, необозримыя пашни и озими вокругъ Дурновки и безъ конца идущія надъ ними тучи опять томили ненавистью къ этой проклятой странѣ, гдѣ восемь мѣсяцевъ мятели, а четыре — дожди, гдѣ за нуждой приходится итти на варокъ или въ вишенникъ. Когда завернуло ненастье, пришлось гостиную забить наглухо и перебраться въ залъ, чтобъ уже всю зиму и ночевать въ немъ, и обѣдать, и курить, и проводить долгіе вечера за тусклою кухонной лампочкой, шагая изъ угла въ уголь въ картузѣ и чуйкѣ, едва спасавшихъ отъ холода и вѣтра, дувшаго въ щели. Иногда оказывалось, что забыли запастись керосиномъ, и Кузьма проводилъ сумерки безъ огня, а вечеромъ зажигалъ какой-нибудь огарокъ только для того, чтобы поужинать картофельной похлебкой и теплой пшенной кашей, что молча, съ строгимъ лицомъ подавала Молодая.

«Куда бы поѣхать?» — думалъ онъ порою.

Сосѣдей поблизости было всего только трое: старуха княжна Шахова, которая не принимала даже пред-

водителя, считая его невоспитаннымъ; отставной жандармъ Закржевскій, геморроидально-злой человекъ, который и на порогъ не пустилъ бы къ себѣ; и наконецъ мелкопомѣстный дворянинъ Басовъ, жившій въ избѣ, женившійся на простой бабѣ вдовѣ, говорившій только о хомутахъ и скотинѣ. О. Петръ, священникъ изъ Колодезей, куда Дурновка была приходомъ, посѣтилъ разъ Кузьму, но вести знакомство не возымѣлъ охоты ни тотъ ни другой. Кузьма угостилъ священника только чаемъ — и священникъ рѣзко и неловко захохоталъ, увидавъ на столѣ самоваръ. «Самоварчикъ? Отлично! Вы, я вижу, не тароваты на угощенье!» Кузьма откровенно заявилъ, что никогда не бываетъ въ церкви по своимъ убѣжденіямъ, — священникъ захохоталъ еще изумленнѣе, еще рѣзче и громче: «А-а! Новыя идейки? Отлично! Да оно и дешевле!» И хохоть совсѣмъ не шелъ къ нему: точно другой кто-то хохоталъ за этого высокаго, худого человека съ большими лопатками и черными крупными волосами, съ бѣгающими глазами. «А на ночь-то, на ночь-то, небось, все-таки крестишься — потрухиваешь?» — громко и торопливо сказалъ онъ, одѣваясь въ прихожей, внезапно переходя на ты. «Крещусь, — съ грустной улыбкой сознался Кузьма. — Да вѣдь страхъ — не вѣра.»

Не часто бывалъ Кузьма и у брата. А тотъ пріѣзжалъ только тогда, когда былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ. И одиночество было такъ безнадежно, что порою Кузьма называлъ себя Дрейфусомъ на Чортовомъ островѣ. Сравнивалъ онъ себя и съ Сѣрымъ. Ахъ, вѣдь и онъ, подобно Сѣрому, нищъ, слабоволень, всю жизнь ждалъ какихъ-то счастливыхъ дней для работы!

По первому снѣгу Сѣрый куда-то ушелъ и пропалъ съ недѣлю. Явился домой сумрачный.

— Ай опять къ Русанову ходилъ? — спросили сосѣди.

— Ходилъ, — отвѣтилъ Сѣрый.

— Зачѣмъ?

— Уговаривали наняться.

— Такъ. Не согласился?

— Дурѣй ихъ не былъ, да до-вѣку и не буду!

И Сѣрый, не снимая шапки, опять надолго засѣлъ на лавку. И въ сумерки тоскливо становилось на душѣ при взглядѣ на его избу. Въ сумерки за широкимъ снѣжнымъ логомъ скучно чернѣла Дурновка, ея риги и лозинки на задворкахъ. Но темнѣло и — загорались огоньки, казалось, что въ избахъ мирно, уютно. И непріятно, чернѣла только изба Сѣраго. Она была глуха, мертва. Кузьма уже зналъ: если войдешь въ ея темныя полураскрытыя сѣни, почувствуешь себя на порогѣ почти звѣринаго жилья — пахнетъ снѣгомъ, въ дыры крыши видно сумрачное небо, вѣтеръ шуршитъ навозомъ и хворостомъ, кое-какъ накиданнымъ на стропила; если найдешь ощупью покосившуюся стѣну и отворишь дверь, встрѣтишь холодъ, тьму, чуть мерцающее во тьмѣ мерзлое окошечко... Никого не видно, но угадываешь: хозяинъ на лавкѣ, — уголькомъ краснѣетъ его трубка; хозяйка, — смиренная, молчаливая, съ придурью баба, — тихонько покачиваетъ повизгивающую люльку, гдѣ болтается блѣдный, сонный отъ голода рахитикъ. Дѣтишки забились на чуть теплую печку и что-то оживленно, шопотомъ, рассказываютъ другъ другу. Въ гнилой соломѣ подъ нарами шуршатъ, возятся коза и поросенокъ, — большіе

друзья. Страшно разогнуться, чтобы не удариться головой въ потолокъ. Повертываешься тоже съ опаской: отъ порога до противоположной стѣны всего пять шаговъ.

— Кто-й-то? — раздается изъ темноты негромкій голосъ.

— Я.

— Никакъ Кузьма Ильичъ?

— Онъ самый.

Сѣрый подвигается, опрастываетъ мѣсто на лавкѣ. Кузьма садится, закуриваетъ. Понемногу начинается разговоръ. Угнетенный темнотой, Сѣрый простъ, грустенъ, сознается въ своихъ слабостяхъ. Голосъ его порою дрожить. . .

Зима наступила долгая и снѣжная.

Блѣдно-блѣвющія подъ синевато-сумрачнымъ небомъ поля стали шире, просторнѣй и еще пустыннѣе. Избы, пуньки, лозины, риги рѣзко выдѣлялись на первыхъ порошахъ. Потомъ завернули вьюги и надели, навалили столько снѣга, что деревня приняла дикій сѣверный видъ, стала чернѣть только дверями да окошечками, еле выглядывающими изъ-подъ нахлобученныхъ бѣлыхъ шапокъ, изъ бѣлой толщи завалинокъ. За вьюгами подули по затвердѣвшему сѣрому насту полей жесткіе вѣтры, оборвали послѣдніе коричневые листья съ безпріютныхъ дубовыхъ кустарниковъ въ логахъ, пошелъ тонуть въ непролазныхъ наносахъ, испещренныхъ заячьими слѣдами, однодворецъ Тарасъ Миляевъ, похожій на сибиряка и по-сибирски приверженный охотѣ, превратились въ мерзлыя глыбы водовозки, выросли ледяные скользкіе бугры вокругъ прорубей, накатались дороги по сугробамъ — и

зимнія будни установились. Начались по деревнѣ повальныя болѣзни: оспа, горячка, скарлатина. . . Вокругъ прорубей, изъ которыхъ пила вся Дурновка, надъ вонючей темно-бутылочной водой, по цѣлымъ днямъ стояли, согнувшись и подоткнувъ юбки выше сизыхъ голыхъ колѣнъ, въ мокрыхъ лаптяхъ, съ большими, закутанными головами, бабы. Онѣ вытаскивали изъ чугуновъ съ золою свои сѣрыя замашныя рубахи, мужицкіе тяжевые портки, дѣтскіе загаженные свивальники, полоскали ихъ, били вальками и перекликались, сообщая другъ другу, что руки «зашлись съ пару», что во дворѣ у Матютиныхъ помираетъ въ горячкѣ бабка, что у снохи Якова завалило горло. . . Смеркалось въ три часа, и лохматые собаки сидѣли на крышахъ, почти сравнявшихся съ сугробами. Ни единая душа не знала, чѣмъ питаются эти собаки. Однако, онѣ были живы и даже свирѣпы.

Просыпались въ усадьбѣ рано. На разсвѣтѣ, въ синеватой темнотѣ, когда зажигались по избамъ огоньки, затапливались печи и сквозь застрѣхи медленно шелъ густой молочный дымъ, а во флигелѣ съ замерзшими сѣрыми окнами становилось холодно, какъ въ сѣнцахъ, Кузьму будилъ стукъ дверей и шуршанье мерзлой, со снѣгомъ, соломы, которую таскалъ изъ розвальней Кошель. Слышался его негромкій сиплый голосъ, — голосъ человѣка, проснувагося рано, натощакъ озябшаго. Гремѣла трубой самовара и строгимъ шопотомъ переговаривалась съ Кошелемъ Молодая. Она спала не въ людской, гдѣ тараканы до крови обтачивали руки и ноги, а въ прихожей, и вся деревня была убѣждена, что это не спроста. Деревня хорошо знала, что пережила Молодая за осень.

Молчаливая, придавленная тяжестью горя, Молодая была строже и печальнѣе схимницы. Но что съ того? Кузьма уже зналъ отъ Однодворки, что́ говорили на деревнѣ, и, просыпаясь, всегда вспоминалъ объ этомъ со стыдомъ и отвращеніемъ. Онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, давая знать, что ждетъ самовара, и, кряхтя, закуривалъ цыгарку: это успокаивало сердце, облегчало грудь. Онъ лежалъ подъ тулупомъ и, не рѣшаясь разстаться съ тепломъ, курилъ и думалъ: «Безстыжій народъ! Вѣдь у меня дочь ровесница ей...» То, что за стѣной ночевала молодая женщина, волновало его только отеческой нѣжностью: днемъ она была молчалива и серьезна, скупа на слова, когда спала, было въ ней что-то дѣтское, грустное, одинокое. Но развѣ деревня могла вѣрить этой нѣжности? Не вѣрилъ даже Тихонъ Ильичъ: что-то ужъ очень странно усмѣхался онъ порою. Онъ и всегда-то былъ недоувѣрчивъ, подозрителенъ, грубъ въ своихъ подозрѣніяхъ, а теперь и совсѣмъ потерялъ умъ: что ему ни скажи, — у него на все одинъ отвѣтъ.

— Слышалъ, Тихонъ Ильичъ? Закржевскій, говорятъ, отъ катарра помираетъ: въ Орель повезли.

— Брехня. Знаемъ мы этотъ катарръ!

— Да мнѣ фельдшеръ говорилъ.

— А ты слушай его побольше...

— Хочу газетку выписать, — скажешь ему. — Дай мнѣ, пожалуйста, въ счетъ жалованья рублей десять.

— Гм! Охота же человѣку брехней голову забивать. Да, признаться, со мной и денегъ-то всего пятиалтыный, не то двугривенный...

Войдетъ Молодая съ опущенными рѣсницами:

— Муки, Тихонъ Ильичъ, у насъ осталось чуть...

— Это какъ же такъ — чуть? Ой, брешешь, баба!
И перекосить брови. А доказывая, что муки должно было хватить, по крайней мѣрѣ, еще дня на три, все быстро поглядываетъ то на Кузьму, то на Молодую. Разъ даже спросилъ, усмѣхнувшись:

— А какъ спать-то вамъ, — ничего, тепло?

И Молодая густо покраснѣла и, нагнувъ голову, вышла, а у Кузьмы отъ стыда и злобы похолодѣли пальцы.

— Стыдно, братъ, Тихонъ Ильичъ, — пробормоталъ онъ, отвертываясь къ окну. — И особливо послѣ того, что ты самъ же открылъ мнѣ. . .

— А чего жъ она покраснѣла? — зло, смущенно и неловко улыбаясь, спросилъ Тихонъ Ильичъ.

По утрамъ непріятнѣе всего было умываться. Въ прихожей несло морозомъ отъ соломы, плавалъ, какъ битое стекло, ледъ въ рукомойникѣ. Кузьма порой принимался за чай, вымывъ только руки, и со сна казался совсѣмъ старикомъ. Отъ нечистоты и холода онъ сильно похудѣлъ и посѣдѣлъ за осень. Похудѣли руки, кожа на нихъ стала тоньше, глянецвитѣе, покрылась какими-то мелкими лиловыми пятнышками.

Утро было сѣрое. Подъ затвердѣвшимъ сѣрымъ снѣгомъ сѣрой была и деревня. Сѣрыми мерзлыми лубками висѣло на перекладинахъ подъ крышами пунекъ бѣлье. Намерзало возлѣ избъ — лили помой, выкидывали золу. Оборванные мальчишки спѣшили по улицѣ между избами и пуньками въ школу, взбѣгали на сугробы, скатывались съ нихъ на лаптяхъ; на всѣхъ были холщевые мѣшки съ грифельными досками и съ хлѣбомъ. Навстрѣчу имъ, присѣдая подъ ко-

ромысломъ съ двумя ушатами и неловко ступая безобразными задубенѣвшими валенками, обшитыми свиной кожей, шелъ въ одномъ армячишкѣ старый, больной, темнолицый Чугунокъ; тянулась съ бугра на бугоръ и, раскатываясь, расплескивалась заткнутая соломой водовозка, за которой бѣжала бѣлоглазый заика Кобыляй; проходили бабы, занимавшія другъ у друга то соли, то пшена, то совокъ мучицы на лепешки или саламату. На гумнахъ было пусто, — только у Якова дымились ворота риги: онъ, подражая богатымъ мужикамъ, молотилъ зимою. А за гумнами, за голымъ лознякомъ на задворкахъ, разстилалось подъ низкимъ бѣлесымъ небомъ сѣрое снѣжное поле, пустыня волнообразнаго наста.

Порой Кузьма ходилъ завтракать къ Кошелю въ людскую — горячими, какъ огонь, картошками или вчерашними кислыми щами. Онъ вспоминалъ городъ, гдѣ прожилъ всю жизнь, и дивился: совсѣмъ не тянуло его туда. У Тихона городъ былъ завѣтной мечтой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ деревню всей душою. Кузьма только силился ненавидѣть. Онъ теперь съ еще большимъ страхомъ, чѣмъ прежде, оглядывался на свое существованіе: онъ совсѣмъ одичалъ въ Дурновкѣ, — часто не умывался, весь день не снималъ чуйки, хлебалъ изъ одной миски съ Кошелемъ. Но хуже всего было то, что, страшась своего существованія, которое старило его не по днямъ, а по ночамъ, онъ чувствовалъ, что оно все-таки пріятно ему, что онъ, кажется, возвратился въ ту именно колею, какая, можетъ-быть, и надлежала ему отъ рожденія: недаромъ, видно, текла въ немъ кровь дурновцевъ!

Послѣ завтрака онъ гулялъ иногда, по усадьбѣ или

по деревнѣ. Бывалъ на гумнѣ у Якова, въ избѣ у Сѣраго или Кошеля, старуха котораго жила одна, слыла колдуньей, была высока и страшно худа, зубаста, какъ смерть, говорила грубо и рѣшительно, какъ мужикъ курила трубку: истопить печку, сядетъ на нары и покуриваетъ себѣ, мотая тонкой длинной ногой въ тяжеломъ черномъ лаптѣ. Раза два за весь постъ Кузьма выѣзжалъ — былъ на почтѣ и у брата. И поѣздки эти были тяжелы: промерзалъ Кузьма до того, что не чувствовалъ, есть у него тѣло или нѣтъ. Бараній тулупъ его служилъ такъ давно, что весь пошелъ лысинами. А вѣтеръ въ полѣ былъ свирѣпый. Послѣ сидѣнія въ Дурновкѣ нельзя было надышаться крѣпкой свѣжестью зимняго воздуха. Послѣ долгаго созерцанія деревни поражалъ снѣжно-сѣрый просторъ, позимнему синѣющія дали казались неоглядными, красивыми, какъ на картинѣ. Бодро, отфыркиваясь, неслась противъ жесткаго вѣтра лошадь, смерзшіяся гладки со стукомъ летѣли изъ-подъ кованыхъ копытъ въ передокъ саней. Кошель, съ черно-лиловой обмороженной щекой, бодро кряхтя, соскакивалъ съ облучка на раскатахъ и на бѣгу бокомъ вскакивалъ на него. Но вѣтеръ продувалъ насквозь, ноги, поставленные въ солону, перебитую со снѣгомъ, ныли и коченѣли, лобъ и скулы ломило. . . А въ низенькой почтовой конторѣ въ Ульяновкѣ было скучно такъ, какъ можетъ быть скучно только въ захолустныхъ казенныхъ мѣстахъ. Пахло плѣсенью, сургучемъ, оборванный почтальонъ стучалъ штемпелемъ, угрюмый Сахаровъ оралъ на мужиковъ, сердясь, что Кузьма не догадывается прислать ему пятокъ куръ или пудъ муки. Возлѣ дома Тихона Ильича волновалъ запахъ паровознаго дыма, на-

поминалъ, что есть на свѣтѣ города, люди, газеты, новости. Поговорить съ братомъ, отдохнуть у него, согрѣться было-бы пріятно. Но разговоръ не налаживался. Брата поминутно отрывали въ лавку, по хозяйству, говорилъ онъ тоже только о хозяйствѣ, о брехнѣ, о подлости и злобѣ мужиковъ, — о необходимости поскорѣе, поскорѣе развязаться съ имѣніемъ. Настасья Петровна была жалка. Она, видимо, стала страшно бояться мужа; невпопадъ встрѣвала въ бесѣду, невпопадъ хвалила его, — его умъ, зоркій хозяйскій глазъ, то, что онъ по хозяйству во все, во все вникаетъ самъ.

— Ужъ такой доступный до всего, такой доступный! — говорила она и — Тихонъ Ильичъ грубо обрѣзалъ ее. Черезъ часъ такой бесѣды Кузьму начинало тянуть домой, въ усадьбу. «Онъ рехнулся, ей-ей, рехнулся!» — бормоталъ Кузьма на пути домой, вспоминая угрюмое и злое лицо Тихона, его замкнутость, подозрительность и утомительное повтореніе одного и того же. И покрикивалъ на Кошеля, на лошадь, торопясь скрыть въ своемъ домишкѣ и тоску свою, и старую холодную одежду...

На Святкахъ къ Кузьмѣ повадился Иванушка изъ Басова. Это былъ старозавѣтный мужикъ, ошалѣвшій отъ долголѣтія, нѣкогда славившійся медвѣжьей силой, коренастый, согнутый въ дугу, никогда не подымавшій лохматой бурой головы, ходившій носками внутрь. Въ холеру девяносто второго года вся огромная семья Иванушки вымерла. Уцѣлѣлъ только сынъ, солдатъ, служившій теперь будочникомъ на чугункѣ, недалеко отъ Дурновки. Можно было дожить вѣкъ и у сына, но Иванушка предпочель бродить, побираться. Онъ легко и косолапо шель по двору, съ палкой и

шапкой въ лѣвой рукѣ, съ мѣшкомъ въ правой, съ раскрытой головой, на которой бѣлѣлъ снѣгъ — и овчарки почему-то не брехали на него. Онъ входилъ въ домъ, бормоталъ: «Дай Богъ дому сему да хозяина въ дому», — и садился у стѣны на полъ. Кузьма отрывался отъ книги и съ удивленіемъ, съ робостью смотрѣлъ на него поверхъ пенснэ какъ на какого-то степного звѣря, присутствіе котораго было странно въ комнатѣ. Молча, съ опущенными рѣсницами, съ легкой ласковой улыбкой, мягко ступая лаптями, появлялась Молодая, подавала Иванушкѣ миску вареныхъ картошекъ и цѣлую краюху хлѣба, сѣрую отъ соли, и становилась у притолки. Она носила лапти, въ плечахъ была плотна, широка, и красивое поблекшее лицо ея было такъ крестьянски-просто и старинно, что, казалось, иначе и не могла она называть Иванушку, какъ дѣдушкой. И она, улыбаясь, — она улыбалась только ему одному, — негромко говорила:

— Закуси, закуси, дѣдушка.

А онъ, не поднимая головы, зная ея ласку только по голосу, тихо нылъ въ отвѣтъ, иногда бормоталъ: «Спаси тебе Господь, внучка», широко и неловко, точно лапой, крестился и жадно принимался за ѣду. На его бурыхъ волосахъ, нечеловѣчески густыхъ и крупныхъ, таяло. Съ лаптей текло по полу. Отъ ветхаго бураго чекменя, надѣтаго на грязную посконную рубашу, пахло курной избой. Изуродованная долгой работой руки, корявые негнушіеся пальцы съ трудомъ ловили картошки.

— Небось, холодно въ одномъ чекменѣ-то? — громко спрашивалъ Кузьма.

— Ась? — слабымъ нѣтъемъ отзывается Иванушка, подставляя закрытое волосами ухо.

— Холодно тебѣ, небось?

Иванушка думалъ.

— Чѣмъ холодно? — отвѣчалъ онъ съ разстановкой. — Ничаво ня холодно. . . Въ старину куда стюдя-нѣй было.

— Подними голову-то, волосы-то поправь!

Иванушка медленно качалъ головою.

— Таперь, братъ, не подымешь. . . Гнетъ къ зем-лѣ-то. . .

И съ тусклой улыбкой силился поднять свое страшное, заросшее волосами лицо, свои крохотные, сощуренные глазки.

Наѣвшись, онъ вздыхалъ, крестился, собиралъ и дожевывалъ крошки съ колѣнъ; потомъ шарилъ возлѣ себя — искалъ мѣшокъ, палку и шапку, а найдя и успокоившись, начиналъ неторопливую бесѣду. Онъ могъ просидѣть молча весь день, но Кузьма и Молодая спрашивали — и онъ, какъ во снѣ, откуда-то издалека, отвѣчалъ. Онъ рассказывалъ своимъ неуклюжимъ стариннымъ языкомъ, что царь весь изъ золота, что рыбу царь не можетъ ѣсть — «дюже солона», что пророкъ Илья разъ проломилъ небо и упалъ на землю: «дюже былъ грузенъ»; что Иванъ Креститель родился лохматый, какъ баранъ, и, крестя, билъ крестника костью желѣзнымъ въ голову, чтобы тотъ «очухался»; что всякая лошадь разъ въ году, въ день Флора и Лавра, норовитъ челоуѣка убить; рассказывалъ, что въ старину ржи были такія, что ужъ не могъ проползти, что косили прежде въ день по двѣ десятины на брата; что у него былъ меринъ, котораго держали «на

чѣпи» — такъ силенъ и страшенъ былъ онъ; что однажды, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, у него, у Иванушки, украли такую дугу, за которую онъ двухъ цѣлковыхъ не взялъ бы. . . Онъ былъ твердо убѣжденъ, что семья его вымерла не отъ холеры, а оттого, что перешла послѣ пожара въ новую избу, ночевала въ ней, не давъ сперва переночевать кочету, и что онъ съ сыномъ спасся только случайно: спалъ въ ригѣ. . . Подъ вечеръ Иванушка поднимался и уходилъ, не обращая вниманія ни на какую погоду, не склоняясь ни на какія увѣщанія остаться до утра. . . И простудился на смерть — и подъ Крещеніе скончался въ будкѣ сына. Сынъ уговаривалъ его причаститься. Иванушка не согласился: сказалъ, что, причастившись, помрешь, а смерти онъ твердо рѣшилъ «не поддаваться». Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ безъ памяти; но даже и въ бреду просилъ невѣстку сказать, что его дома нѣтъ, если постучится смерть. Ночью разъ пришелъ въ себя, собралъ силы, слѣзъ съ печи и сталъ на колѣни передъ образомъ, озареннымъ лампадкой. Онъ тяжело вздыхалъ, долго бормоталъ, повторялъ: «Господи-Батюшка, прости мои прегрѣшенія» . . . Потомъ задумался, долго молчалъ, прикинувъ головою къ полу. И вдругъ поднялся и твердо сказалъ: «Нѣ; не поддамся!» Но утромъ увидалъ, что невѣстка разваливаетъ пироги, жарко топить печь. . .

— Ай мнѣ на похороны? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Невѣстка промолчала. Онъ опять собралъ силы, опять слѣзъ съ печи, вышелъ въ сѣнцы: да, вѣрно, — у стѣны стоймя стоялъ громадный лиловый гробъ съ бѣлыми восьмиконечными крестами! Тогда онъ вспом-

нилъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ съ сосѣдомъ, старикомъ Лукьяномъ: Лукьянъ захворалъ, ему купили гробъ — тоже хорошій, дорогой гробъ, — привезли изъ города муки, водки, соленого судака; а Лукьянъ возьми да и поправься. Куда было дѣвать гробъ? Чѣмъ оправдать траты? Лукьяна лѣтъ пять проклинали потомъ за нихъ, сживали попреками со свѣту. . . Иванушка, вспомнивъ это, поникъ головой и покорно побрелъ въ избу. А ночью, лежа на спинѣ безъ памяти, сталъ дрожащимъ, жалобнымъ голосомъ пѣть, да все тише, тише — и вдругъ затрясъ колѣнами, заикалъ, высоко поднялъ грудь вздохомъ и, съ пѣной на раскрытыхъ губахъ, застылъ. . .

Чуть не мѣсяцъ Кузьма пролежалъ изъ-за Иванушки въ постели. Утромъ на Крещенье говорили, что птица мерзнетъ на лету, а у Кузьмы даже валенокъ не было. И все-таки онъ поѣхалъ взглянуть на мертвого. Руки его, сложенные и заоченѣвшія подъ огромной грудью на чистой пасконной рубахѣ, уродованныя мозолистыми наростами въ теченіе цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ первобытно-тяжкой работы, были такъ грубы и страшны, что Кузьма поспѣшилъ отвернуться. А на волосы, на мертвое звѣриное лицо Иванушки онъ даже и покоситься не могъ, — поскорѣе кинулъ бѣлый коленкоръ. Чтобы согрѣться, онъ выпилъ водки и посидѣлъ передъ жарко пылающей печкой. Въ будкѣ было тепло и празднично-чисто, надъ возглавіемъ широкаго лиловаго гроба, закрытаго коленкоромъ, мерцалъ золотистый огонекъ восковой свѣчки, прилѣпленный къ угловому темному образу, пестрѣла яркими красками лубочная картина — продажа братьями Иосифа. Привѣтливая солдатка легко поднимала на рога-

чѣ и вдвигала въ печь пудовые чугуны, весело говорила о казеиныхъ дровахъ и все упрашивала остаться до возвращенія изъ села мужа. Но Кузьму била лихорадка; лицо горѣло, отъ водки, отравой разлившейся по озябшему тѣлу, стали наворачиваться на глаза безпричинныя слезы. . . И, не согрѣвшись, Кузьма поѣхалъ по бѣлымъ крѣпкимъ волнамъ полей къ Тихону Ильичу. Заиндевѣвшій, бѣло-кудрявый меринъ бѣжалъ шибко, рыча и екая селезенкой, кидая изъ ноздрей столбы сѣраго пара; козырьки голосили, звонко визжали желѣзными подрѣзами по жесткому снѣгу; сзади, въ морозныхъ кругахъ, желтѣло низкое солнце; спереди, съ сѣвера, несло жгучимъ, захватывающимъ духъ вѣтромъ; вѣшки клонились въ густомъ кудрявомъ инеѣ, и крупныя сѣрыя овсянки стаей летѣли передъ меринкомъ, разсыпались по лоснящейся дорогѣ, клевали мерзлый навозъ, опять взлетали и опять разсыпались. Кузьма глядѣлъ на нихъ сквозь тяжелыя, бѣлыя рѣсницы, чувствовалъ, что задеревянѣвшее лицо его съ бѣлыми кудрями усовъ и бороды стало похоже на святочную маску. . . Солнце садилось, снѣжныя волны мертвенно зеленѣли въ оранжевомъ блескѣ, отъ ихъ хребтовъ и зазубринъ тянулись голубыя тѣни. . . Кузьма круто повернулъ лошадь и погналъ ее назадъ, домой. Солнце сѣло, въ домѣ съ запушенными сѣрыми стеклами брезжилъ тусклый свѣтъ, стояли сизыя сумерки, было нелюдимо и холодно. Снѣгирь, висѣвшій въ клѣткѣ возлѣ окна въ садѣ, окопѣлъ, лежалъ вверхъ лапками, распушивъ перья, раздувъ красный зобикъ.

— Готовъ! — сказалъ Кузьма и понесъ снѣгиря выкидывать.

Дурновка, занесенная мерзлыми снѣгами, такая далекая всему міру въ этотъ печальный вечеръ среди степной зимы, вдругъ ужаснула его. Кончено! Горящая голова мутна и тяжела, онъ сейчасъ ляжетъ и больше не встанетъ... Скрипя по снѣгу лаптями, къ крыльцу подходила съ ведромъ въ рукѣ Молодая.

— Заболѣлъ я, Дунюшка! — ласково сказалъ Кузьма, въ надеждѣ услышать отъ нея ласковое слово.

Но Молодая равнодушно, сухо отвѣтила:

— Самоваръ, что ль, поставить?

И даже не спросила, чѣмъ заболѣлъ. Не спросила ничего и объ Иванушкѣ... Кузьма вернулся въ темную комнату и, весь дрожа, со страхомъ соображая, какъ же это и куда онъ будетъ ходить теперь за нуждой, легъ на диванъ... И вечера смѣшались съ ночами, ночи съ днями, счетъ ихъ потерялся.

Въ первую ночь, часа въ три, онъ очнулся и постучалъ въ стѣну кулакомъ, чтобы попросить воды: мучила во снѣ жажда и мысль, выкинули ли снѣгиря. Но на стукъ никто не отозвался. Молодая ушла ночевать въ людскую. И Кузьма вспомнилъ, почувствовалъ, что онъ смертельно боленъ, и его охватила такая тоска, точно онъ очнулся въ склепѣ. Значить, въ прихожей, пахнувшей снѣгомъ, соломой и хомутами, было пусто! Значить, онъ, больной и беспомощный, совсемъ одинъ въ этомъ темномъ ледяномъ домишкѣ, гдѣ тускло свѣтятся окна среди мертвой тишины безконечной зимней ночи и виситъ ненужная клѣтка!

— Господи, спаси и помилуй, Господи, помоги хоть скольконибудь, — зашепталъ онъ, поднимаясь и шаря дрожащими руками по карманамъ.

Онъ хотѣлъ зажечь спичку. Но шопоть его былъ горячечный, въ пылающей головѣ шумѣло и звенѣло, руки, ноги ледянѣли. . . Пріѣхала Клаша, быстро распахнула дверь, положила его голову на подушку, сѣла на стулъ возлѣ дивана. . . Одѣта она была барышней, — бархатная шубка, шапочка и муфта изъ бѣлаго мѣха, — руки ея пахли духами, глаза блестѣли, щеки съ мороза раскраснѣлись. . . «Ахъ, какъ хорошо распуталось все!» — шепталь кто-то, но нехорошо было то, что Клаша почему-то не зажгла огня, что пріѣхала она не къ нему, а на похороны Иванушки. . . что она внезапно басомъ запѣла подъ гитару: «Хазь-Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя». . .

Въ смертельной тоскѣ, отравлявшей душу въ началѣ болѣзни, Кузьма бредилъ снѣгиремъ, Клашей, Воронежемъ, но даже въ бреду не покидала его мысль — сказать кому-то, чтобы хоть въ одномъ сжалились надъ нимъ — не хоронили въ Колодезяхъ. Но, Боже мой, не безуміе ли надѣяться на жалость въ Дурновкѣ! Разъ онъ пришелъ въ себя утромъ, когда топили печку, — и простые, спокойные голоса Кошеля и Молодой показались ему такъ безпощадны, чужды и странны, какъ всегда кажется безпощадна, чужда и странна больнымъ обыденная жизнь здоровыхъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, попросить поставить самоваръ — и онѣмѣлъ: слышался сердитый шопоть Кошеля, говорившаго, конечно, о немъ, о больномъ, и отрывистый отвѣтъ Молодой:

— А, да ну его! Помретъ — похоронятъ. . .

Потомъ свѣтило въ окна, сквозь голыя вѣтви акацій, предвечернее солнце. Синѣлъ табачный дымъ. Возлѣ постели сидѣлъ старичокъ-фельдшеръ, пахну-

щій лѣкарствами и морозной свѣжестью, отдиравшій съ усовъ ледяныя сосульки. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Тихонъ Ильичъ, высокій, сѣдой, строгій, заваривалъ, стоя у стола, душистый чай. Фельдшеръ говорилъ о своихъ коровахъ, цѣнахъ на муку и масло, а Тихонъ Ильичъ рассказывалъ, какъ чудесно, богато хоронили Настасью Петровну, какъ онъ радъ, что нашелся наконецъ покупатель на Дурновку. Кузьма понималъ, что Тихонъ Ильичъ только что изъ города, что Настасья Петровна умерла тамъ внезапно, по дорогѣ на вокзалъ; понималъ, что стоили Тихону Ильичу похороны страшно дорого и что онъ уже взялъ задатокъ за Дурновку — и былъ совершенно равнодушень. . .

Проснувшись однажды очень поздно, чувствуя лишь слабость, онъ сѣлъ за самоваръ. День былъ пасмурный, теплый, наваливало много свѣжаго снѣга. Отпечатывая въ немъ слѣды лаптей, испещренные крестиками, прошелъ подъ окномъ Сѣрый. Вокругъ него, обнюхивая его рваныя полы, бѣжали овчарки. А онъ тянулъ за поводъ высокую грязно-соловую лошадь, безобразную отъ старости и худобы, съ истертыми хомутомъ плечами, съ побитой спиной, съ жидкимъ нечистымъ хвостомъ. Она ковыляла на трехъ ногахъ, четвертую, переломленную ниже колѣна, волочила. И Кузьма вспомнилъ, что третьяго дня былъ Тихонъ Ильичъ и сказалъ, что велѣлъ Сѣрому полакомить овчарокъ, — найти и зарѣзать старую лошадь, что Сѣрый и прежде промышлялъ иногда этимъ дѣломъ — покупкой дохлой или негодной скотины на шкуру. Съ Сѣрымъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ, былъ недавно страшный случай: готовясь рѣзать какую-то ко-

былу, Сѣрый забылъ ее спутать, связалъ и затанулъ на сторону только морду, — и кобыла, какъ только онъ, перекрестившись, ударилъ ее тонкимъ ножичкомъ въ жилу возлѣ ключицы, взвизгнула и, съ визгомъ, съ желтыми, оскаленными отъ боли и ярости зубами, съ бьющей на снѣгъ струей черной крови, кинулась на своего убійцу и долго, какъ человекъ, гонялась за нимъ — и настигла бы, да «спасибо снѣгъ былъ глубокъ»... Кузьму такъ поразилъ этотъ случай, что теперь, заглянувъ въ окно, онъ опять почувствовалъ тяжесть въ ногахъ. Онъ сталъ глотать горячій чай — и понемногу оправился. Покурилъ, посидѣлъ... Наконецъ всталъ, вышелъ въ прихожую и взглянулъ на голый рѣдкій садъ за оттаявшимъ окномъ: въ саду, на бѣлоснѣжномъ покровѣ поляны, краснѣла бокастая кровавая туша съ длинной шеей и ободранной головою; собаки, сгорбившись и упершись лапами въ мясо, жадно вырывали и растягивали кишки; два старыхъ черно-сизыхъ ворона бокомъ подпрыгивали къ головѣ, взлетали, когда собаки, рыча, кидались на нихъ, и опять опускались на дѣвственно-чистый снѣгъ. «Иванушка, Сѣрый, вороны... — подумалъ Кузьма. — Господи, спаси и помилуй, вынеси меня отсюда!»

Недомоганіе не покидало Кузьму еще долго. Грустно и радостно трогала мысль о веснѣ, хотѣлся поскорѣе вонъ изъ Дурновки. Онъ зналъ, что зимѣ еще и конца не предвидится; но оттепели уже начинались. Первая недѣля февраля была темная, туманная. Туманъ скрывалъ поля, съѣдалъ снѣгъ. Деревня чернѣла, между грязными сугробами стояла вода; становой проѣхалъ однажды по деревнѣ гуськомъ, весь закиданный конскимъ пометомъ. Пѣли пѣтухи, изъ venti-

лятора тянуло волнующей весенней сыростью. . . Жить еще хотѣлось — жить, ждать весны, переѣзда въ городъ, жить, покоряясь судьбѣ, и дѣлать какое угодно дѣло, хотя бы за одинъ кусокъ хлѣба. . . И, конечно, у брата, — какой онъ ни есть. Братъ вѣдь уже предлагалъ ему, больному, переселиться на Ворголь.

— Куда жъ мнѣ гнать-то тебя, — сказалъ онъ, подумавъ. — Я и лавку съ дворомъ съ перваго марта передаю, — поѣдемъ-ка, братуша, въ городъ, подальше отъ этихъ живорѣзовъ!

И правда: живорѣзы. Была однодворка и передавала подробности недавней исторіи съ Сѣрымъ. Дениска вернулся изъ Тулы и околичивался безъ дѣла, болтая по деревнѣ, что хочетъ жениться, что у него есть денежки и что скоро заживетъ онъ за первый сортъ. Деревня сперва называла эти рассказы брехнею, потомъ, по намекамъ Дениски, сообразила, въ чемъ дѣло, и повѣрила. Повѣрилъ и Сѣрый и сталъ заискивать въ сынѣ. Но, ободравъ лошадь, получивъ цѣлковый отъ Тихона Ильича и наживъ полтинникъ на шкурѣ, загордѣлъ и загулялъ: пилъ два дня, потерялъ трубку и легъ отлеживаться на печкѣ. Голова болѣла, покурить было не изъ чего. Вотъ онъ и сталъ обдирать на цыгарки потолокъ, который Дениска оклеивалъ газетами и разными картинами. Обдиралъ онъ, конечно, тайкомъ, но разъ таки засталъ его Дениска за этимъ дѣломъ. Засталъ и заоралъ. Сѣрый съ похмелья тоже заоралъ — и Дениска стащилъ его съ печки и билъ смертнымъ боемъ до тѣхъ поръ, покуда не сбѣжались сосѣди. . . Но, думалъ Кузьма, не живорѣзъ ли и Тихонъ Ильичъ, съ упорствомъ сумас-

шедшего настаивавшей на свадьбѣ Молодой съ однимъ изъ этихъ живорѣзовъ!

Услыхавъ объ этой свадьбѣ впервые, Кузьма твердо рѣшилъ, что не допуститъ ея. Какой ужасъ, какая нелѣпость! Потомъ, приходя въ себя во время болѣзни, онъ даже радовался этой нелѣпости. Удивило и поразило его равнодушіе Молодой къ нему, больному. «Звѣрь, дикарь!» — думалъ онъ и, вспоминая о свадьбѣ, злобно прибавлялъ: «И отлично! Такъ ей и надо!» Теперь, послѣ болѣзни, исчезли и рѣшимость и злоба. Какъ-то заговорилъ онъ съ Молодой о намѣреніи Тихона Ильича — и она спокойно отвѣтила:

— Да что жъ, я ужъ балакала съ Тихономъ Ильичемъ объ этомъ дѣлѣ. Дай Богъ ему добраго здоровья, это онъ хорошо придумалъ.

— Хорошо? — изумился Кузьма.

Молодая посмотрѣла на него и покачала головою:

— Да какъ же не хорошо-то? Чудны вы, ей Богу, Кузьма Ильичъ! Денегъ сулитъ, свадьбу беретъ на себя. . . Опять же не вдовца какого-нибудь придумалъ, а малаго молодого, безъ порока. . . не гнилого, не пьяницу. . .

— А лодыря, драчуна, дурака набитаго, — прибавилъ Кузьма.

Молодая потупила глаза, помолчала. Вздохнула и, повернувшись, пошла къ двери.

— Да какъ знаете, — сказала она съ дрожью въ голосѣ. — Дѣло ваше. . . Отговаривайте. . . Богъ съ вами.

Кузьма широко раскрылъ глаза и крикнулъ:

— Стой, да ты съ ума сошла! Развѣ я тебѣ зла желаю?

Молодая обернулась и остановилась.

— А развѣ не зла? — горячо и грубо заговорила она, краснѣя и блестя глазами. — Куда жѣ, по-вашему, мнѣ дѣваться? Вѣкъ чужіе пороги обивать? Чужую корку глотать? Бездомной побирешкой шататься? Ай вдовца, старика искать? Мало я слезъ-то поглотала?

И голосъ ея сорвался. Она заплакала и вышла. Вечеромъ Кузьма убѣдилъ ее, что онъ и не думалъ разстраивать дѣла, и она наконецъ повѣрила, ласково и застѣнчиво усмѣхнулась.

— Ну, спасибо вамъ, — сказала она тѣмъ милымъ тономъ, какимъ говорила съ Иванушкой.

Но и тутъ на рѣсницахъ ея задрожали слезы — и опять развелъ руками Кузьма.

— А теперь-то ты о чемъ? — сказалъ онъ.

И Молодая тихо отвѣтила:

— Да авось и Дениска не радость...

Кошель привезъ съ почты газету почти за полтора мѣсяца. Дни стояли темные, туманные, и Кузьма съ утра до вечера читалъ, сидя у окна. И, кончивъ, ошеломивъ себя числомъ новыхъ казней, оцѣпенѣлъ. Косо неслась бѣлая крупа, падая на черную нищую деревушку, на ухабистыя, грязныя дороги, на конскій навозъ, ледъ и воду; сумеречный туманъ скрывалъ поля...

— Авдотья! — крикнулъ Кузьма, поднимаясь съ мѣста. — Скажи Кошелю — лошадей въ козырьки запречь!

Тихонъ Ильичъ былъ дома. Онъ сидѣлъ за самоваромъ, въ одной ситцевой косовороткѣ, смуглый, съ

бѣлой бородой, съ наступленными сѣрыми бровями, большой и сильный, и заваривалъ чай.

— А! братуша! — привѣтливо воскликнулъ онъ, не раздвигая бровей.— Вылѣзь на свѣтъ Божій? Смотри, не рано ли?

— Ужъ очень соскучился, братъ, — отвѣтилъ Кузьма, цѣлуясь съ нимъ.

— Ну, а соскучился, давай грѣться и балакать...

Разспросивъ другъ друга, нѣтъ ли новостей, стали молча пить чай, потомъ закурили.

— Очень ты похудѣлъ, братуша! — сказалъ Тихонъ Ильичъ, затягиваясь и исподлобья глядя на Кузьму.

— Похудѣешь, — отвѣтилъ Кузьма тихо. — Ты не читаешь газетъ?

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся.

— Брехню-то эту? Нѣтъ, Богъ милуетъ.

— Сколько казней, если бы ты зналъ!

— Казней? Подѣломъ... Ты не слыхалъ, что подъ Ельцомъ-то было? На хуторѣ братьевъ Быковыхъ?.. Помнишь, небось, — картавые-то?.. Сидятъ эти Быковы, не хуже насъ съ тобою, этакъ вечеркомъ, играютъ въ шашки... Вдругъ — что такое? Топотъ на крыльцѣ, крикъ: «Отворяй!» И не успѣли, братецъ ты мой, эти самые Быковы глазомъ моргнуть — вваливается ихній работникъ, мужичишка на манеръ Сѣраго, а за нимъ — два архаровца какіе-то, золоторотцы, короче сказать... И всѣ съ ломами. Подняли ломы, да какъ заорутъ: «Руки вверхъ, мать вашу такъ!» Быковы, конечно, перепугались не на животъ, а на смерть, вскочили, кричатъ: «Да что такое?» А мужичишка свое: вверхъ да вверхъ!

И Тихонъ Ильичъ сумрачно улыбнулся и, задумавшись, смолкъ.

— Да договаривай же, — сказалъ Кузьма.

— Да и договаривать-то нечего. . . Подняли, конечно, руки и спрашиваютъ: «Да что вамъ надо-то?» — «Ветчину подавай! Гдѣ ключи у тебя?» — «Да сукинъ сынъ! Тебѣ ли не знать? Да вотъ они, на притолкѣ на гвоздикѣ висятъ. . .»

— Это съ поднятыми-то руками? — перебилъ Кузьма.

— Конечно, съ поднятыми. . . Ну, да и всыпятъ имъ теперь за эти руки! Удавятъ, конечно. Они ужъ въ острогѣ; голубчики. . .

— Это за ветчину-то удавятъ?

— Нѣтъ, за транду, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе, — полусердито, полушутливо отозвался Тихонъ Ильичъ. — Будетъ тебѣ, ей-Богу, ерепениться-то, Балашкина изъ себя корчитъ! Пора бросать. . .

Кузьма потерябилъ свою сѣренькую бородку. Измученное, худое лицо его, скорбные глаза, косо поднятая лѣвая бровь отражались въ зеркалѣ, и, поглядѣвъ на себя, онъ тихо согласился:

— Ерепениться-то? Вѣрно, что пора. . . давно пора. . .

И Тихонъ Ильичъ перевелъ разговоръ на дѣла. Видимо, онъ и задумался-то давеча, среди разказа, только потому, что вспомнилъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ казни, — какое-то дѣло.

— Вотъ я ужъ сказалъ Денискѣ, чтобы онъ какъ ни можно скорѣе кончалъ эту музыку, — твердо, четко и строго заговорилъ онъ, изъ горсти подсыпая въ чайникъ чаю. — И прошу тебя, братуша, — прими

ты участіе въ ней, въ музыкѣ-то этой. Мнѣ, понимаешь, неловко. А послѣ того перебирайся сюда. Гарно, братуша, будетъ! Разъ мы ужъ порѣшили раскассировать все въ дребезги, сидѣть тебѣ тамъ безъ толку нечего. Только расходы двойные. И, переѣхавши, запрягайся со мной рядомъ. Свалимъ съ плечъ обузу, доберемся, Богъ дастъ, до города, — за ссыпку примемся. Тутъ, въ этой яругѣ, не развернешься. Отрясемъ отъ ногъ прахъ ея, — и хоть въ тартарары провались она. Не погибать же въ ней! У меня, имѣй въ виду, — сказалъ онъ, сдвигая брови, протягивая руки и стискивая кулаки: — у меня еще не вывернешься, мнѣ еще рано на печи-то лежать! Чорту рога сломя!

Кузьма слушалъ, почти со страхомъ глядя въ его остановившіеся, сумасшедшіе глаза, въ его косившій ротъ, хищно чеканившій слова, — слушалъ и молчалъ. Потомъ спросилъ:

— Братъ, скажи ты мнѣ за ради Христа, какая у тебя корысть въ этой свадьбѣ? Не пойму, Богъ свидѣтель, не пойму. Дениску твоего я прямо видѣть не могу. Этотъ новенькій типикъ, новая Русь, почище всѣхъ старыхъ будетъ. Ты не смотри, что онъ стыдливъ, сантименталенъ и дурачкомъ прикидывается, — это такое циничное животное! Рассказываетъ про меня, что я съ Молодой живу. . .

— Ну, ужъ ты ни въ чемъ мѣры не знаешь, — нахмуриваясь, перебилъ Тихонъ Ильичъ. — Самъ же долбишь: несчастный народъ, несчастный народъ! А теперь — животное!

— Да, долблю и буду долбить! — горячо подхватилъ Кузьма. — Но у меня умъ за разумъ зашелъ! Ничего теперь не понимаю: не то несчастный, не то. . .

Да ты послушай: вѣдь ты же самъ его, Дениску-то, ненавидишь! Вы оба ненавидите другъ друга! Онъ про тебя иначе и не говоритъ, какъ «живорѣзь, въ холку народу вѣлся», а ты его живорѣзомъ ругаешь! Онъ нагло хвастается на деревнѣ, что теперь онъ — кумъ королю. . .

— Да знаю я! — опять перебилъ Тихонъ Ильичъ.

— А про Молодую онъ, знаешь, что говоритъ? — продолжалъ Кузьма, не слушая. — У нея, понимаешь, такой нѣжный, бѣлый цвѣтъ лица, а онъ, животное, знаешь, что говоритъ? «Чисто кафельная, сволочь!» Да наконецъ пойми ты одно: вѣдь онъ не будетъ жить въ деревнѣ, его, бродягу, теперь арканомъ въ деревнѣ не удержишь. Какой онъ хозяинъ, какой семьянинъ? Вчера, слышу, идетъ по деревнѣ и поетъ блядскимъ голоскомъ: «Прикрасна, какъ андѣль небесный, какъ деманъ коварна и зла. . .»

— Знаю! — крикнулъ Тихонъ Ильичъ. — Не будетъ жить въ деревнѣ, ни за что не будетъ! Ну, и чортъ съ нимъ! А что онъ не хозяинъ, такъ и мы съ тобой хороши хозяева! Я, помню, объ дѣлѣ тебѣ говорю, — въ трактирѣ-то, помнишь? — а ты перепела слушаешь. . . Да дальше-то, дальше-то что?

— Какъ что? И при чемъ тутъ перепелъ? — спросилъ Кузьма.

Тихонъ Ильичъ побарабанилъ пальцами по столу и строго, раздѣльно отчеканилъ:

— Имѣй въ виду: воду толочь — вода будетъ. Слово мое есть свято во вѣки вѣковъ. Разъ я сказалъ — сдѣлаю. За грѣхъ мой не свѣчку поставлю, а сотворю благое. Хоть и лепту одну подамъ, да за лепту эту попомнить мнѣ Господь.

Кузьма вскочилъ съ мѣста.

— Господь, Господь! — воскликнулъ онъ фальцетомъ. — Какой тамъ Господь у насъ! Какой Господь можетъ быть у Дениски, у Акимки, у Меньшова, у Сѣраго, у тебя, у меня?

— Постой, — сторого спросилъ Тихонъ Ильичъ. — У какого такого Акимки?

— Я вонъ околѣвалъ лежалъ, — продолжалъ Кузьма, не слушая: — много я о Немъ думалъ-то? Одно думалъ: ничего о Немъ не знаю и думать не умѣю! — крикнулъ Кузьма. — Не научень!

И, оглядываясь бѣгающими страдальческими глазами, застегиваясь и разстегиваясь, прошелъ по комнатѣ и остановился передъ самымъ лицомъ Тихона Ильича.

— Запомни, братъ, — сказалъ онъ, и скулы его покраснѣли. — Запомни: наша съ тобой пѣсня свѣта. И никакія свѣчи насъ съ тобой не спасутъ. Слышишь? Мы — дурновцы!

И, не находя словъ отъ волненія, смолкъ. Но Тихонъ Ильичъ уже опять думалъ что-то свое и внезапно согласился:

— Вѣрно. Ни къ чорту негодный народъ! Ты подумай только...

И оживился, увлеченный новой мыслью:

— Ты подумай только: пахутъ цѣлую тысячу лѣтъ, да что я! больше! — а пахать путемъ — то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать! Когда надо сѣять, когда косить! «Какъ люди, такъ и мы» — только и всего. Замѣть! — строго крикнулъ онъ, сдвигая брови, какъ когда-то кри-

чалъ на него Кузьма. — «Какъ люди, такъ и мы!» Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь, — верхняя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой — кислая вода!

И Кузьма опѣшилъ. Мысли его спутались.

«Онъ рехнулся!» — подумалъ онъ, безсмысленными глазами слѣдя за братомъ, зажигающимъ лампу.

А Тихонъ Ильичъ, не давая ему опомниться, съ азартомъ продолжалъ:

— Народъ! Сквернословы, лѣнтяи, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Замѣть, — заоралъ онъ, не видя, что зажженный фитиль полыхаетъ и чуть не до потолка бьетъ копотью, — не намъ, а другъ другу! И всѣ они такіе, всѣ! — закричалъ онъ плачущимъ голосомъ и съ трескомъ надѣлъ стекло на лампу.

За окнами посинѣло. На лужи и сугробы летѣлъ молодой бѣлый снѣгъ. Кузьма смотрѣлъ на него и молчалъ. Разговоръ принялъ такой неожиданный оборотъ, что даже горячность Кузьмы пропала. Не зная, что сказать, не рѣшаясь взглянуть въ бѣшеные глаза брата, онъ сталъ свертывать папиросу.

«Рехнулся, — думалъ онъ безнадежно. — Да туда и дорога. Все равно!»

Закурилъ, сталъ успокаиваться и Тихонъ Ильичъ. Сѣлъ и, глядя на огонь лампы, тихо забормоталъ:

— А ты — «Дениска»... Слышалъ, что Макарь Ивановичъ-то, странникъ-то, надѣлалъ? Поймали, съ дружкой со своимъ, бабу на дорогѣ, оттащили въ караулку въ Ключикахъ — и четыре дня ходили насилывали ее... поочередно. Ну, теперъ въ острогѣ...

— Тихонъ Ильичъ, — ласково сказалъ Кузьма: — что ты городишь? Къ чему? Ты нездоровъ, должно быть. Перескакиваешь съ одного на другое, сейчасъ одно утверждаешь, а черезъ минуту другое. . . Пьешь ты, что ли, много?

Тихонъ Ильичъ промолчалъ. Онъ только махнулъ рукою, и въ глазахъ его, устремленныхъ на огонь, задрожали слезы.

— Пьешь? — тихо повторилъ Кузьма.

— Пью, — тихо отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ. — Да запьешь! Ты думаешь, легко мнѣ досталась эта клѣтка-то золотая? Думаешь, легко было кобелемъ цѣпнымъ всю жизнь прожить, да еще со старухою? Ни къ кому у меня, братуша, жалости не было. . . Ну, да и меня немного жалѣли! Ты думаешь, я не знаю, какъ меня ненавидятъ-то? Ты думаешь, не убили бы меня на смерть лютую, кабы попала имъ, мужичкамъ-то этимъ, шлея подъ хвостъ, какъ слѣдуетъ, — кабы повезло имъ въ этой революціи-то? Погоди, погоди, — будетъ дѣло, будетъ! Зарѣзали мы ихъ!

— А за ветчину — давить? — спросилъ Кузьма.

— Ну, ужъ и давить, — отозвался Тихонъ Ильичъ страдальчески. — Это вѣдь я такъ, къ слову пришлось. . .

— Да вѣдь удавятъ!

— А это — не наше дѣло. Имъ отвѣчать Всевышнему.

И, сдвинувъ брови, задумался, закрылъ глаза.

— Ахъ, — сокрушено сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. — Ахъ, братъ ты мой милый! Скоро, скоро и намъ на судъ передъ престоломъ Его! Читаю я вотъ по вечерамъ требникъ — и плачу, рыдаю надъ этой

самой книгой. Диву даюсь: какъ это можно было слова такія сладкія придумать! Да вотъ, постой. . .

И онъ быстро поднялся, досталъ изъ-за зеркала толстую книжку въ церковномъ переплетѣ, дрожащими руками надѣлъ очки и со слезами въ голосъ, торопливо, какъ бы боясь, что его прервутъ, сталъ читать:

— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду въ пробѣхъ лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безгласну, не имущую вида. . .

— Воистину суета человѣческая, житіе же — снѣнь и соніе. Ибо все мятется всякъ земнородный, яко же рѣче писаніе: егда міръ пріобряземъ, тогда во гробъ вселимся, идѣ же вкупѣ царіе и нищїи. . .

— Царіе и нищїи! — восторженно-грусто повторилъ Тихонъ Ильичъ и закачалъ головою. — Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стряпуха нѣмая, подарилъ я ей, дурѣ, платокъ заграничный, а она взяла да и истаскала его на изнанку. . . Понимаешь? Отъ дури да отъ жадности. Жалко на лицо по буднямъ носить, — праздника, моль, дождусь, — а пришелъ праздникъ — лохмотья одни остались. . . Такъ вотъ и я. . . съ жизнью-то своей. Истинно такъ!

Возвращаясь въ Дурновку, Кузьма чувствовалъ только одно — тупую тоску. Въ тупой тоскѣ прошли и всѣ послѣдніе дни его въ Дурновкѣ.

Шель снѣгъ эти дни, а снѣгу только и ждали въ дворѣ Сѣраго, чтобы дорога поправилась къ свадьбѣ.

Двѣнадцатаго февраля, передъ вечеромъ, въ сумракѣ холодной прихожей произошелъ негромкій разговоръ. У печки стояла Молодая, надвинувъ на лобъ

желтый съ чернымъ горошкомъ платокъ, глядя на свои лапти. У дверей — коротконогий Дениска, безъ шапки, въ тяжелой, съ обвислыми плечами поддевкѣ. Онъ тоже смотрѣлъ внизъ, на полусапожки съ подковками, которые вертѣлъ въ рукахъ. Полусапожки принадлежали Молодой. Дениска починилъ ихъ и пришелъ получить пятакъ за работу.

— Да у меня нѣту, — говорила Молодая. — А Кузьма Ильичъ никакъ заснулъ. Ты подожди до завтра-то.

— Мнѣ, былъ, ждатель-то нельзя, — пѣвуче и задумчиво отвѣтилъ Дениска, ковыряя ногтемъ подковку.

— Ну, какъ же теперь быть?

Дениска подумалъ, вздохнулъ и, тряхнувъ своими густыми волосами, вдругъ поднялъ голову.

— Ну, что-жъ языкъ-то даромъ трепать, — громко и рѣшительно сказалъ онъ, не глядя на Молодую и пересиливая застѣнчивость. — Говорилъ съ тобой Тихонъ Ильичъ?

— Говорилъ, — отвѣтила Молодая. — Надоѣлъ даже.

— Такъ я приду сейчасъ съ отцомъ. Все равно ему, Кузьмѣ-то Ильичу, вставать сейчасъ, чай пить. . .

Молодая подумала.

— Дѣло твое. . .

Дениска поставилъ полусапожки на подоконникъ и, не напоминая больше о деньгахъ, ушелъ. А черезъ полчаса на крыльцѣ послышался стукъ обиваемыхъ отъ снѣга лаптей: Дениска вернулся съ Сѣрымъ — и Сѣрый былъ зачѣмъ-то подпоясанъ по чекменю, по кострецамъ красной подпояской. Кузьма вышелъ къ нимъ. Дениска и Сѣрый долго крестились въ темный

уголь, потомъ трягнули волосами и подняли лица.

— Свать, не свать, а добрый человекъ! — не спѣша началъ Сѣрый необычно-развязнымъ и ладнымъ тономъ. — Тебѣ нареченную дочь отдавать, мнѣ сына женить. По доброму согласію, на ихнее счастье давай рѣчь промежь себя держать.

И степенно, низко поклонился.

Сдерживая болѣзненную улыбку, Кузьма велѣлъ кликнуть Молодую.

— Бѣги, ищи, — шопотомъ, какъ въ церкви, приказалъ Сѣрый Денискѣ.

— Да я тутъ, — сказала Молодая, выходя изъ-за двери, отъ печки, и поклонилась Сѣрому.

Наступило молчаніе. Самоваръ, стоявшій на полу и краснѣвшій въ темнотѣ решеткой, кипѣлъ и клоко-талъ. Лицъ не было видно.

— Ну, какъ же, дочка, рѣшай, — усмѣхаясь, сказалъ Кузьма.

Молодая подумала.

— Я малаго не корю. . .

— А ты, Денисъ?

Дениска тоже помолчалъ.

— Что-жъ, жениться все равно когда-нибудь надо. . . Може, Богъ дастъ, ничего. . .

И сваты поздравили другъ друга съ начатіемъ дѣла. Самоваръ унесли въ людскую. Однодворка, раньше всѣхъ узнавшая новость и прибѣжавшая съ Мыса, зажгла въ людской лампочку, послала Кошеля за водкой и подсолнухами, посадила невѣсту съ женихомъ подъ икону, налила имъ чаю, сама сѣла рядомъ съ Сѣрымъ и, чтобы нарушить неловкость, высоко и

рѣзко запѣла, поглядывая на Дениску, на его земли-
стое лицо и большія рѣсницы:

Какъ у насъ да по садику,
Зеленомъ виноградику,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Пригожъ, бѣль-бѣлешенекъ. . .

На другой день всякій, кто слышалъ отъ Сѣраго
объ этомъ пирѣ, ухмылялся и совѣтовалъ: «Ты бы
хоть немножко-то помогъ молодымъ!» То же сказалъ
и Кошель: «Дѣло ихъ молодое, молодымъ помогать
надо.» Сѣрый молча ушелъ домой и принесъ Моло-
дой, которая гладила въ прихожей, два чугуника и
мотокъ черныхъ нитокъ.

— Вотъ, невѣстушка, — сказалъ онъ смущенно:
— на, свекровь прислала. Можетъ, на что годит-
ся. . . Нѣту вѣдь ничего, — кабы было что, изъ руба-
хи выскочилъ бы. . .

Молодая поклонилась и поблагодарила. Она гла-
дила гардину, присланную Тихономъ Ильичемъ «за-
мѣсто фаты», и глаза ея были влажны и красны. Сѣ-
рый хотѣлъ утѣшить, сказалъ, что и ему «не медъ»,
но помялся, вздохнулъ и, поставивъ чугуники на по-
доконникъ, вышелъ.

— Нитки-то я въ чугуничекъ положилъ, — пробормо-
талъ онъ.

— Спасибо, батюшка, — еще разъ поблагодарила
Молодая тѣмъ ласковымъ и особеннымъ тономъ, ка-
кимъ говорила только съ Иванушкой, и, какъ только
вышелъ Сѣрый, неожиданно улыбнулась слабой на-
смѣшливой улыбкой и запѣла: «Какъ у насъ да по
садику». . .

Кузьма высунулся изъ зала и строго посмотрѣлъ на нее поверхъ пенснэ. Она смолкла.

— Слушай, — сказалъ Кузьма. — Можетъ, кинуть всю эту исторію?

— Теперь поздно, — негромко отвѣтила Молодая. — Ужъ и такъ страму не оберешься... Ай не знаютъ всѣ, на чьи деньги пировать-то будемъ? Да и расходъ ужъ начали...

Кузьма пожалъ плечами. Правда, вмѣстѣ съ гардиной, Тихонъ Ильичъ прислалъ двадцать пять рублей, мѣшокъ крупчатой муки, пшена и худую свинью... Но не пропадать же изъ-за того, что свинью эту зарѣзали!

— Охъ, — сказалъ Кузьма. — Измучили вы меня! «Срамъ, расходъ»... Да ай ты дешевле свиньи?

— Дешевле, не дешевле, — мертвыхъ съ погоста не носятъ, — просто и твердо отвѣтила Молодая и, вздохнувъ, аккуратно сложила выглаженную, теплую гардину. — Обѣдать-то сейчасъ будете?

Лицо ея стало спокойно. «Ну, шабашъ, — тутъ пива не сваришь!» — подумалъ Кузьма и сказалъ:

— Ну, какъ знаешь, такъ и краешь...

Пообѣдавъ, онъ курилъ и смотрѣлъ въ окно. Темнѣло. Въ людской, онъ зналъ, уже спекли ржаную витушку — «ряженный пирогъ». Готовились варить два чугуна студня, чугуны лапши, чугуны щей, чугуны каши — все съ убиной. И Сѣрый хлопоталъ на снѣжномъ бугрѣ между амбарами и сараемъ. На бугрѣ, въ синеватыхъ сумеркахъ, оранжевымъ пламенемъ пылала солома, которой завалили убитую свинью. Вокругъ пламени, поджидая добычи, сидѣли овчарки, и бѣлыя морды ихъ, груди были шелковисто-розовы.

Сѣрый, утопая въ снѣгу, бѣгалъ, поправляя костеръ, замахивался на овчарокъ. Полы зипуна онъ развернулъ и поднялъ, заткнулъ за поясъ, шапку все сдвигалъ на затылокъ кистью правой руки, въ которой блестѣлъ ножъ. Бѣгло и ярко озаряемый то съ той, то съ другой стороны, Сѣрый кидалъ на снѣгъ большую пляшущую тѣнь, — тѣнь язычника. Потомъ мимо амбара, по тропинкѣ, на деревню, пробѣжала и скрылась подъ снѣжнымъ бугромъ Однодворка — созывать игриць и просить у Домашки елку, сберегаемую въ погребѣ, переходившую съ дѣвишника на дѣвишникъ. А когда Кузьма, причесавшись и перемѣнивъ пиджакъ съ продранными локтями на завѣтный длиннополый сюртукъ, одѣлся и вышелъ на поблѣвшее отъ падающаго снѣга крыльцо, въ мягкой сѣрой темнотѣ, у освѣщенныхъ оконъ людской, уже чернѣла большая толпа дѣвокъ, ребятъ, мальчишекъ, стоялъ гамъ, говоръ, играли сразу на трехъ гармоникахъ и все разное. Кузьма, горбясь, перебирая пальцы и хрустя ими, дошелъ до толпы, протолкался и, нагнувшись, вошелъ въ темъ, въ сѣни. Было людно, тѣсно и въ сѣняхъ. Мальчишки шныряли между ногъ, ихъ хватили за шеи и выталкивали вонъ, — они снова лѣзли. . .

— Да пустите, ради Бога! — сказалъ Кузьма, сдавленный у дверей.

Его сдавили еще больше — и кто-то рванулъ дверь. Въ клубахъ пара онъ перешагнулъ порогъ и остановился у притолки. Тутъ тѣснился народъ почище — дѣвки въ цвѣтныхъ шаляхъ, ребята во всемъ новомъ. Пахло краснымъ товаромъ, полушубками, керосиномъ, махоркой, хвоей. Маленькое зеленое деревцо, убранное

кумачными лоскутами, стояло на столѣ, простирая вѣтки надъ тусклой жестяной лампочкой. Вокругъ стола, подъ мокрыми, оттаявшими окошечками, у черныхъ сырыхъ стѣнъ, сидѣли наряженные игрицы, грубо на-румяненные и набѣленные, съ блестящими глазами, всѣ въ шелковыхъ и шерстяныхъ платочкахъ, съ радужными вьющимися перьями изъ хвоста селезня, заткнутыми на вискахъ въ волосы. Какъ-разъ когда Кузьма вошелъ, Домашка, хромая дѣвка съ темнымъ, злымъ и умнымъ лицомъ, съ черными острыми глазами и черными сросшимися бровями, затянула грубымъ и сильнымъ голосомъ старинную величальную пѣсню:

Какъ у насъ при вечеру-вечеру,
При послѣднемъ концу вечера,
При Авдотьиномъ дѣвишнику...

Дѣвки дружнымъ и нестройнымъ хоромъ подхватили ея послѣднія слова — и всѣ обернулись къ невѣстѣ: она сидѣла, по обычаю, возлѣ печки, неубранная, съ головой накрытая темной шалью, и должна была отвѣтить пѣснѣ громкимъ плачемъ и причитаніями: «Родный мой батюшка, родимая матушка, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать, замужемъ горе горевать?» Но невѣста молчала. И дѣвки, кончивъ пѣсню, недовольно покосились на нее. Потомъ пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запѣли «сиротскую»:

Растопися, банюшка,
Ты ударь, звонкій колоколь!

И у Кузьмы задрожали крѣпко сжатая челюсти, пошелъ морозъ по головѣ и по голенямъ, сладостно заломило скулы и глаза налились, помутнились слезами.

Невѣста завернулась въ шаль и вдругъ вся затряслась отъ рыданій.

— Будя, дѣвки! — крикнулъ кто-то.

Но дѣвки не слушали:

Ты ударь, звонкій колоколь,
Разбуди мово батюшку...

И невѣста со стономъ стала падать лицомъ на свои колѣни, на руки, захлебываясь отъ слезъ... Дрожащую, шатающуюся, ее увели наконецъ въ холодную половину избы — наряжать.

А потомъ Кузьма благословилъ ее. Женихъ пришелъ съ Васькой, сыномъ Якова. Женихъ надѣлъ его сапоги; волосы жениха были подстрижены, шея, окаймленная воротомъ голубой рубахи съ кружевомъ, докрасна выбрита. Онъ умылся съ мыломъ и очень помолодѣлъ, былъ даже недурень и, зная это, степенно и скромно опускалъ темныя рѣсницы. Васька, дружокъ, въ красной рубахѣ, въ романовскомъ полушубкѣ нараспашку, войдя, строго покосился на игрицы.

— Будя драть-то! — грубо сказалъ онъ и прибавилъ то, что полагалось по обряду: — Вылязайте, вылязайте.

Игрицы хоромъ отвѣтили:

— Безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ — изба не кроется. Положь по рублю на каждомъ углу, пятый — по середкѣ да бутылку водки.

Васька вытащилъ изъ кармана полштофъ и поставилъ его на столъ. Дѣвки взяли — и поднялись. Стало еще тѣснѣе. Опять распахнулась дверь, опять понесло паромъ и холодомъ — вошла, расталкивая народъ, Однодворка съ фольговой иконкой, а за ней не-

вѣста, въ голубомъ платѣ съ баской, и всѣ ахнули: такъ была она блѣдна, спокойна и красива. Васька наотмашь далъ затрещину въ лобъ широкоплечему, головастому мальчишкѣ на кривыхъ, какъ у такса, ногахъ — и кинулъ на солому посреди избы чей-то старый полушубокъ. На него стали женихъ и невѣста. Кузьма, не поднимая головы, взялъ икону изъ рукъ Однодворки — и стало такъ тихо, что слышно было свистящее дыханіе любопытнаго головастаго мальчишки. Женихъ и невѣста разомъ упали на колѣни и поклонились въ ноги Кузьмѣ. Поднялись и опять упали. Кузьма взглянулъ на невѣсту, и въ глазахъ ихъ, встрѣтившихся на мгновеніе, мелькнулъ ужасъ. Кузьма поблѣднѣлъ и съ ужасомъ подумалъ: «Сейчасъ брошу образъ на полъ. . .» Но руки его невольно сдѣлали иконой крестъ въ воздухъ — и Молодая, чуть приложившись къ ней, поймала губами его руку. Онъ сунулъ икону кому-то въ сторону, схватилъ голову Молодой съ отцовской болью и нѣжностью и, цѣлуя новый пахучій платокъ, горько заплакалъ. Потомъ, ничего не видя отъ слезъ, повернулся и, расталкивая народъ, шагнулъ въ сѣни. Снѣжный вѣтеръ ударилъ ему въ лицо. Занесенный порогъ блѣлъ въ темнотѣ, крыша гудѣла. А за порогомъ несла непроглядная вьюга, и свѣтъ, падавшій изъ окошечекъ, изъ толщи снѣжной завалинки, стоялъ дымными столбами. . .

Вьюга не стихла и утромъ. Въ сѣрой несущейся мутти не было видно ни Дурновки, ни мельницы на Мысу. Порой свѣтлѣло, порой становилось похоже на сумерки. Садъ поблѣлѣлъ, гулъ его сливался съ гуломъ вѣтра, въ которомъ все чудился дальній колокольный звонъ. Острые хребты сугробовъ дымились. Съ крыль-

ца, на которомъ, жмурясь, обоняя сквозь свѣжесть вьюги теплый вкусный запахъ изъ трубы людской, сидѣли облѣпленные снѣгомъ овчарки, съ грудомъ различалъ Кузьма темныя, туманныя фигуры мужиковъ, лошадей, сани, позвякиванье колокольцовъ. Подъ жениха запрягли пару, подъ невѣсту одиночку. Сани покрыли казанскими войлоками съ черными разводами на концахъ. Поѣзжане подпоясались разноцвѣтными подпоясками. Бабы надѣли ватныя шубки, накрылись шалями, шли къ санямъ опасливо, мелкими шажками, церемонно приговаривая: «Батюшки, свѣту Божьяго не видно!..» На невѣстѣ и шубку и голубое платье завернули на голову — она сѣла въ сани прямо на бѣлую юбку. Голова ея, убранная вѣнкомъ бумажныхъ цвѣтовъ, была закутана шалями, подшальниками. Она такъ ослабѣла отъ слезъ, что какъ во снѣ видѣла темныя фигуры среди вьюги, слышала шумъ ея, говоръ, праздничный звонъ колокольцовъ. Лошади прижимали уши, воротили морды отъ снѣжнаго вѣтра, вѣтеръ разносилъ говоръ, крикъ, слѣпилъ глаза, бѣлилъ усы, бороды, шапки, и поѣзжане съ трудомъ узнавали другъ друга въ туманѣ и сумракѣ.

— Ухъ, мать твою не замать! — бормоталъ Васька, нагибая голову, беря вожжи и садясь рядомъ съ женихомъ.

И грубо, равнодушно крикнулъ на вѣтеръ:

— Господа бояре, бословите жениха по невѣсту ѣхать!

Кто-то отозвался:

— Богъ бословить...

И бубенцы заныли, полозья заскрипѣли, сугробы,

разрываемые ими, задымились, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло въ сторону. . .

А на селѣ, въ церковной сторожкѣ, гдѣ отогрѣвались въ ожиданіи священника, всѣ угорѣли. Угарно было и въ церкви, угарно, холодно и сумрачно — отъ вьюги, низкихъ сводовъ и рѣшетокъ въ окошечкахъ. Свѣчи горѣли только въ рукахъ жениха и невесты да въ рукѣ чернаго, съ большими лопатками священника, наклонявшагося къ книгѣ, закапанной воскомъ и быстро читавшаго сквозь очки. По полу стояли лужи — на сапогахъ и лаптяхъ натаскали много снѣгу, — въ спины дулъ вѣтеръ изъ отворяемыхъ дверей. Священникъ строго поглядывалъ то на двери, то на жениха съ невестой, на ихъ напряженные, ко всему готовые фигуры, на лица, застывшія въ покорности и смиреніи, золотисто освѣщенные снизу свѣчами. По привычкѣ, онъ произносилъ нѣкоторыя слова какъ бы съ чувствомъ, выдѣляя ихъ съ трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словахъ, ни о тѣхъ, къ кому они относились.

«Боже пречистый и всея твари содѣтелю. . . — говорилъ онъ торопливо, то понижая, то повышая голосъ. — Иже раба твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Саррина. . . иже Исаака Ревекцѣ даровавый. . . Иакова Рахили сочетавый. . . подаждь рабомъ Твоимъ симъ. . .»

— Имя? — строгимъ шопотомъ, не мѣняя выраженія лица, перебивалъ онъ самого себя, обращаясь къ псаломщику. И, поймавъ отвѣтъ: «Денисъ, Авдотья. . .» — продолжалъ съ чувствомъ:

«Подаждь рабомъ Твоимъ симъ Денису и Евдокии животъ миренъ, долгоденствіе, цѣломудріе. . . сподоби

я видѣть чада чадовъ. . . и даждь има отъ росы небес-
ная свыше. . . исполни дома ихъ пшеницы, вина и
елея. . . возвыси я яко кедры ливанскіе. . .»

Но окружающіе, если бы даже слушали и понимали
его, все же помнили бы о домѣ Сѣраго, а не Авраама и
Исаака, о Денискѣ, а не о кедрѣ ливанскомъ. Ему же
самому, коротконогому, въ чужихъ сапогахъ, въ чу-
жой поддевкѣ, было неловко и страшно держать на
неподвижной головѣ царскій вѣнецъ — мѣдный огром-
ный вѣнецъ съ крестомъ наверху, надѣтый глубоко, на
уши. И рука Молодой, казавшейся въ вѣнцѣ еще кра-
сивѣй и мертвѣе, дрожала, и воскъ тающей свѣчи ка-
палъ на оборки ея голубого платья. . .

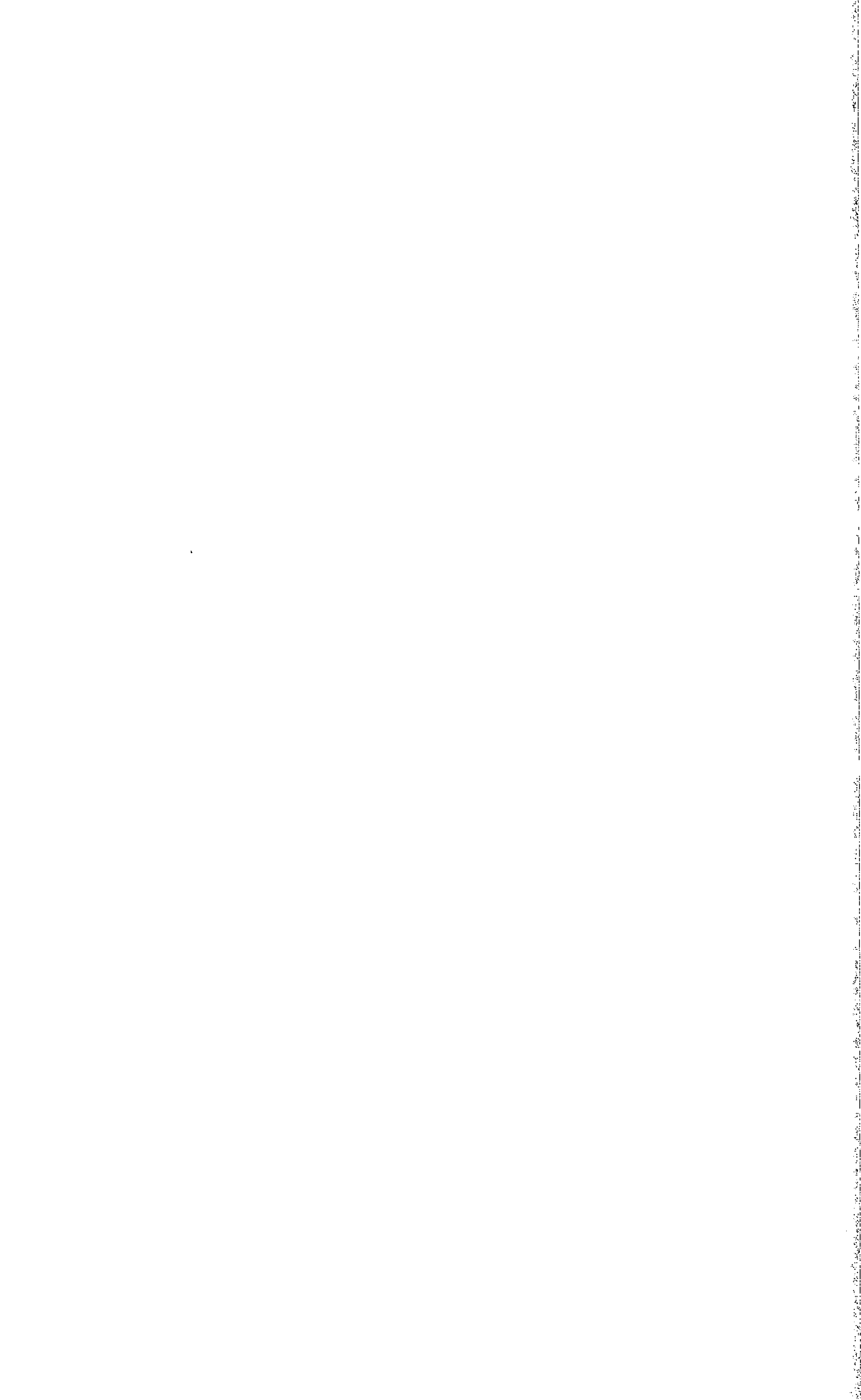
Вьюга въ сумеркахъ была еще страшнѣе. И домой
гнали лошадей особенно шибко, и горластая жена
Ваньки Краснаго стояла въ переднихъ саняхъ, пляса-
ла какъ шаманъ, махала платочкомъ и орала на вѣ-
теръ, въ буйную темную муть, въ снѣгъ, летѣвшій ей
въ губы и заглушавшій ея волчій голосъ:

У голубя, у сизого
Золотая голова. . .

Москва.

1909 — 1910

СУХОДОЛЬ

СУХОДОЛЬ

I.

Въ Натальѣ всегда поражала насъ ея привязанность къ Суходолу.

Молочная сестра нашего отца, выросшая съ нимъ въ одномъ домѣ, цѣлыхъ восемь лѣтъ прожила она у насъ въ Луневѣ, прожила какъ родная, а не какъ бывшая раба, простая дворовая. И цѣлыхъ восемь лѣтъ отдыхала, по ея же собственнымъ словамъ, отъ Суходола, отъ того, что заставилъ онъ ее выстрадать. Но недаромъ говорится, что, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ: выходявъ, вырастивъ насъ, снова воротилась она въ Суходоль.

Помню отрывки нашихъ дѣтскихъ разговоровъ съ нею:

— Ты вѣдь сирота, Наталья?

— Сирота-съ. Вся въ господъ своихъ. Бабушка-то ваша Анна Григорьевна куда какъ рано ручки бѣлыя сложила! Не хуже моего батюшки съ матушкой.

— А они отчего рано померли?

— Смерть пришла, вотъ и померли-съ.

— Нѣтъ, отчего рано?

— Такъ Богъ далъ. Батюшку господа въ солдаты отдали за провинности, матушка вѣку не дожила изъ-

за индюшатъ господскихъ. Я-то, конечно, не помнюсь, гдѣ мнѣ, а на дворнѣ сказывали: была она птишницей, индюшатъ подъ ея начальствомъ было нѣсть числа, захватилъ ихъ градъ на выгонѣ и заporоль всѣхъ до одинаго. . . Кинулась бѣчь она, добѣжала, глянула — да и духъ вонъ выскочилъ.

— А отчего ты замужъ не пошла?

— Да женихъ не выросъ еще.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Да говорятъ, будто госпожа, ваша тетенька, заказывала. За то-то и меня, грѣшную, барышней славили.

— Ну-у, какая же ты барышня!

— Въ акуратъ-съ барышня! — отвѣчала Наталья съ тонкой усмѣшкой, морщившей ея губы, и обтирала ихъ темной старушечьей рукой. — Я вѣдь молочная Аркадь Петровичу, тетенька вторая ваша. . .

Подрастая, все внимательнѣе прислушивались мы къ тому, что говорилось въ нашемъ домѣ о Суходолѣ: все понятнѣе становилось непонятное прежде, все рѣзче выступали странныя особенности суходольской жизни. Мы ли не чувствовали, что Наталья, поль-вѣрка своего прожившая съ нашимъ отцомъ почти одинаковой жизнью, — истинно родная намъ, столбовымъ господамъ Хрущевымъ! И вотъ оказывается, что господа эти загнали отца ея въ солдаты, а мать въ такой трепеть, что у нея сердце разорвалось при видѣ погибшихъ индюшатъ!

— Да и правда, — говорила Наталья, — какъ было не пасть завертво отъ такой оказіи? Господа за Можай ее загнали бы!

А потомъ узнали мы о Суходолѣ вещи еще болѣе странныя: узнали, что проще, добрѣй суходольскихъ господъ «во всей вселенной не было», но узнали и то, что не было и «горячѣе» ихъ; узнали, что темень и сумраченъ былъ старый суходольскій домъ, что сумасшедшій дѣдъ нашъ Петръ Кириллычъ былъ убитъ въ этомъ домѣ незаконнымъ сыномъ своимъ, Герваськой, другомъ отца нашего и двоюроднымъ братомъ Натальи; узнали, что давно сошла съ ума — отъ несчастной любви — и тетя Тоня, жившая въ одной изъ старыхъ дворовыхъ избъ возлѣ оскудѣвшей суходольской усадьбы и восторженно игравшая на гудящемъ и звенящемъ отъ старости фортепiano экоссесы; узнали, что сходила съ ума и Наталья, что еще дѣвчонкой на всю жизнь полюбила она покойнаго дядю Петра Петровича, а онъ сослалъ ее въ ссылку, на хуторъ Сошки... Наши страстные мечты о Суходолѣ были понятны. Для насъ Суходолъ былъ только поэтическимъ памятникомъ былого. А для Натальи? Вѣдь это она, какъ бы отвѣчая на какую-то свою думу, съ великой горечью сказала однажды:

— Что жъ! Въ Суходолѣ съ татарками за столъ сажались! Вспомнить даже страшно.

— То есть съ арапниками? — спросили мы.

— Да это все едино-съ, — сказала она.

— А зачѣмъ?

— А на случай ссоры-съ.

— Въ Суходолѣ всѣ ссорились?

— Борони Богъ! Дня не проходило безъ войны! Горячіе всѣ были — чистый порохъ.

Мы-то мѣли при ея словахъ и восторженно переглядывались: долго представлялся намъ потомъ ог-

ромный садъ, огромная усадьба, домъ съ дубовыми бревенчатыми стѣнами подъ тяжелой и черной отъ времени соломенной крышей — и обѣдъ въ залѣ этого дома: всѣ сидятъ за столомъ, всѣ ѣдятъ, бросая кости на полъ, охотничьимъ собакамъ, косятся другъ на друга — и у cadaго арапникъ на колѣняхъ: мы мечтали о томъ золотомъ времени, когда мы вырастемъ и тоже будемъ обѣдать съ арапниками на колѣняхъ. Но вѣдь хорошо понимали мы, что не Наталья доставляли радость эти арапники. И все же ушла она изъ Лунева въ Суходоль, къ источнику своихъ темныхъ воспоминаній. Ни своего угла ни близкихъ родныхъ не было у ней тамъ; и служила она теперь въ Суходоль уже не прежней госпожѣ своей, не тетѣ Тонѣ, а вдовѣ покойнаго Петра Петровича, Клавдіѣ Марковнѣ. Да вотъ безъ усадьбы-то этой и не могла жить Наталья.

— Что дѣлать-съ: привычка, — скромно говорила она. — Ужъ куда иголка, туда, видно, и нитка. Гдѣ родился, тамъ годился. . .

И не одна она страдала привязанностью къ Суходолу. Боже, какими страстными любителями воспоминаній, какими горячими приверженцами Суходола были и всѣ прочіе Суходольцы!

Въ нищетѣ, въ избѣ обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человѣческаго лишилъ ее Суходоль. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на всѣ уговоры нашего отца, покинуть родное гнѣздо, поселиться въ Луневѣ:

— Да лучше камень въ горѣ бить!

Отецъ былъ беззаботный человѣкъ; для него, казалось, не существовало никакихъ привязанностей.

Но глубокая грусть слышалась и въ его разказахъ о Суходолѣ. Уже давнымъ-давно выселился онъ изъ Суходола въ Лунево, полевое помѣстье бабки нашей Ольги Кирилловны. Но жаловался чуть не до самой кончины своей:

— Одинъ, одинъ Хрущевъ остался теперь въ свѣтъ. Да и тотъ не въ Суходолѣ!

Правда, нерѣдко случалось и то, что, вслѣдъ за такими словами, задумывался онъ, глядя въ окна, въ поле, и вдругъ насмѣшливо улыбался, снимая со стѣны гитару:

— А и Суходолъ хорошъ, пропади онъ пропадомъ! — прибавлялъ онъ съ тою же искренностью, съ какой говорилъ и за минуту передъ тѣмъ.

Но душа-то и въ немъ, была суходольская, мужицкая, — душа, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворню, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы, Хрущевы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ предковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови да татарскихъ князьковъ. Но вѣдь кровь Хрущевыхъ мѣшалась съ кровью дворни и деревни споконъ вѣку. Кто далъ жизнь Петру Кириллычу? Разно говорятъ о томъ преданія. Кто былъ родителемъ Герваськи, убійцы его? Съ раннихъ лѣтъ мы слышали, что Петръ Кириллычъ. Откуда истекало столь рѣзкое несходство въ характерахъ отца и дяди? Объ этомъ тоже разно говорятъ. Молочной же сестрой отца была Наталья, съ Герваськой онъ крестами мѣнялся. . . Давно, давно по-

ра Хрущевымъ посчитаться родней съ своей дворней и деревней!

Въ тяготѣннѣи къ Суходолу, въ обольщеніи его стариною долго жили и мы съ сестрой. Дворня, деревня и домъ въ Суходолѣ составляли одну семью. Правильно этой семьей еще наши пращуры. А вѣдь и въ потомствѣ это долго чувствуется. Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вотъ еще преданіями, прошлымъ и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходолъ не богаче любого улуса въ башкирской степи. Ихъ на Руси замѣняетъ преданіе. А преданіе да пѣсня — отравы для славянской души! Бывшіе наши дворовые, страстные лѣнтяи, мечтатели, — гдѣ они могли отвести душу, какъ не въ нашемъ домѣ? Единственнымъ представителемъ суходольскихъ господъ оставался нашъ отецъ. И первый языкъ, на которомъ мы заговорили, былъ суходольскій. Первые повѣствованія, первыя пѣсни, тронувшія насъ, — тоже суходольскія, Натальины, отцовы. Да и могъ ли кто-нибудь пѣть такъ, какъ отецъ, ученикъ дворовыхъ, — съ такой беззаботной печалью, съ такимъ ласковымъ укоромъ, съ такой слабОВОЛЬНОЙ задушевностью про «вѣрную-манерную сударушку свою»? Могъ ли кто-нибудь рассказывать такъ, какъ Наталья? И кто былъ роднѣе намъ суходольскихъ мужиковъ?

Распри, ссоры — вотъ чѣмъ споконъ вѣку славились Хрущевы, какъ и всякая долго и тѣсно живущая въ единеніи семья. А во времена нашего дѣтства случилась такая ссора между Суходоломъ и Луневымъ, что чуть не десять лѣтъ не переступала нога отца родного порога. Такъ путемъ и не видали мы въ дѣтствѣ

Суходола: были тамъ только разъ, да и то проѣздомъ въ Задонскъ. Но вѣдь сны порой сильнѣе всякой яви. И, смутно, но неизгладимо запомнили мы лѣтній долгій день, какія-то волнистыя поля и заглохшую большую дорогу, очаровавшую насъ своимъ просторомъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшими дуплистыми ветлами; запомнили улей на одной изъ такихъ ветель, далеко отошедшей съ дороги въ хлѣба, — улей, оставленный на волю Божью, въ поляхъ, при заглохшей дорогѣ; запомнили широкій поворотъ подъ изволокомъ, громадный голый выгонъ, на который глядѣли бѣдныя курныя избы, и желтизну каменистыхъ овраговъ за избами, бѣлизну голышей и щебня по ихъ днищамъ. . . Первое событіе, ужаснувшее насъ, тоже было суходольское: убійство дѣдушки Герваськой. И, слушая повѣствованія объ этомъ убійствѣ, безъ конца грезили мы этими желтыми, куда-то уходящими оврагами: все казалось, что помимъ-то и бѣжалъ Герваська, сдѣлавъ свое страшное дѣло и «канувъ какъ ключъ на дно моря».

Мужики суходольскіе навѣщали Лунево не съ тѣми цѣлями, что дворовые, а насчетъ земельки больше; но и они какъ въ родной входили въ нашъ домъ. Они кланялись отцу въ поясъ, цѣловали его руку, затѣмъ, тряхнувъ волосами, троекратно цѣловались и съ нимъ, и съ Натальей, и съ нами въ губы. Они привозили въ подарокъ медъ, яйца, полотенца. И мы, выросшіе въ полѣ, чуткіе къ запахамъ, жадные до нихъ не менѣе, чѣмъ до пѣсенъ, преданій, навсегда запомнили тотъ особый, пріятный, конопляный какой-то запахъ, что ощущали, цѣлуясь съ суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли ихъ подарки: медъ — цвѣтущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, по-

лотенца — пуньками, курными избами время дѣдушки. . . Мужики суходольскіе ничего не рассказывали. Да что имъ и рассказывать-то было! У нихъ даже и преданій не существовало. Ихъ могилы безыменны. А жизни такъ похожи другъ на друга, такъ скудны и безслѣдны! Ибо плодами трудовъ и заботъ ихъ былъ лишь хлѣбъ, самый настоящій хлѣбъ, что съдается. Копали они пруды въ каменистомъ ложѣ давно изсякнувшей рѣчки Каменки. Но пруды вѣдь ненадежны — высыхаютъ. Строили они жилища. Но жилища ихъ не долговѣчны: при малѣйшей искрѣ до тла сгораютъ они. . . Такъ что же тянуло насъ всѣхъ даже къ голому выгону, къ избамъ и оврагамъ, къ разоренной усадьбѣ Суходола?

II.

Въ усадьбу, породившую душу Натальи, владѣвшую всей ея жизнью, въ усадьбу, о которой такъ много слышали мы, довелось намъ попасть уже въ позднемъ отрочествѣ.

Помню такъ, точно вчера это было. Разразился ливень съ оглушительными громовыми ударами и ослѣпительно-быстрыми, огненными змѣями молній, когда мы подвѣчеръ подвѣзжали къ Суходолу. Черно-лиловая туча тяжело свалилась къ сѣверу-западу, величаво заступила полъ-неба напротивъ. Плоско, четко и мертвенно-блѣдно зеленѣла равнина хлѣбовъ подъ ея огромнымъ фономъ, ярка и необыкновенно свѣжа была мелкая мокрая трава на большой дорогѣ. Мокрая,

точно сразу поху́дѣвшія лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантасъ влажно шуршалъ... И вдругъ, у самага поворота въ Суходоль, увидали мы въ высокихъ мокрыхъ ржахъ высокую и престранную фигуру въ халатѣ и шлыкѣ, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пѣгую комолую корову. При нашемъ приближеніи хворостина заработала сильнѣе, и корова неуклюже, крутя хвостомъ, выбѣжала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась къ тарантасу и, подойдя, потянулась къ намъ блѣднымъ лицомъ. Со страхомъ глядя въ черные безумные глаза, чувствуя прикосновеніе остраго холоднаго носа и крѣпкій запахъ избы, поцѣловались мы съ подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга? Но высокій шлыкъ изъ какой-то грязной тряпки торчалъ на головѣ Бабы-Яги, на голое тѣло ея былъ надѣтъ рваный и по поясъ мокрый халатъ, не закрывавшій тощихъ грудей. И кричала она такъ, точно мы были глухіе, точно съ цѣлью затѣять яростную брань. И по крику мы поняли: это тетя Тоня.

Закричала, но весело, институтски-восторженно и Клавдія Марковна, толстая, маленькая, съ сѣденькой бородкой, съ необыкновенно живыми глазками, сидѣвшая у открытаго окна въ домѣ съ двумя большими крыльцами, вязавшая нитяный носокъ и, поднявъ очки на лобъ, глядѣвшая на вагонъ, слившійся съ дворомъ. Низко, съ тихой улыбкой поклонилась стоявшая на правомъ крыльцѣ Наталья — дробненькая, загорѣлая, въ лаптяхъ, въ шерстяной красной юбкѣ и въ сѣрой рубахѣ съ широкимъ вырѣзомъ вокругъ темной, сморщенной шеи. Взглянувъ на эту шею, на худыя ключицы, на устало-грустные глаза, помню, подумалъ

я: это она росла съ нашимъ отцомъ — давнымъ давно, но вотъ именно здѣсь, гдѣ отъ дѣдовскаго дубоваго дома, много разъ горѣвшаго, остался вотъ этотъ, невзрачный, отъ сада — кустарники да нѣсколько старыхъ березъ и тополей, отъ службъ и людскихъ — изба, амбаръ, глиняный сарай да ледникъ, заросшій полынью и подснежникомъ. . . Запахло самоваромъ, посыпались разспросы; стали появляться изъ столѣтней горки хрустальные вазочки для варенья, золотыя ложечки, истончившіяся до кленоваго листа, сахарныя сушки, сбереженныя на случай гостей. И, пока разгорался разговоръ, усиленно дружелюбный послѣ долгой ссоры, пошли мы бродить по темнѣющимъ горницамъ, ища балкона, выхода въ садъ.

Все было черно отъ времени, просто, грубо въ этихъ пустыхъ, низкихъ горницахъ, сохранившихъ то же расположение, что и при дѣдушкѣ, срубленныхъ изъ остатковъ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ обиталъ онъ. Въ углу лакейской чернѣлъ большой образъ святого Меркурія Смоленскаго, того, чьи желѣзныя сандалии и шлемъ хранятся на солеѣ въ древнемъ соборѣ Смоленска. Мы слышали: былъ Меркурій мужъ знатный, призванный къ спасенію отъ татаръ Смоленскаго края гласомъ иконы Божьей Матери Одигитріи-Путеводительницы. Разбивъ татаръ, святой уснулъ и былъ обезглавленъ врагами. Тогда, взявъ свою главу въ руки, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ, дабы повѣдать бывшее. . . И жутко было глядѣть на суздальское изображеніе безглаваго человѣка, держащаго въ одной рукѣ мертвенно-синеватую голову въ шлемѣ, а въ другой икону Путеводительницы, — на этотъ, какъ говорили, завѣтный образъ дѣдушки, пережившій нѣсколько

страшныхъ пожаровъ, расколовшійся въ огнѣ, толсто окованный серебромъ и хранившій на оборотной сторонѣ своей родословную Хрущевыхъ, писаную подъ титлами. Точно въ ладъ съ нимъ, тяжелыя желѣзныя задвижки и вверху и внизу висѣли на тяжелыхъ половинкахъ дверей. Доски пола въ залѣ были непомѣрно широки, темны и скользки, окна малы, съ подъемными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самага, гдѣ Хрущевы сѣли за столъ съ татарками, мы прошли въ гостиную. Тутъ, противъ дверей на балконъ, стояло когда-то фортепіано, на которомъ играла тетя Тоня, влюбленная въ офицера Войткевича, товарища Петра Петровича. А дальше зѣяли раскрытыя двери въ диванную, въ угольную, — туда, гдѣ были когда-то дѣдушкины покои. . .

Вечеръ же былъ сумрачный. Въ тучахъ, за окраинами вырубленнаго сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшія на мгновеніе облачныя розово-золотистыя горы. Ливень, вѣрно, не захватилъ Тришина лѣса, что темнѣлъ далеко за садомъ, на косогорахъ за оврагами. Оттуда доходилъ сухой, теплый запахъ дуба, мѣшавшійся съ запахомъ зелени, съ влажнымъ мягкимъ вѣтромъ, пробѣгавшимъ по верхушкамъ березъ, уцѣлѣвшихъ отъ аллеи, по высокой крапивѣ, бурьянамъ и кустарникамъ вокругъ балкона. И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надо всѣмъ. . .

— Чай кушать пожалуйста-съ, — окликнулъ насъ негромкій голосъ.

Это была она, участница и свидѣтельница всей этой жизни, главная сказительница ея, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими глазами, немного

согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ея. Шлыка она не сняла, но вмѣсто халата на ней было теперь старомодное баржевое платье, на плечи накинута блекло-золотистая шелковая шаль.

— *Où êtes-vous, mes enfants?* — жантильно улыбаясь, кричала она, и голосъ ея, четкій и рѣзкій, какъ голосъ попугая, странно раздавался въ пустыхъ черныхъ горницахъ. . .

III.

Какъ въ Натальѣ, въ ея крестьянской простотѣ, во всей ея прекрасной и жалкой душѣ, порожденной Суходоломъ, было очарованіе и въ суходольской разоренной усадьбѣ.

Пахло жасминомъ въ старой гостиной съ покосившимися полами. Сгнившій, сѣро-голубой отъ времени балконъ, съ котораго, за отсутствіемъ ступенекъ, надо было спрыгивать, тонулъ въ крапивѣ, бузинѣ, бересклетѣ. Въ жаркіе дни, когда его пекло солнце, когда были отворены освѣщія стеклянныя двери и веселый отблескъ стекла передавался въ тусклое овальное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ противъ двери, все вспоминалось намъ фортепіано тети Тони, когда-то стоявшее подъ этимъ зеркаломъ. Когда-то играла она на немъ, глядя на пожелтѣвшія ноты съ заглавіями въ завитушкахъ, а онъ стоялъ сзади, крѣпко подпирая талию лѣвой рукой, крѣпко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесныя бабочки — и въ ситцевыхъ пестренкихъ платьицахъ, и въ японскихъ нарядахъ, и въ черно-лиловыхъ

бархатныхъ шаляхъ — залетали въ гостиную. И передъ отъѣздомъ онъ съ сердцемъ хлопнулъ однажды ладонью по одной изъ нихъ, трепетно замиравшей на крышкѣ фортепіано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда дѣвки, по глупости, черезъ нѣсколько дней стерли ее, съ тетей Тоней сдѣлалась истерика. . . Мы выходили изъ гостиной на балконъ, садились на теплыя доски — и думали, думали. Вѣтеръ, пробѣгая по саду, доносилъ до насъ шелковистый шелестъ березъ съ атласно-бѣлыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными вѣтвями, вѣтеръ, шумя и шелестя, бѣжалъ съ полей — и зелено-золотая иволга вскрикивала рѣзко и радостно, коломъ проносясь надъ бѣлыми цвѣтами за болтливыми галками, обитавшими съ многочисленнымъ родствомъ въ развалившихся трубахъ и въ темныхъ чердакахъ, гдѣ пахнетъ старыми кирпичами и черезъ слуховыя окна полосами падаетъ на бугры сѣро-фіолетовой золы золотой свѣтъ; вѣтеръ замиралъ, сонно ползали пчелы по цвѣтамъ у балкона, совершая свою неспѣшную работу, — и въ тишинѣ слышался только ровный, струящійся, какъ непрерывный мелкій дождикъ, лепетъ серебристой листвы тополей. . . Мы бродили по саду, забирались въ глушь окраинъ. Тамъ, на этихъ окраинахъ, слившихся съ хлѣбами, въ прадедовской банѣ съ провалившимся потолкомъ, въ той самой банѣ, гдѣ Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили бѣлые труссы. Какъ они мягко выпрыгивали на порогъ, какъ странно, шевеля усами и раздвоенными губами, косили свои далеко разставленные, выпученные глаза на высокія татарки, кусты бѣлены и заросли крапивы, глушившей тернъ и вишенникъ! А

въ полукраскрытой ригѣ жилъ филинъ. Онъ сидѣлъ на переметѣ, выбравъ мѣсто посумрачнѣе, торчкомъ поднявъ уши, выкативъ желтые слѣпые зрачки — и видъ у него былъ дикій, чортовскій. Опускалось солнце далеко за садомъ, въ море хлѣбовъ, наступалъ вечеръ, мирный и ясный, куковала кукушка въ Трошиномъ лѣсу, жалобно звенѣли гдѣ-то надъ лугами жалейки старика-пастуха Степы. . . Филинъ сидѣлъ и ждалъ ночи. Ночью все спало — и поля, и деревня, и усадьба. А филинъ только и дѣлалъ, что ухалъ и плакалъ. Онъ неслышно носился вкругъ риги, по саду, прилеталъ къ избѣ тети Тони, легко опускался на крышу — и болѣзненно вскрикивалъ. . . Тетя просыпалась на лавкѣ у печки:

— Иисусе Сладчайшій, помилуй мя, — шептала она, вздыхая.

Мухи сонно и недовольно гудѣли по потолку жаркой, темной избы. Каждую ночь что-нибудь будило ихъ. То корова чесалась бокомъ о стѣну избы; то крыса пробѣгала по отрывисто звенящимъ клавишамъ фортепiano и, сорвавшись, съ трескомъ падала въ черепки, заботливо складываемые тетей въ уголь; то старый черный котъ съ зелеными глазами поздно возвращался откуда-то домой и лѣниво просился въ избу; или же прилеталъ вотъ этотъ филинъ, криками своими пророчившій бѣду. И тетя, пересиливая дремоту, отмахиваясь отъ мухъ, въ темнотѣ лѣзшихъ въ глаза, вставала, шарила по лавкамъ, хлопала дверью — и, выйдя на порогъ, наугадъ запускала вверхъ, въ звѣздное небо, скалку. Филинъ, съ шорохомъ, задѣвая крыльями солому, срывался съ крыши — и низко падалъ куда-то въ темноту. Онъ почти касался земли,

плавно доносился до риги и, взмывъ, садился на ея хребтъ. И въ усадьбу опять доносился его плачь. Онъ сидѣлъ, какъ будто что-то вспоминая, — и вдругъ выпускалъ вопль изумленія; смолкалъ — и внезапно принимался истерически ухать, хохотать и взвизгивать; опять смолкалъ — и раздражался стопами, всхлипываніями, рыданіями. . . А ночи, темныя, теплыя, съ лиловыми тучками были спокойны, спокойны. Сонно бѣжалъ и струился лепетъ сонныхъ тополей. Зарница осторожно мелькала надъ темнымъ Трошинымъ лѣсомъ — и тепло, сухо пахло дубомъ. Возлѣ лѣса, надъ равнинами овсовъ, на прогалинѣ неба среди тучъ, горѣлъ серебрянымъ треугольникомъ, могильнымъ голубцомъ Скорпионъ. . .

Поздно возвращались мы въ усадьбу. Надышавшись росой, свѣжестью степи, полевыхъ цвѣтовъ и травъ, осторожно поднимались мы на крыльцо, входили въ темную прихожую. И часто заставляли Наталью на молитвѣ передъ образомъ Меркурія. Босая, маленькая, поджавъ руки, стояла она передъ нимъ, шептала что-то, крестилась, низко кланялась ему, невидному въ темнотѣ, — и все это такъ просто, точно бесѣдовала она съ кѣмъ-то близкимъ, тоже простымъ, добрымъ, милостивымъ.

— Наталья? — тихо окликали мы.

— Я-съ? — тихо и просто отзывалась она, прерывая молитву.

— Что же ты не спишь до сихъ поръ?

— Да авось еще въ могилѣ-съ наспимся. . .

Мы сядились на коникъ, раскрывали окно; она стояла, поджавъ руки. Таинственно мелькали зарницы, озаряя темныя горницы; перепелъ билъ гдѣ-то далеко

въ росистой степи. Предостерегающее-тревожно крикала проснувшаяся на прудѣ утка...

— Гуляли-съ?

— Гуляли.

— Что жъ, дѣло молодое... Мы, бывалыча, такъ-то всѣ ночи напролетъ прогуливали... Одна заря выгонить, другая загонить...

— Хорошо жилось прежде?

— Хорошо-съ...

И наступало долгое молчаніе.

— Чего это, нянечка, филинъ кричитъ? — говорила сестра.

— Не судомъ кричитъ-съ, пропасти на него нѣту. Хоть бы изъ ружья постращать. А то прямо жуть, все думается: либо къ бѣдѣ какой? И все барышню пугаетъ. А она вѣдь до смерти пуглива!

— А какъ захворала она?

— Да извѣстно-съ: все слезы, слезы, тоска... Потомъ молиться зачали... Да все лютѣе съ нами, съ дѣвками, да все сердитѣй съ братцами...

И, вспоминая арапники, мы спрашивали:

— Не дружно, значить, жили?

— Куда какъ дружно! А ужъ особливо послѣ того, какъ заболѣли-то онѣ, какъ дѣдушка померли, какъ вошли въ силу молодые господа и женился покойникъ Петръ Петровичъ. Горячіе всѣ были — чистый порохъ!

— А пороли дворовыхъ часто?

— Этого у насъ и въ заведеньи не было-съ. Я какъ провинилась-то! А и было-то всего-навсего, что приказали Петръ Петровичъ голову мнѣ овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надѣть да на хуторъ отправить...

— А чѣмъ же ты провинилась?

Но отвѣтъ далеко не всегда слѣдовалъ прямой и скорый. Рассказывала Наталья порою съ удивительной прямою и тщательностью; но порою запинались, что-то думала; потомъ легонько вздыхала, и по голосу, не видя лица въ сумракѣ, мы понимали, что она грустно усмѣхается:

— Да тѣмъ и провинилась. . . Я вѣдь ужъ сказывала. . . Молода-глупа была-сь. «Пѣль на грѣхъ, на бѣду соловей во саду». . . А, извѣстно, дѣло мое было дѣвичье. . .

Сестра ласково просила ее:

— Ты ужъ скажи, нянечка, стихи эти до конца.

И Наталья смущалась.

— Это не стихи-сь, а пѣсня. . . Да я ее и не упомяну-сь теперь.

— Неправда, неправда!

— Ну, извольте-сь. . .

И скороговоркой кончала:

— «Какъ на грѣхъ, на бѣду». . . То бишь: «Пѣль на грѣхъ, на бѣду соловей во саду — пѣсню томную. . . Глупой спать не давалъ — въ ночку темную. . .»

Пересиливая себя, сестра спрашивала:

— А ты очень была влюблена въ дядю?

И Наталья тупо и кратко шептала:

— Очень-сь.

— Ты всегда поминаешь его на молитвѣ?

— Всегда-сь.

— Ты, говорятъ, въ обморокъ упала, когда тебя везли въ Сошки?

— Въ оморокъ-сь. Мы, дворовые, страшные нѣжные были. . . жидки на расправу. . . не сравнять же съ

сѣримъ однодворцемъ! Какъ повезъ меня Евсей Бодуля, отупѣла я отъ горя и страху. . . Въ городѣ чуть не задвохнулась съ непривычки. А какъ выѣхали въ степь, таково мнѣ нѣжно да жалостно стало! Метнулась офицеръ навстрѣчу, похожій на нихъ, — крикнула я, да и замертво! А пришедши въ себя, лежу этакъ въ телѣгѣ и думаю: хорошо мнѣ теперь, ровно въ царствѣ небесномъ!

— Строгъ онъ былъ?

— Не приведи Господи!

— Ну, а все-таки своенравнѣе всѣхъ тетя была?

— Онѣ-съ, онѣ-съ. Докладываю же вамъ: ихъ даже къ угоднику возили. Натерпѣлись мы страсти съ ними! Имъ бы жить да поживать теперь, какъ надобно, а онѣ погордились, да и тронулись. . . Какъ любилъ ихъ Войткевичъ-то! Ну, да вотъ поди жъ ты!

— Ну, а дѣдушка?

— Тѣ что-жъ? Тѣ слабы умомъ были. А, конечно, и съ ними случалось. Всѣ въ ту пору были пылкіе. . . Да зато прежніе-то господа нашимъ братомъ не брезговали. Бывалыча, папаша вашъ накажутъ Герваську въ обѣдъ, — энтого и слѣдовало! — а вечеромъ, глядь, ужъ на дворнѣ жируютъ, на балалайкахъ съ нимъ жундятъ. . .

— А скажи, — онъ хорошъ былъ, Войткевичъ-то? Наталья задумывалась.

— Нѣтъ-съ, не хочу соврать: въ родѣ калмыка былъ. А сурьезный, настойчивый. Все стихи ей читалъ, все напугивалъ: моль, помру и приду за тобой. . .

— Вѣдь и дѣдъ отъ любви съ ума сошелъ?

— Тѣ по бабушкѣ. Это дѣло иное, сударыня. Да и

домъ у насъ былъ сумраченъ, — не веселый, Богъ съ нимъ. Вотъ извольте послушать мои глупыя слова. . .

И неторопливымъ шопотомъ начинала Наталья долгое, долгое повѣствованіе. . .

IV.

Если вѣрить преданіямъ, прадѣдъ нашъ, человекъ богатый, только подъ старость переселился изъ-подъ Курска въ Суходоль: не любилъ нашихъ мѣстъ, ихъ глуши, лѣсовъ. Да, вѣдь это вошло въ пословицу: «въ старину вездѣ лѣса были». . . Люди, пробиравшіеся лѣтъ двѣсти тому назадъ по нашимъ дорогамъ, пробирались сквозь густые лѣса. Въ лѣсу терялись и рѣчка Каменка, и тѣ верхи, гдѣ протекала она, и деревня, и усадьба, и холмистыя поля вокругъ. Однако уже не то было при дѣдушкѣ. При дѣдушкѣ картина была иная: полустепной просторъ, голые косогоры, на поляхъ — рожь, овесъ, греча, на большой дорогѣ — рѣдкія дуплистыя ветлы, а по суходольскому верху — только бѣлый голышъ. Отъ лѣсовъ остался одинъ Трошинъ лѣсокъ. Только садъ былъ, конечно, чудесный: широкая аллея въ семьдесятъ раскидистыхъ березъ, вишенники, тонувшіе въ крапивѣ, дремучія заросли малины, акаціи, сирени и чуть не цѣлая роща серебристыхъ тополей на окраинахъ, сливавшихся съ хлѣбами. Домъ былъ подъ соломенной крышей, толстой, темной и плотной. И глядѣлъ онъ на дворъ, по сторонамъ котораго шли длиннѣйшія службы и людскія въ нѣсколько связей, а за дворомъ разстилался безконечный зеленый

выгонъ и широко раскидывалась барская деревня, большая, бѣдная и — беззаботная.

— Вся въ господъ-съ! — говорила Наталья. — И господа беззаботны были — не хозяйственны, не жадны. Семень Кириллычъ, братецъ дѣдушки, раздѣлились съ нами: себѣ взяли что побольше да полутче, престольную вотчину, намъ только Сошки, Суходоль да четыре ста душъ прикинули. А изъ четырехъ-то сотъ чуть не половина разбѣжалася. . .

Дѣдушка Петръ Кириллычъ умеръ лѣтъ сорока пяти. Отецъ часто говорилъ, что помѣшался онъ послѣ того, какъ на него, заснувшася на коврѣ въ саду, подъ яблоней, внезапно сорвавшійся ураганъ, обрушилъ цѣлый ливень яблокъ. А на дворнѣ, по словамъ Натальи, объясняли слабоуміе дѣда иначе: тѣмъ, что тронулся Петръ Кириллычъ отъ любовной тоски послѣ смерти красавицы-бабушки, что великая гроза прошла надъ Суходоломъ передъ вечеромъ того дня. И доживалъ Петръ Кириллычъ, — сутулый брюнетъ, съ черными, внимательно-ласковыми глазами, немного похожій на тетю Тоню, — въ тихомъ помѣшателствѣ. Денегъ, по словамъ Натальи, прежде не знали куда дѣвать, и вотъ онъ, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и пестромъ архалукѣ, заботливо и неслышно бродилъ по дому и, оглядываясь, совалъ въ трещины дубовыхъ бревенъ золотые.

— Это я для Тонечки въ приданное, — бормоталъ онъ, когда захватывали его. — Надежнѣе, друзья мои, надежнѣе. . . Ну, а за всѣмъ тѣмъ — воля ваша: не хотите — я не буду. . .

И опять совалъ. А не то переставлялъ тяжелую мебель въ залъ, въ гостиной, все ждалъ чьего-то приѣзда,

хотя сосѣди почти никогда не бывали въ Суходолѣ; или жаловаться на голодъ и самъ мастерилъ себѣ тюрю — неумѣло толочь и растиралъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, крошилъ туда хлѣбъ, лилъ густой пѣнящейся суровецъ и сыпалъ столько крупной сѣрой соли, что тюря оказывалась горькой и ѣсть ее было не подъ силу. Когда же, послѣ обѣда, жизнь въ усадьбѣ замирала, всѣ разбрѣдались по излюбленнымъ угламъ и надолго засыпали, не зная куда дѣваться одинокой, даже и по ночамъ мало спавшій Петръ Кириллычъ. И, не выдержавъ одиночества, начиналъ заглядывать въ спальни, прихожія, дѣвичьи и осторожно окликать спящихъ:

— Ты спишь, Аркаша? Ты спишь, Тонюша?

И, получивъ сердитый окрикъ: «да отвяжитесь вы, ради Бога, папенька!» — торопливо успокаивалъ:

— Ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду. . .

И уходилъ дальше, — минуя только лакейскую, ибо лакеи были народъ очень грубый, — а черезъ десять минутъ снова появлялся на порогѣ и снова еще осторожно окликалъ, выдумывая, что по деревнѣ кто-то проѣхалъ съ ямщицкими колокольчиками, — «ужь не Петенька ли изъ полка въ побывку», — или что заходить страшная градовая туча.

— Они, голубчики, ужь очень грозы боялись, — рассказывала Наталья. — Я-то еще дѣвчонкой просто-волосой была, ну, а все-таки помню-сь. Домъ у насъ какой-то черный былъ. . . невеселый, Господь съ нимъ. А день лѣтомъ — годъ. Дворни дѣвать было некуды. . . однихъ лакеевъ пять человекъ. . . Да, извѣстно, започиваютъ послѣ обѣда молодые господа, а за ни-

ми и мы, холопы вѣрные, слуги примѣрные. И тутъ ужъ Петръ Кириллычъ не приступайся къ намъ, — особливо къ Герваськѣ. «Лакеи! Лакеи! Вы спите?» А Герваська подыметъ голову съ ларя, да и спрашиваетъ: «А хочешь я тебѣ сейчасъ крапивы въ мотню набью?» — «Да ты кому жъ это говоришь-то, бездѣльникъ ты этакій?» — «Домовому, сударь: спросонья. . .» Ну вотъ, Петръ Кириллычъ и пойдутъ опять по залу, по гостиной и все въ окна, въ садъ заглядываютъ: не видно ли тучи? А грѣзы, и правда, куда какъ часто въ старину собирались. Да и грозы-то великія. Какъ, бывалыча, дѣло послѣ обѣда, такъ и почнетъ орать иволга, и пойдутъ изъ-за саду тучки. . . потемнѣетъ въ домѣ, зашуршитъ бурьянъ да глухая крапива, попрячутся индюшки съ индюшатами подъ балконъ. . . прямо жуть, скука-съ! А они, батюшка, вздыхаютъ, крестятся, лѣзутъ свѣчку восковую у образовъ зажигать, полотенце завѣтное съ покойника прадедушки вѣшать, — боялась я того полотенца до смерти! — али ножницы за окошко выкидываютъ. Это ужъ первое дѣло-съ, ножницы-то: очень хорошо противъ грозы. . .

Было веселѣе въ суходольскомъ домѣ, когда жили въ немъ французы, — сперва какой-то Луи Ивановичъ, мужчина въ широчайшихъ, книзу узкихъ панталонахъ, съ длинными усами и мечтательными голубыми глазами, накладывавшій на лысину волосы отъ уха къ уху, а потомъ пожилая, вѣчно зябнувшая мадамъ Сизи, — когда по всѣмъ комнатамъ гремѣлъ голосъ Луи Ивановича, оравшаго на Аркашу: «идьте и больше не вернитесь!» — когда слышалось въ клас-

ной «*maître corbeau sur un arbre perché*» и на фортепiano училась Тонечка. Восемь лѣтъ жили французы въ Суходолѣ, оставались въ немъ, что-бы не скучно было Петру Кириллычу, и послѣ того, какъ увезли дѣтей въ губернской городъ, покинули же его передъ самымъ возвращеніемъ ихъ домой на третьи каникулы. Когда прошли эти каникулы, Петръ Кириллычъ уже никуда не отправилъ ни Аркашу, ни Тонечку: достаточно было, по его мнѣнію, отправить одного Петеньку. И дѣти навсегда остались и безъ ученья и безъ призора. . . Наталья говаривала:

— Я-то была моложе ихъ всѣхъ. Ну, а Герваська съ папашей вашимъ почти однолѣтки были и, значитъ, первые друзья-пріятели-сь. Только, правда говорится, — волкъ коню не свойственникъ. Подружились они это, поклялись въ дружбѣ на вѣчныя времена, помѣнялись даже крестами, а Герваська въ скорости же и на очереди: чуть было вашего папашу въ прудѣ не утопилъ! Коростовый былъ, а ужъ на каторжныя затѣи мастеръ. «Что-жъ, — говоритъ разъ барчуку: — ты подрастете, будете меня пороть?» — «Буду». — «Анъ нѣтъ». — «Какъ такъ?» — «А такъ. . .» И надумалъ: стояла у насъ бочка надъ прудами, на самомъ косогорѣ, а онъ и запримѣтъ ее, да и подучи Аркадь Петровича залѣсть въ нее и покатиться внизъ. «Перва, — говоритъ, — ты, барчукъ, прожжете, а тамъ я. . .» Ну, а барчукъ-то и послушайся: залѣзъ, толкнулся, да какъ пошелъ гремѣтъ подъ гору, въ воду, какъ пошелъ. . . Матушка Царица Небесная! Только пыль столбомъ завихрилась! Ужъ спасибо вблизи пастухи оказались. . .

Пока жили французы въ суходольскомъ домѣ, домъ

сохранялъ еще жилой видъ. При бабушкѣ еще были въ немъ и господа, и хозяева, и власть, и подчиненіе, и парадные покои, и семейные, и будни, и праздники. Видимость всего этого держалась и при французахъ. Но французы уѣхали, и домъ остался совсѣмъ безъ хозяевъ. Пока дѣти были малы, на первомъ мѣстѣ былъ какъ будто Петръ Кириллычъ. Но что онъ могъ? Кто къмъ владѣлъ: онъ дворовыми или дворовые имъ? Фортепіано закрыли, скатерть съ дубоваго стола исчезла, — обѣдали безъ скатерти и когда попало, въ сѣнцахъ проходу не было отъ борзыхъ собакъ. Заботиться о чистотѣ стало некому, — и темныя бревенчатыя стѣны, темныя полы и потолки, темныя тяжелыя двери и притолки, старые образа, закрывавшіе своими суздальскими ликами весь уголь въ залѣ, скоро и совсѣмъ почернѣли. По ночамъ, особенно въ грозу, когда бушевалъ подъ дождемъ садъ, поминутно озарялись въ залѣ лики образовъ, раскрывалось, распахивалось надъ садомъ дрожащее розово-золотое небо, а потомъ, въ темнотѣ, съ трескомъ раскалывались громовые удары, — по ночамъ въ домѣ было страшно. А днемъ — сонно, пусто и скучно. Съ годами Петръ Кириллычъ все слабѣлъ, становился все незамѣтнѣе, хозяйкой же дома являлась дряхлая Дарья Устинова, кормилица дѣдушки. Но власть ея почти равнялась его власти, а староста Демьянъ не вмѣшивался въ управленіе домомъ: онъ зналъ только полевое хозяйство, съ лѣнивой усмѣшкой говоря иногда: «что жъ, я своихъ господъ не обиждаю. . .» Отцу, юношѣ, не до Суходола было: его съ ума сводила охота, балалайка, любовь къ Герваськѣ, который числился въ лакеяхъ, но по цѣлымъ днямъ пропадалъ съ нимъ на какихъ-то Мещер-

скихъ болотцахъ или въ каретномъ сараѣ за изученіемъ балалаечныхъ и жалеечныхъ хитростей.

— Такъ ужъ мы и знали-сь, — говорила Наталья: — въ домѣ только почиваютъ. А не почиваютъ, — значить, либо на деревнѣ, либо въ каретномъ, либо на охотѣ: зимою — зайцы, осенью — лисицы, лѣтомъ — перепела, утки, либо дряхвы; сядутъ на дрожки бѣговья, перекинутъ ружьецо за плечи, кликнутъ Діанку, да и съ Господомъ: нынче на Среднюю мельницу, завтра на Мещерскія, послѣзавтра на степя. И все съ Герваськой. Тотъ первый коноводъ всему былъ, а прикидывался, что это барчукъ его таскаетъ. Любилъ его, врага своего, Аркадь Петровичъ истинно какъ брата, а онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй измывался надъ нимъ. Бавалыча, скажутъ: — «Ну, давай, Гервасій, на балалайкахъ! Выучи ты меня, за ради Бога, *«Закатилось солнце красное за лѣсъ»*... А Герваська посмотритъ на нихъ, пуститъ въ ноздри дымъ и этакъ съ усмѣшкой: «Поцѣлуйте перва ручку у меня.» Поблѣютъ весь Аркадь Петровичъ, вскочутъ съ мѣста, бацъ его, что есть, силы, по щекѣ, а онъ только головой мотнетъ и еще чернѣй сдѣлается, насупится, какъ разбойникъ какой. «Встать, негодяй!» Встанетъ, вытянется, какъ борзой, портки плисовые висятъ... молчитъ. «Проси прощенья.» — «Виноватъ, сударь.» А барчукъ задвохнутся — и ужъ не знаютъ, что дальше сказать. «То-то «сударь»! — кричатъ. — Я моль, норовлю съ тобой, съ негодяемъ, какъ съ равнымъ обойтись, я, моль, иной разъ думаю: я для него души не пожалѣю... А ты что? Ты нарочно меня озлобляешь?»

— Диковинное дѣло! — говорила Наталья: — надъ

барчукомъ и дѣдушкой Герваська измывался, а надомной — барышня. Барчукъ, — а, по правдѣ-то сказать, и сами дѣдушка, — въ Герваськѣ души не чаяли, а я — въ ней. . . какъ изъ Сошекъ-то вернулась я, да маленько образумилась послѣ своей провинности. . .

V.

Съ арапниками садились за столъ уже послѣ смерти дѣдушки, послѣ бѣгства Герваськи и женитьбы Петра Петровича, послѣ того, какъ тетя Тоня, тронувшись, обрекла себя въ невѣсты Іисусу Сладчайшему, а Наталья возвратилась изъ этихъ самыхъ Сошекъ. Тронулась же тетя Тоня и въ ссылкѣ побывала Наталья — изъ-за любви.

Скучныя, глухія времена дѣдушки смѣнились временемъ молодыхъ господъ. Возвратился въ Суходоль Петръ Петровичъ, неожиданно для всѣхъ вышедшій въ отставку. И пріѣздъ его оказался гибельнымъ и для Натальи и для тети Тони.

Онѣ обѣ влюбились. Не замѣтили, какъ влюбились. Имъ казалось сперва, что «просто стало веселѣе жить.»

Петръ Петровичъ повернулъ на первыхъ порахъ жизнь въ Суходоль на новый ладъ — на праздничный и барскій. Онъ пріѣхалъ съ товарищемъ, Войткевичемъ, привезъ съ собой повара, бритаго алкоголика, съ пренебреженіемъ косившагося на позеленѣвшія рубчатая формы для желе, на грубые ножи, вилки. Петръ Петровичъ желалъ показать себя передъ товарищемъ радушнымъ, щедрымъ, богатымъ — и дѣлалъ это не-

умѣло, по-мальчишески. Да онъ и былъ почти мальчикомъ, очень нѣжнымъ и красивымъ съ виду, но по натурѣ рѣзкимъ и жестокимъ, мальчикомъ какъ будто самоувѣреннымъ, но легко и чуть не до слезъ смущающимся, а потомъ надолго затаивающимъ злобу на того, кто смутилъ его.

— Помнится, братъ Аркадій, — сказалъ онъ за столомъ въ первый же день своего пребыванія въ Суходолѣ: — помнится, была у насъ мадера недурная?

Дѣдушка покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но не насмѣлился и только затеребилъ на груди архалукъ. Аркадій Петровичъ изумился:

— Какая мадера?

А Герваська нагло поглядѣлъ на Петра Петровича и ухмыльнулся.

— Вы изволили забыть, сударь, — сказалъ онъ Аркадію Петровичу, даже и не стараясь скрыть насмѣшки. — У насъ, и правда, дѣвать некуда было этой самой мадеры. Да все мы, холопы, потаскали. Вино барское, а мы ее дуромъ, замѣсто квасу.

— Это еще что такое? — крикнулъ Петръ Петровичъ, заливаясь своимъ темнымъ румянцемъ. — Молчать!

Дѣдушка восторженно подхватилъ:

— Такъ, такъ, Петенька! Фѳора! — радостно, тонкимъ голосомъ воскликнулъ онъ и чуть не заплакалъ. — Ты и представить себѣ не можешь, какъ онъ меня уничтожаетъ! Я ужъ не однажды думалъ: подкрадусь и проломлю ему голову толкачомъ мѣднымъ! Ей-Богу, думалъ! Я ему кинжалъ въ бокъ по эфесь всажу!

А Герваська и тутъ нашелся.

— Я, сударь, слышалъ, что за это больно наказываютъ, — возразилъ онъ, насупясь. — А то и мнѣ все лѣзетъ въ голову: пора барину въ царство небесное!

Говорилъ Петръ Петровичъ, что, послѣ такого неожиданно-дерзкаго отвѣта, сдержался онъ только ради чужого человѣка. Онъ сказалъ Герваськѣ только одно: «Сію минуту выйди вонъ!» А потомъ даже устыдился своей горячности — и, торопливо извиняясь передъ Войткевичемъ, поднялъ на него съ улыбкой тѣ очаровательные глаза, которыхъ долго не могли забыть всѣ знавшіе Петра Петровича.

Слишкомъ долго не могла забыть этихъ глазъ и Наталья.

Счастье ея было необыкновенно кратко — и кто бы могъ думать, что разрѣшится оно путешествіемъ въ Сошки, самымъ замѣчательнымъ событіемъ всей ея жизни?

Хуторъ Сошки цѣль и донинѣ, хотя уже давно перешелъ къ тамбовскому купцу. Это — длинная изба среди пустой равнины, амбаръ, журавль колодца и гумно, вокругъ котораго бахчи. Такимъ, конечно, былъ хуторъ и въ дѣдовскія времена; да мало измѣнился и городъ, что на пути къ нему изъ Суходола. А провинилась Наташка тѣмъ, что, совершенно неожиданно для самой себя, украла складное, оправленное въ серебро, зеркальце Петра Петровича.

Увидѣла она это зеркальце — и такъ была поражена красотой его, — какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что принадлежало Петру Петровичу, — что не устояла. И нѣсколько дней, пока не хватились зеркальца, прожила ошеломленная своимъ преступленіемъ, очарованная своей страшной тайной и сокровищемъ, какъ въ сказкѣ

объ аленькомъ цвѣточкѣ. Ложась спать, она молила Бога, чтобы скорѣе прошла ночь, чтобы скорѣе наступило утро: празднично было въ домѣ, который ожилъ, наполнился чѣмъ-то новымъ, чудеснымъ съ прїѣздомъ красавца-барчука, наряднаго, напомаженнаго, съ высокимъ краснымъ воротомъ мундира, съ лицомъ смуглымъ, но нѣжнымъ, какъ у барышни; празднично было даже въ прихожей, гдѣ спала Наташка и гдѣ, вскакивая съ рундука на разсвѣтѣ, она сразу вспомнила, что въ мїрѣ — радость, потому что у порога стояли, ждали чистки такіе легонькіе сапожки, что ихъ въ пору было царскому сыну носить; и всего страшнѣе и праздничнѣе было за садомъ, въ заброшенной банѣ, гдѣ хранилось двойное зеркальце въ тяжелой серебряной оправѣ, — за садомъ, куда, пока еще всѣ спали, по росистымъ зарослямъ, тайкомъ бѣжала Наташка, чтобъ насладиться обладаніемъ своего сокровища, вынести его на порогъ, раскрыть при жаркомъ утреннемъ солнцѣ и насмотрѣться на себя до головокруженья, а потомъ опять скрыть, схоронить и опять бѣжать, прислуживать все утро тому, на кого она и глазъ поднять не смѣла, для кого она, въ безумной надеждѣ понравиться, и заглядывалась-то въ зеркальце.

Но сказка объ аленькомъ цвѣточкѣ кончилась скоро, очень скоро. Кончилась позоромъ и стыдомъ, которому нѣтъ имени, какъ думала Наташка... Кончилась тѣмъ, что самъ же Петръ Петровичъ приказалъ остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурьмившую брови передъ зеркальцемъ, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между нимъ и собой. Онъ самъ открылъ и превратилъ ея преступленіе въ простое воровство, въ глупую продѣлку дворовой

дѣвчонки, которую, въ затрапезной рубахѣ, съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ, на глазахъ всей дворни, посадили на навозную телѣгу и, опозоренную, внезапно оторванную отъ всего родного, повезли на какой-то невѣдомый, страшный хуторъ, въ степныя дали. Она уже знала: тамъ, на хуторѣ, она должна будетъ стеречь цыплятъ, индюшекъ и бахчи; тамъ она спечется на солнцѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ; тамъ какъ годы будутъ долги степные дни, когда въ зыбкомъ маревѣ тонуть горизонты и такъ тихо, такъ знойно, что спать бы мертвымъ сномъ весь день, если бы не нужно было слушать осторожный трескъ пересошаго гороха, домовитую возню насѣдокъ въ горячей землѣ, мирно-грустную переключку индюшекъ, не слѣдить за набѣгающей сверху, жуткой тѣнью ястреба и не вскакивать, не кричать тонкимъ протяжнымъ голосомъ: «шу-у!»... Тамъ, на хуторѣ, чего стоила одна старуха-хохлушка, получившая власть надъ ея жизнью и смертью и, вѣрно, уже съ нетерпѣніемъ поджидавшая свою жертву! Единственное преимущество имѣла Наташка передъ тѣми, которыхъ везутъ на смертную казнь: возможность удавиться. И только одно это и поддерживало ее на пути въ ссылку, — конечно, вѣчную, какъ полагала она.

На пути изъ конца въ конецъ уѣзда чего только она ни насмотрѣлась! Да не до того ей было. Она думала или, скорѣе, чувствовала одно: жизнь кончена, преступленіе и позоръ слишкомъ велики, чтобы надѣяться на возвращеніе къ ней! Пока еще оставался возлѣ нея близкій человѣкъ, Евсей Бодуля. Но что будетъ, когда онъ сдастъ ее съ рукъ на руки хохлушкѣ, переночуетъ и уѣдетъ, навѣки покинетъ ее въ чужой сторонѣ? Напла-

кавшись, она захотѣла ѣсть. И Евсей, къ удивленію ея, взглянулъ на это очень просто и, закусывая, разговаривалъ съ ней такъ, какъ будто ничего не случилось. А потомъ она заснула — и очнулась уже въ городѣ. И городъ поразилъ ее только скукой, сухью, духотой, да еще чѣмъ-то смутно-страшнымъ, тоскливымъ, что похоже было на сонъ, который не расскажешь. Запомнилось за этотъ день только то, что очень жарко лѣтомъ въ степи, что безконечнѣе лѣтняго дня и длиннѣе большихъ дорогъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Запомнилось, что есть мѣста на городскихъ улицахъ, выложенныя камнями, по которымъ престранно гремитъ телѣга, что издалека пахнетъ городъ желѣзными крышами, а среди площади, гдѣ отдыхали и кормили лошадь, возлѣ пустыхъ подъ вечеръ «обжорныхъ» навѣсовъ, — пылью, дегтемъ, гніющимъ сѣномъ, клоки котораго, перебитые съ конскимъ навозомъ, остаются на стоянкахъ мужиковъ. Евсей отпрягъ и поставилъ лошадь къ телѣгѣ, къ корму; сдвинулъ на затылокъ горячую шапку, вытеръ рукавомъ потъ и, весь черный отъ зноя, ушелъ въ харчевню. Онъ строго-настрого приказалъ Наташкѣ «поглядывать» и, въ случаѣ чего, кричать на всю площадь. И Наташка сидѣла, не двигаясь, не сводила глазъ съ купола тогда только-что построеннаго собора, огромной серебряной звѣздой горѣвшаго гдѣ-то далеко за домами, — сидѣла до тѣхъ поръ, пока не вернулся жующій, повеселѣвшій Евсей и не сталъ, съ калачомъ подъ мышкой, снова заводить лошадь въ оглобли.

— Припоздали мы съ тобой, королевишна, маленько! — оживленно бормоталъ онъ, обращаясь не то къ лошади, не то къ Наташкѣ. — Ну, да авось не удавятъ! Авось не на пожаръ. . . Я и назадъ гнать не ста-

ну, мнѣ, братъ, барская лошадь подороже твоего хайла, — говорилъ онъ, уже разумѣя Демьяна. — Разинуть хайло: «Ты у меня смотри! Я, въ случаѣ чего догляжусь, что у тебя въ порткахъ-то...» А-ахъ! — думаю... Взяла меня обида поперекъ живота! Съ меня, моль, господа, и тѣ еще не спускали портокъ-то... не тебѣ чета, чернонебому. — «Смотри!» — А чего мнѣ смотреть? Авось, не дурѣй тебя. Захочу — и совсѣмъ не ворочусь: дѣвку доправлю, а самъ перехрещусь, да потуда меня и видѣли... Я и на дѣвку-то дивуюсь: чего, дура, затужила? Ай свѣтъ клиномъ сошелся? Пойдутъ чумаки либо старички какіе мимо хутора — только слово сказать: въ одинъ ментъ за Ростовымъ-батюшкой очутишься... А тамъ и поминай какъ звали!

И мысль: «удаплюсь» — смѣнилась въ стриженной головѣ Наташки мыслью о бѣгствѣ. Телѣга заскрипѣла и закачалась. Евсей смолкъ и повелъ лошадь къ колодцу среди площади. Тамъ, откуда пріѣхали, опускалося солнце за большой монастырскій садъ, и окна въ желтомъ острогѣ, что стоялъ противъ монастыря, черезъ дорогу, сверкали золотомъ. И видъ острога на минуту еще больше возбудилъ мысль о бѣгствѣ. Вона, и въ бѣгахъ живутъ! Только вотъ говорятъ, что старички выжигаютъ ворованнымъ дѣвкамъ и ребятамъ глаза кипяченымъ молокомъ и выдаютъ ихъ за убоженькимъ, а чумаки зовозятъ къ морю и продаютъ на гайцамъ... Случается, что и ловятъ господа своихъ бѣглыхъ, забиваютъ ихъ въ кандалы, въ острогъ сажаютъ... Да авось и въ острогѣ не быки, а мужики, какъ говоритъ Герваська!

Но окна въ острогѣ гасли, мысли путались, — нѣтъ,

бѣжать еще страшнѣе, чѣмъ удавиться! Да смолкъ, отрезвѣль и Евсей.

— Припоздали, дѣвка, — уже безпокойно говорилъ онъ, вскакивая бокомъ на грядку телѣги.

И телѣга, выбравшись на шоссе, опять затряслась, забила, шибко загремѣла по камнямъ... Ахъ, лучше-то всего было бы назадъ повернуть ее, — не то думала, не то чувствовала Наташка, — повернуть, доскакать до Суходола — и упасть господамъ въ ноги! Но Евсей погонялъ. Звѣзды за домами уже не было. Впереди была бѣлая голая улица, бѣлая мостовая, бѣлые дома — и все это замыкалось огромнымъ бѣлымъ соборомъ подъ новымъ бѣло-жестянымъ куполомъ, и небо надъ нимъ стало блѣдно-синее, сухое... А тамъ, дома, въ это время уже роса падала, садъ благоухалъ свѣжестью, пахло изъ топившейся поварской; далеко за равнинами хлѣбовъ, за серебристыми тополями на окраинахъ сада, за старой завѣтной баней догорала заря, а въ гостиной были отворены двери на балконъ, алый свѣтъ мѣшался съ сумракомъ въ углахъ, и желто-смуглая, черноглазая, похожая и на дѣдушку и на Петра Петровича барышня поминутно оправляла рукава легкаго и широкаго платя изъ оранжеваго шелка, пристально смотрѣла въ ноты, сидя спиной къ зарѣ, ударяя по желтымъ клавишамъ, наполняя гостиную торжественно-пѣвучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинскаго и какъ будто не обращая никакого вниманія на стоявшаго за нею офицера — приземистаго, темноликаго, подпиравшаго талию лѣвой рукою и сосредоточенно-мрачно слѣдившаго за ея быстрыми руками...

«У ней — свой, а у меня — свой», не то думала, не то чувствовала Наташка въ такіе вечера съ замираніемъ сердца и бѣжала въ холодный, росистый садъ, забивалась въ глушь крапивы и остро пахнущихъ, сырыхъ лопуховъ и стояла, ждала несбыточнаго, — того, что сойдетъ съ балкона барчукъ, пойдетъ по аллеѣ, увидитъ ее и, внезапно свернувъ, приблизится къ ней быстрыми шагами — и она не проронитъ отъ ужаса и счастья ни звука. . .

А телѣга гремѣла. Городъ былъ вокругъ, жаркій и вонючій, тотъ самый, что представлялся прежде чѣмъ-то волшебнымъ. И Наташка съ болѣзненнымъ удивленіемъ глядѣла на разряженный народъ, идущій назадъ и впередъ по камнямъ возлѣ домовъ, воротъ и лавокъ съ раскрытыми дверями. . . И зачѣмъ поѣхалъ тутъ Евсей, думала она, какъ рѣшился онъ гремѣть тутъ телѣгой?

Но проѣхали мимо собора, стали спускаться къ мелкой рѣкѣ по ухабистымъ пыльнымъ косогорамъ, мимо черныхъ кузницъ, мимо гнилыхъ мѣщанскихъ лачугъ. . . Опять знакомо запахло прѣсной теплой водой, иломъ, полевой вечерней свѣжестью. Первый огонекъ блеснулъ вдали, на противоположной горѣ, въ одинокомъ домишкѣ близъ шлагбаума. . . Вотъ и совсѣмъ выбрались на волю, переѣхали мостъ, поднялись къ шлагбауму — и глянула въ глаза каменная, пустынная дорога, смутно бѣлѣющая и убѣгающая въ безконечную даль, въ синь степной свѣжей ночи. И лошадь пошла мелкой рысцой, а, миновавъ шлагбаумъ, и совсѣмъ шагомъ. И опять стало слышно, что тихо, тихо ночью и на землѣ и въ небѣ, — только гдѣ-то далеко плачетъ колокольчикъ. Онъ плакалъ все слышнѣе, все пѣвучѣе

— и слился наконецъ съ дружнымъ топотомъ тройки, съ ровнымъ стукомъ бѣгущихъ по шоссе и приближающихся колесъ. . . Тройкой правилъ вольный молодой ямщикъ, а въ бричкѣ, уткнувши подбородокъ въ шинель съ капюшономъ, сидѣлъ офицеръ. Поровнявшись съ телѣгой, на мгновение поднялъ онъ голову — и вдругъ увидѣла Наташка красный воротникъ, черные усы, молодые глаза, блеснувшіе подъ каской, похожей на ведерко. . . Она вскрикнула, помертвѣла, потеряла сознание. . .

Озарила ее безумная мысль, что это Петръ Петровичъ, и, по той боли и нѣжности, которая молніей прошла ея нервное дворовое сердце, она вдругъ поняла, чего она лишилась: близости къ нему. . . Евсей кинулся поливать ея стриженую, отвалившуюся голову водой изъ дорожнаго жбана.

Тогда она очнулась отъ приступа тошноты — и торопливо перекинула голову за грядку телѣги. Евсей торопливо подложилъ ея подъ холодный лобъ ладонь. . .

А потомъ, облегченная, озябнувшая, съ мокрымъ воротомъ, лежала она на спинѣ и смотрѣла на звѣзды. Перепугавшійся Евсей молчалъ, думая, что она уснула, — только головой покачивалъ, — и погонялъ, погонялъ. Телѣга тряслась и убѣгала. А дѣвчонкѣ казалось, что у нея нѣтъ тѣла, что теперь у нея — одна душа. И душѣ этой было «такъ хорошо, ровно въ царствѣ небесномъ». . .

Аленькимъ цвѣточкомъ, расцвѣтшимъ въ сказочныхъ садахъ, была ея любовь. Но въ степь, въ глушь, еще болѣе заповѣдную, чѣмъ глушь Суходола, увезла она любовь свою, чтобы тамъ, въ тишинѣ и одиночествѣ, побороть первыя, сладкія и жгучія муки ея, а по-

томъ надолго, навѣки, до самой гробовой доски схоронить ее въ глубинѣ своей суходольской души.

VI.

Любовь въ Суходолѣ необычна была. Необычна была и ненависть.

Дѣдушка, погибшій столь же нелѣпо, какъ и убійца его, какъ и всѣ, что гибли въ Суходолѣ, былъ убитъ въ томъ же году. На Покровъ, престольный праздникъ въ Суходолѣ, Петръ Петровичъ назвалъ гостей — и очень волновался: будетъ ли предводитель, давшій слово быть? Радостно, неизвѣстно чему волновался и дѣдушка. Предводитель пріѣхалъ — и обѣдъ удался на славу. Было и шумно и весело, дѣдушкѣ — веселѣе всѣхъ. Рано утромъ второго октября его нашли на полу въ гостиной мертвымъ.

Выйдя въ отставку, Петръ Петровичъ не скрылъ, что онъ жертвуетъ собою ради спасенія чести Хрущевыхъ, родового гнѣзда, родовой усадьбы. Не скрылъ, что хозяйство онъ «поневоля» долженъ взять въ свои руки. Долженъ и знакомства завести, дабы общаться съ наиболее просвѣщенными и полезными дворянами уѣзда, а съ прочими — просто не порывать отношений. И сначала все въ точности исполнялъ, посѣтилъ даже всѣхъ мелкопомѣстныхъ, даже хуторъ тетушки Ольги Кирилловны, чудовищно-толстой старухи, страдавшей сонной болѣзнью и чистившей зубы нюхательнымъ табакомъ. Къ осени уже никто не дивился, что Петръ

Петровичъ править имѣніемъ единовластно. Да онъ и видъ имѣлъ уже не красавчика-офицера, пріѣхавшаго на побывку, а хозяина, молодого помѣщика. Смущаясь, онъ не заливался такимъ темнымъ румянцемъ, какъ прежде. Онъ выхолился, пополнѣлъ, носилъ дорогіе архалуки, маленькія ноги свои баловалъ красными татарскими туфлями, маленькія руки украшалъ кольцами съ бирюзою. Аркадій Петровичъ стѣснялся смотрѣть въ его каріе глаза, не зналъ, о чемъ съ нимъ говорить, первое время во всемъ уступалъ ему и пропадалъ на охотѣ.

На Покровъ Поетръ Петровичъ хотѣлъ очаровать всѣхъ до одинаго своимъ радушіемъ, да и показать, что именно онъ первое лицо въ домѣ. Но ужасно мѣшалъ дѣдушка. Дѣдушка былъ блаженно-счастливъ, но безтактенъ, болтливъ и жалокъ въ своей бархатной шапочкѣ съ мощей и въ новомъ, не въ мѣру широкомъ синемъ казакинѣ, сшитомъ домашнимъ портнымъ. Онъ тоже вообразилъ себя радушнымъ хозяиномъ и суетился съ ранняго утра, устраивая какую-то глупую церемонію изъ пріема гостей. Одна половинка дверей изъ прихожей въ залу никогда не открывалась. Онъ самъ отодвинулъ желѣзныя задвижки и внизу и вверху, самъ придвигалъ стулъ и, весь трясясь, влѣзалъ на него; а, распахнувъ двери, сталъ на порогъ и, пользуясь молчаніемъ Петра Петровича, замиравшаго отъ стыда и злобы, но рѣшившагося все претерпѣть, не сошелъ съ мѣста до пріѣзда послѣдняго гостя. Онъ не сводилъ глазъ съ крыльца, — и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовалъ какой-то старинный обычай, — топтался отъ волненія, завидя же входящаго, кидался къ нему навстрѣчу, торопливо дѣ-

лалъ па, подпрыгивалъ, кидая ногу за ногу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и, захлебываясь, всѣмъ говорилъ:

— Ну, какъ я радъ! Какъ я радъ! Давненько ко мнѣ не жаловали! Милости прошу, милости прошу!

Бѣсило Петра Петровича и то, что дѣдушка всѣмъ и каждому зачѣмъ-то докладываетъ объ отвѣздѣ Тонечки въ Лунево, къ Ольгѣ Кирилловнѣ. «Тонечка больна тоской, уѣхала къ тетенькѣ на всю осень» — что могли думать гости послѣ такихъ непрошенныхъ заявленій? Вѣдь исторія съ Войткевичемъ, конечно, уже всѣмъ была извѣстна. Войткевичъ, можетъ статья, и впрямь имѣлъ серьезныя намѣренія, загадочно вздыхая возлѣ Тонечки, играя съ ней въ четыре руки, глухимъ голосомъ читая ей «Людмилу» или говоря въ мрачной задумчивости: «Ты мертвецу святыней слова обручена...» Но Тонечка бѣшено вспыхивала при каждой его даже самой невинной попыткѣ выразить свои чувства, — поднести, на примѣръ, ей цвѣтокъ, — и Войткевичъ внезапно уѣхалъ. Когда же уѣхалъ, Тонечка стала не спать по ночамъ, въ темнотѣ сидѣть возлѣ открытаго окна, точно поджидая какого-то извѣстнаго ей срока, чтобы вдругъ громко зарыдать — и разбудить Петра Петровича. Онъ долго лежалъ, стиснувъ зубы, слушая эти рыданія да мелкій, сонный лепетъ тополей за окнами въ темномъ саду, похожій на непрестанный дождикъ. Затѣмъ шелъ успокаивать. Шли успокаивать и заспанная дѣвочки, иногда тревожно прибѣгала дѣдушка. Тогда Тонечка начинала топтать ногами, кричать: «Отвяжитесь отъ меня, враги мои лютые!» — и дѣло кончалось безобразной бранью, чуть не дракой.

— Да пойми же ты, пойми, — бѣшено шипѣлъ

Петръ Петровичъ, выгнавъ вонъ дѣвокъ, дѣдушку, захлопнувъ дверь и крѣпко ухватясь за скобку: — пойми, змѣя, что могутъ вообразить!

— Ай! — неистово взвизгивала Тонечка. — Папенька, онъ кричитъ, что я брюхата!

И, вцѣпившись себѣ въ голову, Петръ Петровичъ кидался вонъ изъ комнаты.

Очень тревожилъ на Покровъ и Герваська: какъ бы не нагрубилъ при какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ.

Герваська страшно выросъ. Огромный, нескладный, но и самый видный, самый умный изъ слугъ, онъ тоже былъ наряженъ въ синій казакинъ, такіе же шаровары и мягкіе козловые сапоги безъ каблуковъ. Гарусный лиловый платокъ повязывалъ его тонкую темную шею. Черные, сухіе, крупные волосы онъ причесалъ на косой рядъ, но остричься подъ-польку не пожелалъ — подрубилъ ихъ въ кружокъ. Брить было нечего, только два-три рѣдкихъ и жесткихъ завитка чернѣло на его подбородкѣ и по угламъ большого рта, про который говорили: «ротъ до ушей, хотъ завязочки пришей». Будылястый, очень широкій въ плоской костлявой груди, съ маленькой головою и глубокими орбитами, тонкими пепельно синими губами и крупными голубоватыми зубами, онъ, зтотъ древній аріецъ, парсь изъ Суходола, уже получилъ кличку: борзой. Глядя на его оскаль, слушая его покашливанія, многіе думали: «А скоро ты, борзой, издохнешь!» Въ слухъ же, не въ примѣръ прочимъ, величали молоко-соса Гервасіемъ Аѳанасьевичемъ.

Боялись его и господа. У господъ было въ характерѣ то же, что у холоповъ: или властвовать, или бо-

яться. За дерзкій отвѣтъ дѣдушкѣ въ день пріѣзда Петра Петровича Герваськѣ, къ удивленію дворни. ровно ничего не было. Аркадій Петровичъ сказалъ ему кратко: «Положительно скотина ты, братъ!» — на что и отвѣтъ получилъ очень краткій: «Терпѣть его не могу я, сударь!» А къ Петру Петровичу Герваська самъ пришелъ: сталъ на порогъ и, по своей манерѣ, развязно осѣвъ на свои несоразмѣрно съ туловищемъ длинныя ноги въ широчайшихъ шароварахъ, угломъ выставивъ лѣвое колѣно, попросилъ, чтобы его выпороли.

— Очень я грубіанъ и горячій, сударь, — сказалъ онъ безразлично, играя черными глазами.

И Петръ Петровичъ, почувствовавъ въ словѣ «горячій» намекъ, струсилъ.

— Успѣется еще, голубчикъ! Успѣется! — притворно-строго крикнулъ онъ. — Выйди вонъ! Я тебя, дерзкаго, видѣть не могу.

Герваська постоялъ, помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Есть на то воля ваша.

Постоялъ еще, крутя жесткій волосъ на верхней губѣ, пособачьи голубоватыя челюсти, не выражая на лицѣ ни одинаго чувства, и вышелъ. Твердо убѣдился онъ съ тѣхъ поръ въ выгодѣ этой манеры — ничего не выражать на лицѣ и быть какъ можно болѣе краткимъ въ отвѣтахъ. А Петръ Петровичъ сталъ не только избѣгать разговоровъ съ нимъ, но даже въ глаза ему смотрѣть.

Такъ же безразлично, загадочно держался Герваська и на Покровъ. Всѣ сбились съ ногъ, готовясь къ празднику, отдавая и принимая распоряженія, ругаясь, споря, моя полы, чистя синѣющимъ мѣломъ тем-

ное тяжелое серебро иконъ, поддавая ногами лѣзущихъ въ сѣнцы собакъ, боясь, что не застынетъ желе, что не хватить вилокъ, что пережарятся налевашники, хворостики; одинъ Герваська спокойно ухмылялся и говорилъ бѣсившемуся Казимиру, алкоголику повару: «Потише, отецъ дьяконъ, подрясникъ лопнетъ!»

— Смотри не напейся, — разсѣянно, волнуясь изъза предводителя, сказалъ Герваськѣ Петръ Петровичъ.

— Сотроду не пилъ, — какъ равному кинулъ ему Герваська. — Не антересно.

И потомъ, при гостяхъ, Петръ Петровичъ даже заискивающе кричалъ на весь домъ:

— Гервасій! Не пропадай ты, пожалуйста. Безъ тебя какъ безъ рукъ.

А Герваська вѣжливѣйше и съ достоинствомъ отзывался:

— Не извольте, сударь, беспокоиться. Не посмѣю отлучиться.

Онъ служилъ, какъ никогда. Онъ вполнѣ оправдывалъ слова Петра Петровича, вслухъ говорившаго гостямъ:

— До чего дерзокъ этотъ дылда, вы и представить себѣ не можете! Но положительно геній! Золотыя руки!

Могъ ли онъ предположить, что роняетъ въ чашу именно ту каплю, которая переполнитъ ее? Дѣдушка услыхалъ его слова. Онъ затеребилъ на груди казакинъ и вдругъ черезъ весь столъ закричалъ предводителю:

— Ваше превосходительство! Подайте руку помощи! Какъ къ отцу, прибѣгаю къ вамъ съ жалобой

на слугу моего! Вотъ на этого, на этого — на Гервасія Аѳанасьева Куликова! Онъ на каждомъ шагу уничтожаетъ меня! Онъ...

Его прервали, уговорили, успокоили. Взволновался дѣдушка до слезъ, но его стали успокаивать такъ дружно и съ такимъ почтеніемъ, конечно, насмѣшливымъ, что онъ сдался и почувствовалъ себя опять дѣтски-счастливымъ. Герваська стоялъ у стѣны строго, съ опущенными глазами и слегка поворотивъ голову. Дѣдушка видѣлъ, что у этого великана черезчуръ мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылокъ у него острый, и что особенно много волосъ именно на затылкѣ, — крупныхъ, черныхъ, грубо подрубленныхъ и образующихъ выступъ надъ тонкой шей. Отъ загара, отъ вѣтра на охотѣ темное лицо Герваськи мѣстами шелушилось, было въ блѣдно-лиловыхъ пятнахъ. И дѣдушка со страхомъ и тревогой кидалъ взгляды на Герваську, но все-таки радостно кричалъ гостямъ:

— Хорошо, я прощаю его! Только за это я не отпущу васъ, дорогіе гости, цѣлыхъ три дня. Ни за что не отпущу! Особливо же прошу, не увѣжайте на-вечерь. Какъ дѣло на-вечерь, я самъ не свой: такая тоска, такая жуть! Тучки заходятъ, въ Трошиномъ лѣсу, говорятъ, опять двухъ французовъ Бонапартишкиныхъ поймали... Я безпремѣнно помру вечеромъ, — попомните мое слово! Мнѣ Мартынъ Задека предсказалъ...

Но умеръ онъ рано утромъ.

Онъ настоялъ-таки: «ради него» много народу осталось ночевать; весь вечеръ пили чай, варенья было страшно много и все разное, такъ что можно было

подходить и пробовать, подходить и пробовать; затѣмъ наставили столовъ, зажгли столько спермацетовыхъ свѣчей, что онѣ отражались во всѣхъ зеркалахъ, и по комнатамъ, полнымъ дыма душистаго жуковскаго табаку, шума и говора, былъ золотистый блескъ, какъ въ церкви. Главное же, многіе ночевать остались. И, значитъ, впереди былъ не только новый веселый день, но и большія хлопоты, заботы: вѣдь если бы не онъ, не Петръ Кириллычъ, никогда не сошелъ бы такъ отлично праздникъ, никогда не было бы такого оживленнаго и богатаго обѣда.

— Да, да, — волнуясь, думаль дѣдушка ночью, скинувъ казакинъ и стоя въ своей спальнѣ передъ аналоемъ, передъ зажженными на немъ восковыми свѣчечками, глядя на черный образъ Меркурія. — Да, да, смерть грѣшнику люта... Да не зѣдетъ солнце въ гнѣвъ нашемъ!

Но тутъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ подумать что-то другое; горбясь и шепча пятидесятый псаломъ, прошелся по комнатѣ, поправилъ тлѣвшую на ночномъ столикѣ курительную монашку, взялъ въ руки псалтирь и, развернувъ, снова съ глубокимъ, счастливымъ вздохомъ поднялъ глаза на безглаваго святого. И вдругъ попалъ на то, что хотѣлъ подумать, и засіялъ улыбкой:

— Да, да: есть старикъ — убилъ бы его, нѣтъ старика — купилъ бы его!

Боясь проспать, не распорядиться о чемъ-то, онъ почти не спалъ. А рано утромъ, когда въ комнатахъ, еще не убранныхъ и пахнувшихъ табакомъ, стояла та особенная тишина, что бываетъ только послѣ праздни-

ка, осторожно, на босу ногу вышелъ онъ въ гостиную, заботливо поднялъ нѣсколько мѣлковъ, валявшихся у раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, и слабо ахнулъ отъ восторга, взглянувъ на садъ за стеклянными дверями: на яркій блескъ холодной лазури, на серебро утренника, покрывшаго и балконъ и перила, на коричневую листву въ голыхъ заросляхъ подъ балкономъ. Онъ отворилъ дверь и потянулъ носомъ: еще горько и спиртуозно пахло изъ кустовъ осеннимъ тлѣніемъ, но этотъ запахъ терялся въ зимней свѣжести. И все было неподвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголыхъ, осыпанныхъ рѣдкимъ и мелкимъ золотомъ бѣлоствольныхъ березъ, и прелестный, радостный, неуловимо-лиловатый тонъ былъ въ этихъ бѣлыхъ съ золотомъ вершинахъ, сквозившихъ на лазури. Пробѣжала собака въ холодной тѣни подъ балкономъ, хрустя по сожженной морозомъ и точно солью осыпанной травѣ. Хрусть этотъ напомнилъ зиму — и, съ удовольствіемъ передернувъ плечами, дѣдушка вернулся въ гостиную и, затаивая дыханіе, сталъ передвигать, разставлятъ тяжелую, рычащую по полу мебель, изрѣдка поглядывая въ зеркало, гдѣ отражалось небо. Вдругъ неслышно и быстро вошелъ Герваська — безъ казакина, заспанный, «злой, какъ чортъ», какъ онъ самъ же рассказывалъ потомъ.

Онъ вошелъ и строго крикнулъ шопотомъ:

— Тише ты! Чего лѣзешь не въ свое дѣло?

Дѣдушка поднялъ возбужденное лицо и, съ той нѣжностью, которая не покидала его весь вчерашній день и всю ночь, шопотомъ отвѣтилъ:

— Вотъ видишь, какой ты, Гервасій! Я простилъ тебя вчерась, а ты, замѣсто благодарности барину...

— Надоѣлъ ты мнѣ, слюнтяй, хуже осени! — перебилъ Герваська. — Пусти.

Дѣдушка со страхомъ взглянулъ на его затылокъ, еще болѣе выступавшій теперь надъ тонкой шеей, торчавшей изъ ворота бѣлой рубахи, но вспыхнулъ и загородилъ собою ломберный столъ, который хотѣлъ тащить въ уголъ.

— Ты пусти! — мгновеніе подумавъ, негромко крикнулъ онъ. — Это ты должонъ уступить барину. Ты доведешь меня: я тебѣ кинжалъ въ бокъ всажу!

— А! — досадливо сказалъ Герваська, блеснувъ зубами, — и наотмашь ударилъ его въ грудь.

Дѣдушка поскользнулся на гладкомъ дубовомъ полу, взмахнулъ руками — и какъ разъ вискомъ ударился объ острый уголъ стола.

Увидя кровь, бессмысленно-раскосившіеся глаза и разинутый ротъ, Герваська, самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, сорвалъ еще съ теплой дѣдушкиной шеи золотой образокъ и ладанку на заношенномъ шнурѣ... оглянулся, сорвалъ и бабушкино обручальное кольцо съ мизинца... Затѣмъ неслышно и быстро вышелъ изъ гостиной — и какъ въ воду канулъ.

Единственнымъ человѣкомъ изъ всего Суходола, видѣвшимъ его послѣ этого, была Наталья.

VII.

Пока жила она въ Сошкахъ, произошло въ Суходолѣ еще два крупныхъ событія: женился Петръ Петровичъ и отправились братья охотниками въ крымскую кампанію.

Вернулась она только черезъ два года: о ней забыли. И, вернувшись, не узнала Суходола, какъ не узналъ ее и Суходолъ.

Въ тотъ лѣтній вечеръ, когда телѣга, присланная съ барскаго двора, заскрипѣла возлѣ хуторской хаты и Наташка выскочила на порогъ, Евсей Бодуля удивленно воскликнулъ:

— Ужли это ты, Наташка?

— А то кто же? — отвѣтила Наташка съ чуть замѣтной улыбкой.

И Евсей покачалъ головою:

— Добрѣ ты не хороша-то стала!

А стала она только не похожа на прежнюю: изъ стриженной дѣвчонки, круглолицой и ясноглазой, превратилась въ невысокую, худощавую, стройную дѣвку, спокойную, сдержанную и ласковую. Она была въ плахтѣ и вышитой сорочкѣ, хотя покрыта темнымъ платочкомъ по-нашему, немного смугла отъ загара и вся въ мелкихъ веснушкахъ цвѣта проса. А Евсею, истому суходольцу, и темный платокъ, и загаръ, и веснушки, конечно, казались некрасивыми.

На пути въ Суходолъ Евсей сказалъ:

— Ну, вотъ, дѣвка, и невѣстой ты стала. Хочется замужъ-то?

Она только головой помотала:

— Нѣтъ, дядя Евсей, никогда не пойду.

— Это съ какой же радости? — спросилъ Евсей и даже трубку изо рта вынулъ.

И не спѣша она пояснила: не всѣмъ же замужемъ быть; отдадутъ ее, вѣрно, барышнѣ, а барышня обрела себя Богу и, значить замужъ ее не пустить; да и сны ужъ очень явственные снились ей не разъ...

— Что жъ ты видѣла? — спросилъ Евсей.

— Да такъ, пустое, — сказала она. — Напугалъ меня тогда Герваська до-смерти, наговорилъ новостей, раздумалась я... Ну, вотъ и снилось.

— А ужли правда, завтракалъ онъ у васъ, Герваська-то?

Наташка подумала.

— Завтракалъ. Пришелъ и говорить: пришелъ я къ вамъ отъ господъ по большому дѣлу, только дайте сперва поѣсть мнѣ. Ему и накрыли, какъ путному. А онъ наѣлся, вышелъ изъ избы и мнѣ моргнулъ. Я выскочила, онъ разсказалъ мнѣ за угломъ все дочиста, да и пошелъ себѣ...

— Да что жъ ты хозяйевъ-то не кликнула?

— Эко-ся. Онъ убить пригрозилъ. До вечера не велѣлъ сказывать. А имъ сказалъ, — спать подъ анбаръ иду...

Въ Суходолѣ съ большимъ любопытствомъ глядѣла на нее вся дворня, приставали съ разпросами подружки и сверстницы по дѣвичьей. Но и подругамъ отвѣчала она все такъ же кратко и точно любуясь какой-то ролью, взятой на себя.

— Хорошо было, — повторяла она.

А разъ сказала тономъ богомолки:

— У Бога всего много. Хорошо было.

И просто, безъ промедленій вступила въ рабочую, будничную жизнь, какъ бы совсѣмъ не дивясь тому, что нѣтъ дѣдушки, что ушли молодые господа на войну охотниками, что барышня «тронулась» и бродить по комнатамъ, подражая дѣдушкѣ, что править Суходоломъ новая, всѣмъ чужая барыня, — маленькая полная, очень живая, беременная...

Барыня крикнула за обѣдомъ:

— Позовите же сюда эту... какъ ее? — Наташку.

И Наташка быстро и неслышно вошла, перекрестилась, поклонилась въ уголь, образамъ, потомъ барынь и барышнь — и стала, ожидая разспросовъ и приказаній. Разспрашивала, конечно, только барыня, — барышня, очень выросшая, похудѣвшая, востроносая, глядя своими неправдоподобно-черными глазами пристально-тупо, ни слова не проронила. Барыня же и опредѣлила ее состоять при барышнь. И она поклонилась и просто сказала:

— Слушаю-сь.

Барышня, глядя все такъ же внимательно-равнодушно, внезапно кинулась на нее вечеромъ и, яростно раскосивъ глаза, жестоко и съ наслажденіемъ изорвала ей волосы — за то, что она неумѣло дернула съ ея ноги чулокъ. Наташка по-дѣтски заплакала, но смолчала; а, выйдя въ дѣвичью, сѣвъ на коникъ и выбирая вырванные волосы, даже улыбнулась сквозь висѣвшія на рѣсницахъ слезы.

— Ну, люта-а! — сказала она. — Трудно мнѣ будетъ.

Барышня, проснувшись утромъ, долго лежала въ постели, а Наташка стояла у порога и, опустивъ голову, искоса поглядывала на ея блѣдное лицо.

— Что жъ видѣла во снѣ? — спросила барышня такъ равнодушно, точно кто-то другой говорилъ за нее.

Она отвѣтила:

— Кажись, ничего-съ.

И тогда барышня, опять такъ же внезапно, какъ вчера, вскочила съ постели, бѣшено запустила въ нее чашку съ чаемъ и, упавъ на постель, горько, съ крикомъ зарыдала. Отъ чашки Наташка увернулась — и вскорѣ научилась увертываться съ необыкновенной ловкостью. Оказалось, что глупымъ дѣвкамъ, отвѣчавшимъ на вопросъ о снахъ: «ничего-съ не видала» — барышня кричала иногда: «Ну, полги что-нибудь!» Но такъ какъ лгать Наташа была не мастерица, то и пришлось ей развивать въ себѣ другое умѣнье: увертываться.

Наконецъ къ барышнѣ привезли лѣкаря. Лѣкарь далъ много пилюль, капель. Боясь, что ее отравятъ, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку — и та безъ отказа перепробовала ихъ всѣ подъ-рядъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда узнала она, что барышня ждала ее «какъ свѣта бѣлаго»: барышня-то и вспомнила о ней — всѣ глаза проглядѣла, не ѣдутъ ли изъ Сошекъ, горячо увѣряла всѣхъ, что будетъ совсѣмъ здорова, какъ только вернется Наташка. Наташка вернулась — и встрѣчена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горькаго разочарованія? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это. Она вышла въ коридоръ, сѣла на рундукъ и опять заплакала.

— Что жъ, лучше тебѣ? — спросила барышня, когда она вошла къ ней потомъ съ опухшими глазами.

— Лучше-съ, — шопотомъ сказала Наташка, хотя отъ лѣкарствъ у нея замирало сердце и кружилась голова, и, подойдя, горячо поцѣловала руку барышни.

И долго послѣ того ходила съ опущенными рѣсницами, боясь поднять ихъ на барышню, умиленная жалостью къ ней.

— У, хохлушка подколодная! — крикнула разъ одна изъ подругъ ея по дѣвичьей, Солошка, чаще всѣхъ пытавшаяся стать наперсницей всѣхъ тайнъ и чувствъ ея и постоянно натыкавшаяся на краткіе, простые отвѣты, исключавшіе всякую прелесть дѣвичьей дружбы.

Наташка грустно усмѣхнулась.

— А что жъ, — сказала она задумчиво. — И то правда. Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я иной разъ по отцу-матери не жалкую такъ-то, какъ по хохламъ своимъ. . .

Въ Сошкахъ она сперва совсѣмъ не придавала значенія тому новому, что окружало ее. Пріѣхали подъ утро — и страннымъ показалось ей въ это утро только то, что хата очень длинна и бѣла, далеко видна среди окрестныхъ равнинъ, что хохлушка, топившая печь, поздоровалась привѣтливо, а хохоль не слушалъ Евсея. Евсей молоть безъ умолку — и о господахъ, и о Демьянѣ, и о жарѣ въ пути, и о томъ, что ѣлъ онъ въ городѣ, и о Петрѣ Петровичѣ, и, ужъ, конечно, о зеркальцѣ, — а хохоль, Шарый, или, какъ звали его въ Суходолѣ, Барсукъ, только головой моталъ и вдругъ, когда Евсей смолкъ, разсѣянно глянулъ на него и превесело занылъ подъ-нось: «Круть, верть, метелиця»... Потомъ стала она понемногу приходить въ себя — и дивоваться на Сошки, находить въ нихъ все больше

прелести и несходства съ Суходоломъ. Одна хата хохлацкая чего стоила — ея бѣлизна, ея гладкая, ровная очеретеная крыша. Какъ богато казалось въ этой хатѣ внутреннее убранство по сравненію съ неряшливымъ убожествомъ суходольскихъ избъ! Какіе дорогіе фольговые образа висѣли въ углу ея, что за дивныя бумажныя цвѣты окружали ихъ, какъ красиво пестрѣли полотенца, висѣвшія надъ ними! А узорчатая скатерть на столѣ! А ряды сизыхъ горшковъ и махоточекъ на полкахъ возлѣ печи! Но удивительнѣе всего были хозяева.

Чѣмъ они удивительны, она не совсѣмъ понимала, но чувствовала постоянно. Никогда еще не видала она такихъ опрятныхъ, спокойныхъ и ладныхъ мужиковъ, какъ Шарый. Былъ онъ невысокъ, голову имѣлъ клиномъ, стриженую, въ густомъ крѣпкомъ серебрѣ, усы, — онъ только усы носилъ, — тоже серебряные, узкіе, татарскіе, лицо и шею черныя отъ загара, въ глубокихъ морщинахъ, но тоже какихъ-то ладныхъ, определенныхъ, нужныхъ почему-то. Ходилъ онъ неловко, — тяжелы были его сапоги, — въ сапоги заправлялъ порты изъ грубаго бѣленаго холста, въ порты — такую же рубаху, широкую подъ мышками, съ отложнымъ воротомъ. На ходу гнулся слегка. Но ни эта манера, ни морщины, ни сѣдины не старили его: не было ни усталости нашей ни вялости въ его лицѣ; небольшіе глаза глядѣли остро, тонко-насмѣшливо. Старика-серба, откуда-то заходившаго однажды въ Суходоль съ мальчикомъ, игравшимъ на скрипкѣ, напомнилъ онъ Наташкѣ.

А хохлушку Марину суходольцы прозвали Копьемъ. Стройна была эта высокая пятидесятилѣтняя

женщина. Желтоватый загаръ ровно покрывалъ тонкую, не суходольскую кожу ея широкоскулага лица, грубоватаго, но почти красиваго своею прямою и строгою живостью глазъ — не то агатовыхъ, не то янтарно-сѣрыхъ, мѣнявшихся, какъ у кошки. Высокимъ тюрбаномъ лежалъ на ея головѣ большой черно-золотой, въ красномъ горошкѣ, платокъ; черная, короткая плахта, рѣзко отѣнявшая бѣлизну сорочки, плотно облежала удлиненные бедра и голени. Обувалась она на босу ногу, въ башмаки съ подковками, голыя берцы ея были тонки, но округлы, стали отъ солнца какъ полированное желто-коричневое дерево. И когда она порою пѣла за работой, сдвинувъ брови, сильнымъ груднымъ голосомъ, пѣсню объ осадѣ невѣрными Почаева, о томъ —

Як зійшла зоря вечірова
Та над Почаевом стала,

какъ сама Божья Матерь святой монастырь «рятувала», въ голосѣ ея было столько безнадежности, завыванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько величія, силы, угрозы, что Наташка не спускала въ жуткомъ восторгѣ глазъ съ нея.

Дѣтей хохлы не имѣли; Наташка была сирота. И живи она у суходольцевъ, звали бы ее дочкой пріемной, а порой и воровкой, то жалѣли бы ее, то глаза кололи. А хохлы были почти холодны, но ровны въ обращеніи, совсѣмъ не любопытны и не многорѣчивы. Осенью пригоняли на косьбу, на молотьбу калужскихъ бабъ и дѣвокъ, которыхъ звали за ихъ пестрые сарафаны «распашонками». Но распашонокъ Наташка чуждалась: слыли онѣ распутными, дурноболѣзными, бы-

ли грудасты, охальны и дерзки, ругались скверно и съ наслажденіемъ, прибаутками такъ и сыпали, на лошады сѣдѣли по-мужичьи, скакали какъ угорѣлыя. Разсѣялось бы ея горе въ привычномъ быту, въ откровенностяхъ, въ слезахъ и пѣсняхъ. Да съ кѣмъ было откровенничать или пѣсни пѣть? Распашонки затягивали свои грубыми голосами, подхватывали ихъ не въ мѣру дружно и зычно, съ ёканьемъ и свистомъ. Шарый пѣлъ только насмѣшливо-плясовое что-то. А Марина въ своихъ пѣсняхъ, даже любовныхъ, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,
Що я посадила, —

тоскливо-протяжно рассказывала она — и прибавляла, понижая голосъ, твердо и безнадежно:

Нема ,могó
Миленького,
Що я полюбила. . .

И въ одиночествѣ, медленно испила Наташка первую, горько-сладкую отраву нераздѣленной любви, перестрадала свой стыдъ, ревность, страшные и милые сны, часто снившіеся ей по ночамъ, несбыточные мечты и ожиданія, долго томившія ее въ молчаливые степные дни. Часто жгучая обида смѣнялась въ ея сердцѣ нѣжностью, страсть и отчаяніе — покорностью, желаніемъ самаго скромнаго, незамѣтнаго существованія близъ него, любви, навѣки скрытой отъ всѣхъ и ничего не ждущей, ничего не требующей. Вѣсти, новости, доходившія изъ Суходола, отрезвляли. Но не было долго вѣстей, не было ощущенія будничной су-

хододольской жизни — и начиналъ казаться Суходоль такимъ прекраснымъ, такимъ желаннымъ, что не хватало силъ терпѣть одиночество и горе. . . Вдругъ явился Герваська. Онъ торопливо-рѣзко выкинулъ ей всѣ суходольскія новости, въ полчаса рассказалъ то, что другой не сумѣлъ бы и въ день рассказать, — вплоть до того, какъ она на-смерть «толкнулъ» дѣда, и твердо сказалъ:

— Ну, а теперь прощай дѣ-вѣнку!

Онъ, прожигая ее, ошеломленную, своими глазами, крикнулъ, выходя на дорогу:

— А дурь изъ головы пора вонъ выбить! Онъ вотъ-вотъ женится, ты ему и въ любовницы не годишься. . . Образумься!

И она образумилась. Пережила страшныя новости, пришла въ себя — и образумилась.

Дни потянулись послѣ того мѣрно, скучно, какъ тѣ богомолки, что шли и шли по шоссе мимо хутора, вели, отдыхая, долгія бесѣды съ ней, учили терпѣнію да надеждѣ на Господа Бога, имя котораго произносилось тупо, жалобно, а пуще всего правилу: не думать.

— Думай, не думай — по-нашему не будетъ, — говорили богомолки, перевязывая лапти, морща измученныя лица и расслабленно глядя въ степную даль. — У Господа Бога всего много. . . Сорви-ка ты намъ, дѣвушка, лучку украдкой. . .

А инья, какъ водится, и стращали — грѣхами, тѣмъ свѣтомъ, сулили еще и не такіе бѣды и страхи. И однажды приснилось ей чуть не подъ-рядъ два ужасныхъ

сна. Все думала она о Суходолѣ, — трудно было сначала не думать-то! — думала о барышнѣ, о дѣдушкѣ, о своемъ будущемъ, гадала, выйдеть ли она замужъ, и если выйдеть, то когда, за кого... Думы такъ незамѣтно перешли однажды въ сонъ, что совершенно явственно увидала она предвечернее время знойнаго, пыльнаго, тревожно-вѣтреннаго дня и то, что бѣжитъ она на прудъ съ ведрами — и вдругъ видитъ на глинисто-сухомъ косогорѣ безобразнаго, головастаго мужика-карлика въ разбитыхъ сапогахъ, безъ шапки, со всклооченными вѣтромъ рыжими кудлами, въ распоясанной, развѣвающейся огненно-красной рубахѣ. — «Дѣдушка! — крикнула она въ тревогѣ и ужасѣ. — Ай пожаръ?» — «До шпенту все слетитъ сейчасъ! — тоже крикомъ, заглушаемымъ горячимъ вѣтромъ, отозвался карликъ. — Туча идетъ несказанная! И думать не моги замужъ собираться!» — А другой сонъ былъ и того страшнѣе: стояла она будто бы въ полдень въ жаркой пустой избѣ, припертая къ-то снаружи, замирала, ждала чего-то — и вотъ выпрыгнулъ изъ-за печки громадный сѣрый козель, вскинулся на дыбы — и прямо къ ней, непристойно возбужденный, съ горящими, какъ уголья, радостно-бѣшенными и молящими глазами. «Я твой женихъ!» — крикнулъ онъ человѣчьимъ голосомъ, быстро и неловко подбѣгая, мелко топоча маленькими задними копытцами — и съ размаху упалъ ей на грудь передними...

Вскакивая послѣ такихъ сновъ на своей постели въ сѣнцахъ, чуть не умирала она отъ сердцебиенія, отъ страха темноты и мысли, что не къ кому кинуться ей.

— Господи Иисусе, — скороговоркой шептала она. — Матушка Царица Небесная! Угодники Божіи!

Но отъ того, что всѣ угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, какъ Меркурій, дѣлалось еще страшнѣе.

Когда же стала она обдумывать сны, то въ голову стало приходить, что дѣвичьи годы ея кончены, что судьба ея уже опредѣлилась, — недаромъ выпало ей на долю нѣчто необычное, любовь къ барину! — что ждутъ ее еще какія-то испытанія, что надо подражать хохламъ въ сдержанности, а богомолкамъ — въ простотѣ и смиреніи. И, такъ какъ любятъ суходольцы играть роли, внушать себѣ непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумываютъ это должное, то взяла на себя роль и Наташка.

VIII.

У нея ноги отнялись отъ радости, когда, выскочивъ на порогъ наканунѣ Петрова дня, поняла она, что Бодуля — за нею, когда увидала она запыленную, растрепанную суходольскую телѣгу, увидала рваную шапку на лохматой головѣ Бодули, его выцвѣтшую на солнцѣ путаную бороду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное, даже непонятное какое-то въ убожествѣ и несоразмѣрности чертъ, увидала знакомаго кобеля, тоже лохматаго, имѣющаго какое-то сходство не только съ Бодулей, но со всѣмъ Суходоломъ, — мутно-сѣраго на спинѣ, а спереди, съ груди, съ густо-опушенной шеи, точно прокопченнаго темнымъ дымомъ курной избы. Но она быстро овладѣла собою. Бодуля по пути домой плелъ,

что въ голову влѣзеть, о крымской войнѣ, то какъ-будто радовался ей, то сокрушался, и Наташка разсудительно говорила:

— Что жъ, видно, надобно окоротить ихъ, французовъ-то. . .

Весь долгій день на пути къ Суходолу прошелъ въ жуткомъ ощущеніи — смотрѣть новыми глазами на старое, знакомое, переживать, приближаясь къ родному углу, прежнюю самое себя, замѣчать перемѣны, узнавать встрѣчныхъ. При поворотѣ въ Суходоль съ большой дороги, на парахъ, заросшихъ сергибусомъ, бѣгалъ третьякъ жеребенокъ: мальчишка, ставъ на веревочный поводъ босой ногой, уцѣпился за шею жеребенка и силился закинуть другую на спину, а жеребенокъ не давался, бѣгалъ, трясъ его. И Наташка радостно взволновалась, признавъ въ мальчишкѣ Оомку Пантюхина. Повстрѣчался столѣтній Назарушка, сидѣвшій въ пустой телѣгѣ уже не по-мужичьи, а по-бабьи, — съ прямо вытянутыми ногами, — съ напряженно, высоко и слабосильно поднятыми плечами, съ безцвѣтными, жалко-грустными глазами, исхудѣвшій до того, что «нечего въ гробъ положить», безъ шапки и въ длинной ветхой рубахѣ, сизой отъ золы, отъ постоянного лежанія въ печкѣ. И опять содрогнулось сердце, — вспомнилось, какъ года три тому назадъ добрѣйшій и беззаботнѣйшій Аркадій Петровичъ хотѣлъ пороть этого Назарушку, пойманнаго на огородѣ съ хвостикомъ рѣдьки и плакавшаго среди дворни, окружившей его, еле живого отъ страха, и съ хохотомъ кричавшей:

— Нѣтъ, дѣдъ, не калянься: видно, ужъ придется подгузники скидавать! Не минуешь!

А какъ забилось сердце, когда увидала она выгонъ, рядъ избъ — и усадьбу: садъ, высокую крышу дома, заднія стѣны людскихъ, амбаровъ, конюшенъ. Желтое ржаное поле, полное васильковъ, вплотную подходило къ этимъ стѣнамъ, къ бурьянамъ, татаркамъ; чей-то бѣлый въ коричневыхъ пятнахъ теленокъ тонулъ среди овсовъ, стоялъ въ нихъ, объѣдая кости. Все вокругъ было мирно, просто, обычно — все необычнѣе, все тревожнѣе становилось только въ ея умѣ, который и совсѣмъ помутился, когда шибко покатила телѣга по широкому двору, бѣлѣвшему спящими борзыми, какъ по гостѣ камнями, когда, впервые послѣ двухлѣтняго пребыванія въ избѣ, вошла она въ прохладный домъ, такъ знакомо пахнуцій восковыми свѣчами, липовымъ цвѣтомъ, буфетной, казацкимъ сѣдломъ Аркадія Петровича, валявшимся на лавкѣ въ прихожей, опустѣвшими перепелиными клѣтками, висѣвшими надъ окномъ, — и робко взглянула на Меркурія, перенесеннаго изъ дѣдушкиныхъ покоевъ въ уголь прихожей. . .

Попрежнему весело озаренъ былъ сумрачный залъ солнцемъ, свѣтившимъ изъ сада въ маленькія окна. Цыпленокъ, неизвѣстно зачѣмъ попавшій въ домъ, сиротливо пищаль, бродя по гостиной. Липовый цвѣтъ сохъ и благоухаль на горячихъ, яркихъ подоконникахъ. . . Казалось, — все старое, что окружало ее, помолодѣло, какъ всегда бываетъ это въ домахъ послѣ покойника. Во всемъ, во всемъ — и особенно въ запахахъ цвѣтовъ — чувствовалась часть ея собственной души, ея дѣтства, отрочества, первой любви. И жаль было выросшихъ, умершихъ, измѣнившихся — самое себя, барышню. Выросли ея сверстники и сверстницы. Многіе старики и старухи, качавшіе отъ дряхлости го-

ловами и порою тупо выглядывавшіе съ пороговъ людскихъ на міръ Божій, навсегда исчезли изъ этого міра. Исчезла Дарья Устиновна. Исчезъ дѣдушка, такъ по-дѣтски боявшійся смерти, думавшій, что смерть будетъ овладѣвать имъ медленно, приготавливая его къ страшному часу, и такъ неожиданно, молніеносно скошенный ея косою. И не вѣрилось, что нѣтъ его, что подъ могильнымъ бугромъ возлѣ церкви села Черкизова истлѣлъ именно онъ. Не вѣрилось, что эта черная, худая, востроносая женщина, то равнодушная, то бѣшенная, то тревожно-болтливая и откровенная съ ней, какъ съ равной, то вырывающая ей волосы, — барышня Тонечка. Непонятно было, почему хозяйствуетъ въ домѣ какая-то Клавдія Марковна, маленькая, крикливая, съ черными усиками. . . Разъ робко заглянула Наташка въ ея спальню, увидала роковое зеркальце въ серебряной оправѣ — и сладостно прихлынули къ ея сердцу всѣ ея прежнія страхи, радости, нѣжность, ожиданіе стыда и счастья, запахъ росистыхъ лопуховъ на вечерней зарѣ. . . Но всѣ чувства, всѣ помыслы затаивала, подавляла она въ себѣ. Старая старая суходольская кровь текла въ ней! Слишкомъ прѣсный хлѣбъ ѣла она съ того суглинка, что окружалъ Суходоль. Слишкомъ прѣсную воду пила изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнущей рѣчки. Ни плети, ни дыбы не боялась она; боялась только быть осмѣянной. Не пугали ее изнуряющіе будни — пугало необычное. Не страшила даже смерть; но въ трепетъ приводили сны, ночная темнота, буря, громъ и — огонь. Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она смутное ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ. . .

Это ожиданіе старило ее. Да и неустанно внушала

она себѣ, что молодость миновала, во всемъ искала доказательства тому. И не сровнялось года съ прїѣзда ея въ Суходоль, какъ уже слѣда не осталось отъ того молодого чувства, съ которымъ перешагнула она порогъ суходольскаго дома.

Родила Клавдія Марковна. Федосью-птичницу произвели въ няньки — и Федосья, женщина еще молодая, надѣла темное старушечье платье, стала смиренной, богобоязненной. Еще едва таращилъ молочные безсмысленные глазки, пускалъ пузырями слюну, беспомощно падалъ-впередъ одоѣваемый тяжестью собственной головы, и свирѣпо оралъ новый Хрущевъ. А его уже называли барчукомъ, — уже слышались изъ дѣтской старья, старья причитанія:

— Вонъ онъ, вонъ онъ, старикъ-то съ мѣшкомъ. . . Старикъ, старикъ! Не ходи къ намъ, мы не дадимъ тебѣ барчука, онъ не будетъ кричать. . .

И Наташка подражала Федосьѣ, считая себя тоже нянькой — нянькой и подругой больной барышни. Зимой умерла Ольга Кирилловна — и она выпросилась ѣхать со старухами, доживавшими свой вѣкъ въ людскихъ, на похороны, ѣла тамъ кутью, которая внушала ей отвращеніе своимъ прѣснымъ и приторнымъ вкусомъ, а воротясь въ Суходоль, съ умиленіемъ рассказывала, что лежала барыня «почесть совсѣмъ какъ живая», хотя даже старухи не рѣшались глядѣть на гробъ съ этимъ чудовищнымъ тѣломъ.

А весной привозили къ барышнѣ колдуна изъ села Чермашного, знаменитаго Клима Ерохина, благообразнаго, богатаго однодворца, съ сивой большой бородой, съ сивыми кудрями, расчесанными на прямой рядъ, очень дѣльнаго хозяина и очень разумнаго, про-

стого въ рѣчахъ обычно, но преобразавшагося въ волхва возлѣ болящихъ. На рѣдкость крѣпка и опрятна была его одежда — поддевка изъ сермяги желѣзнаго цвѣта, красная подпояска, сапоги. Хитры и зорки были его маленькіе глаза, истово искалъ онъ ими образа, осторожно, немного согнувъ свой ладный станъ, входилъ онъ въ домъ, дѣловито начиналъ разговоръ. Говорилъ онъ сперва о хлѣбахъ, о дождяхъ и засухѣ, потомъ долго, аккуратно пилъ чай, потомъ опять крестился — и уже послѣ всего этого, сразу мѣняя тонъ, спрашивалъ о болящемъ.

— Зорька. . . темнѣетъ. . . пора, — говорилъ онъ таинственно.

Барышню била лихорадка, она готова была показаться въ судорогахъ на полъ, когда, сидя въ сумеркахъ въ спальнѣ, ожидала она появленія на порогѣ Клима. Съ ногъ до головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возлѣ нея. Стихалъ весь домъ, — даже барыня набивала дѣвками свою комнату и разговаривала шопотомъ. Ни одинаго огня не смѣлъ никто зажечь, ни одинаго голоса возвысить. У веселой Солошки, дежурившей въ коридорѣ, — на случай зова, приказаній Клима, — мутилось въ глазахъ и колотилось въ горлѣ сердце. И вотъ онъ проходилъ мимо нея, развязывая на ходу платочекъ съ какими-то колдовскими косточками. Затѣмъ изъ спальни раздавался въ гробовой тишинѣ его громкій, необычный голосъ:

— Встань, раба Божія!

Затѣмъ показывалась его сивая голова изъ-за двери.

— Доску, — кидалъ онъ безжизненно.

И на доску, положенную на полъ, ставили барышню, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, похолодѣвшую, какъ покойникъ. Уже такъ темно было, что едва различала Наталья лицо Клима. И вдругъ онъ зачиналъ страннымъ, отдаленнымъ какимъ-то голосомъ:

— Взыдетъ Филать... Окна откроетъ... Двери растворитъ... Кликнетъ и скажетъ: тоска, тоска!

— Тоска, тоска! — восклицалъ онъ съ внезапной силой и грозной властью. — Ты иди, тоска, во темные лѣса, — тамъ твои мяста! На моръ, на окіанъ, — бормоталъ онъ глухой зловѣщей скороговоркой: — на моръ, на окіанъ, на островъ Буянъ лежитъ сучнища, на ей сѣрая рунища...

И чувствовала Наталья, что нѣтъ и не можетъ быть болѣе ужасныхъ словъ, чѣмъ эти, сразу переносящія всю ея душу куда-то на край дикаго, сказочнаго, первобытно-грубаго міра. И нельзя было не вѣрить въ силу ихъ, какъ не могъ не вѣрить въ нее и самъ Клима, дѣлавшій порою прямо чудеса надъ одержимыми недугомъ, — тотъ же Клима, что такъ просто и скромно говорилъ, сидя послѣ волхвованія въ прихожей, вытирая потный лобъ платочкомъ и опять принимаясь за чай:

— Ну, теперъ еще двѣ зорьки осталось... Авось, Богъ дастъ, полегчаетъ маленько... Сѣяли гречишку-то въ нонѣшнемъ годѣ, сударыня? Хороши, говорятъ, нонче гречихи! Дюже хороши!

Лѣтомъ ждали изъ Крыма хозяевъ. Но прислалъ Аркадій Петровичъ «страховое» письмо съ новымъ требованіемъ денегъ и вѣстью, что раньше начала осени нельзя имъ вернуться — по причинѣ небольшой, но требующей долгаго покоя раны Петра Петровича. По-

слали къ пророчицѣ Даниловнѣ въ Черкизово спросить, благополучно ли кончится болѣзнь. Даниловна заплясала, защелкала пальцами, что, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась. А барышнѣ и Натальѣ не до нихъ было. Барышнѣ сперва полегчало. Но съ конца Петровокъ опять началось; опять тоска и такой страхъ грозъ, пожаровъ и еще чего-то, что она затаивала, что не до братьевъ ей было. Не до нихъ стало и Натальѣ. На каждой молитвѣ она поминала Петра Петровича за здравіе, какъ потомъ всю жизнь свою, до гробовой доски, поминала его за упокой. Но барышня была ей уже ближе всѣхъ. И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданиями бѣдъ — и тѣмъ, что держала она втайнѣ.

Лѣто же было знойное, пыльное, вѣтреное, съ каждодневными грозами. По народу бродили темные, тревожные слухи — о какой-то новой войнѣ, о какихъ-то бунтахъ и пожарахъ. Одни говорили, что вотъ-вотъ отойдутъ всѣ мужики на волю, другіе, что, напротивъ, будутъ съ осени забривать въ солдаты всѣхъ мужиковъ поголовно. И, какъ водится, появились въ несмѣтномъ количествѣ бродяги, дурачки, монахи. И барышня чуть не въ драку лѣзла съ барыней изъ-за нихъ, одѣляла ихъ хлѣбомъ, яйцами. Приходилъ Дроня, длинный, рыжій, не въ мѣру оборванный. Былъ онъ просто пьяница, но игралъ блаженнаго. Онъ такъ задумчиво шелъ по двору прямо къ дому, что стучался головой въ стѣну и съ радостнымъ лицомъ отскакивалъ.

— Птушечки мои! — фальцетомъ вскрикивалъ онъ, подпрыгивая, изламывая все тѣло и правую руку, дѣ-

лая изъ нея какъ бы щитокъ отъ солнца. — Полетѣли, полетѣли по поднебесью мои птушечки!

И Наталья, подражая бабамъ, смотрѣла на него такъ, какъ и полагается смотрѣть на Божьихъ людей: тупо и жалостно. А барышня кидалась къ окну и кричала со слезами, жалкимъ голосомъ:

— Угодниче Божій Дроніе, моли Бога за мя, грѣшную!

И при этомъ крикѣ у Наташки глаза останавливались отъ страшныхъ предположеній.

Ходилъ изъ села Кличина Тимоша Кличинскій: маленькій, женоподобно-жирный, съ большими грудями, съ лицомъ косога младенца, одурѣвшаго и задыхающагося отъ полноты, желтоволосый, въ бѣлой коленкоровой рубахѣ и коротенькихъ коленкоровыхъ порточкахъ. Торопливо, мелко и съ носка ступаль онъ маленькими налитыми ножками, приближаясь къ крыльцу, и узенькіе глазки его смотрѣли такъ, точно изъ воды выскочилъ онъ или спасся отъ неминуемой гибели.

— Бяда! — бормоталь онъ, задыхаясь. — Бяда...

Его успокаивали, кормили, ждали отъ него чего-то. Но онъ молчалъ, сопѣль и жадно чавкаль. А начавкавшись, опять вскидываль мѣшокъ за спину и тревожно искаль свою длинную палку.

— Когда жъ еще придешь, Тимоша? — кричала ему барышня.

И онъ отзывался тоже крикомъ, нелѣпо-высокимъ альтомъ, зачѣмъ-то коверкая отчество барышни:

— О Святой, Лукьяновна!

И жалостно вопила вослѣдъ ему барышня:

— Угодниче Божій! Моли Бога за мя грѣшную, Марію Египетскую!

Каждый день приходили отовсюду вѣсти о бѣдахъ — о грозахъ и пожарахъ. И все возрасталъ въ Суходолѣ древній страхъ огня. Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зрѣющихъ хлѣбовъ подъ заходящей изъ-за усальбы тучей, чуть только взвивался первый вихрь по выгону и тяжело прокатывался отдаленный громъ, кидались бабы выносить на порогъ темныя дощечки иконъ, готовить горшки молока, которымъ, какъ извѣстно, скорѣй всего усмиряется огонь. А въ усадьбѣ летѣли въ крапиву ножницы, вынималось страшное завѣтное полотенце, завѣшивались окна, зажигались дрожащими руками восковыя свѣчки. . . Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхомъ даже барыня. Прежде она говорила, что гроза — «явленіе природы». Теперь она тоже крестилась и жмурилась, вскрикивала при молніяхъ, а чтобы увеличить и свой страхъ и страхъ окружающихъ, все рассказывала о какой-то необыкновенной грозѣ, разразившейся въ 1771-мъ году въ Тиролѣ и сразу убившей сто одиннадцать человекъ. А слушательницы подхватывали — торопились рассказать свое: то о ветлѣ, до тла сожженной на большой дорогѣ молніей, то о бабѣ, пришибленной на-дняхъ въ Черкизовѣ громомъ, то о какой-то тройкѣ, столь оглушенной въ пути, что вся она упала на колѣни. . . Наконецъ, къ этимъ радѣніямъ пристрѣлъ нѣкто Юшка, «провиненный монахъ», какъ онъ называлъ себя.

IX.

Родомъ Юшка былъ мужикъ. Но палець о палець не ударилъ онъ никогда, а жилъ, гдѣ Богъ пошлетъ, платя за-хлѣбъ, за-соль разсказами о своемъ полнѣйшемъ бездѣльѣ и о своей «провинности». — «Я, братъ, мужикъ, да уменъ и на горбатаго похожъ, — говорилъ онъ. — Что жъ мнѣ работать!»

И, правда, смотрѣлъ онъ какъ горбунъ — ѣдко и умно, растительности на лицѣ не имѣлъ, плечи, по причинѣ рахитизма грудной клѣтки, держалъ приподнятыми, грызъ ногти, пальцы его, которыми онъ по минутно закидывалъ назадъ длинные красно-бронзовые волосы, были тонки и сильны. Пахать показалось ему «непристойно и скучно». Вотъ онъ и пошелъ въ кievскую лавру, « подроеть тамъ » — и былъ изгнанъ «за провинность». Тогда, сообразивъ, что прикидываться странникомъ по святымъ мѣстамъ, человѣкомъ, спасающимъ душу, — старо, а можетъ оказаться и неприбыльно, попробовалъ прикинуться иначе: не снимая подрясника, сталъ открыто хвастаться своимъ бездѣльемъ и похотливостью, курить и пить сколько влѣзеть, — онъ никогда не пьянѣлъ, — издѣваться надъ лаврой и пояснять, за что именно изгнанъ онъ оттуда, при посредствѣ непристойнѣйшихъ жестовъ и тѣлодвиженій.

— Ну, извѣстно, — рассказывалъ онъ мужикамъ, подмигивая: — извѣстно, сейчасъ меня, раба Божья, за это за самое по шеѣ. Я и закатился домой, на Русь... Не пропаду моль!

И точно — не пропалъ: Русь приняла его, безстыжаго грѣшника, съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ спа-

сающихъ души: кормила, поила, пускала ночевать, съ восторгомъ слушала его.

— Такъ и зарекся ты навѣкъ работать? — спрашивали мужики, блестя глазами въ ожиданіи ѣдкихъ откровенностей.

— Чортъ меня теперь заставитъ работать! — отзывался Юшка. — Набалованъ, братъ! Яровитъ я пуще козла лаврскаго. Дѣвки эти самыя, — мнѣ бабы и даромъ не надобны! — боятся меня до-смерти, а любятъ. Да что жъ! Я и самъ хоть куда: перушкомъ не хорошъ, зато косточкой строёнъ!

Явившись въ суходольскую усадьбу, онъ, какъ человѣкъ бывалый, прямо вошелъ въ домъ, въ прихожую. Тамъ на лавкѣ сидѣла Наташка, напѣвая: «Я мела, млада, сѣнюшки, нашла себѣ сахарцу...» Увидѣвъ его, она въ ужасѣ вскочила.

— Да кто-й-то? — крикнула она.

— Человѣкъ, — отвѣтилъ Юшка, быстро оглядывая ее съ ногъ до головы. — Доложи барынѣ.

— Кто это? — крикнула и барыня изъ зала.

Но Юшка въ одну минуту успокоилъ ее: сказалъ, что онъ бывшій монахъ, а вовсе не бѣглый солдатъ, какъ она, вѣрио, подумала, что онъ возвращается на родину — и проситъ обыскать его, а затѣмъ разрѣшить ему переночевать, отдохнуть немного. И такъ поразилъ своей прямою барыню, что на другой же день могъ перебраться въ лакейскую и стать совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Шли грозы, а онъ безъ устали забавлялъ хозяекъ разсказами, придумалъ забить слуховыя окна, чтобы обезопасить крышу отъ молній, выбѣгалъ подъ самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, какъ они не страшны, по-

могаль дѣвкамъ ставить самовары. Дѣвки косились на него, чувствуя на себѣ его быстрые, похотливые взгляды, но смѣялись его шуткамъ, а Наташка, которую онъ уже не разъ останавливалъ въ темномъ коридорѣ быстрымъ шопотомъ: «влюбился я въ тебя, дѣвка!» — глазъ не смѣла на него поднять. Онъ былъ и гадокъ ей запахомъ махорки, пропитавшимъ весь его подрясникъ, и страшенъ, страшенъ.

Она уже твердо знала, что будетъ. Она спала одна, въ коридорѣ, возлѣ двери въ спальню барышни, а Юшка уже отрубилъ ей: «Приду. Хоть зарѣжь, приду. А закричишь — до тла васъ сожгу.» Но что хуже всего лишало ее силъ, такъ это сознаніе, что совершается нѣчто неминуемое, что близко осуществленіе страшнаго сна ея, что, видно, на роду написано ей погибать вмѣстѣ съ барышней. Уже всѣ понимали теперь: по ночамъ вселяется въ домъ самъ дьяволъ. Всѣ понимали, что именно, помимо грозъ и пожаровъ, съ ума сводило барышню, что заставляло ее сладко и дико стонать во снѣ, а затѣмъ вскакивать съ такими ужасными воплями, передъ которыми ничто самые оглушительные удары грома. Она вопила: «Змій эдемскій, іерусалимскій душитъ мя!» А кто же этотъ змій, какъ не чортъ, не тотъ сѣрый козель, что входитъ по ночамъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ? И есть ли что-либо въ мірѣ болѣе страшное, чѣмъ приходы его въ темнотѣ, въ ненастныя ночи съ немолчными перекатами грома и отблесками молній по чернымъ иконамъ? Та страсть, та похоть, съ которой шепталъ Наташкѣ проходимецъ, была тоже нечеловѣческая: какъ же можно было противиться ей? Думая о своемъ роковомъ, неминуемомъ часѣ, сидя ночью на полу въ ко-

ридорѣ, на своей попонкѣ, и съ бьющимися сердцемъ взглядываясь въ темноту, прислушиваясь къ каждому малѣйшему треску и шороху въ спящемъ домѣ, уже чувствовала она первые приступы той тяжелой болѣзни, что долго мучила ее впоследствии: внезапно возникалъ зудъ въ ступнѣ, проходила по ней острая, колючая судорога, гнула, крючила всѣ пальцы къ подошвѣ — и бѣжала, изувѣрски, сладострастно крутя жилы, по ногамъ, по всему тѣлу, вплоть до глотки, до того момента, когда хотѣлось вскрикнуть еще неистовѣе, еще сладостнѣе и мучительнѣе, чѣмъ вскрикивала барышня. . .

И неминуемое свершилось. Юшка пришелъ — какъ разъ въ страшную ночь конца лѣта, въ ночь подъ Илью Надѣлящаго, древняго огнеметателя. Не было грома въ ту ночь и не было сна у Наташки. Она задремала — и вдругъ какъ отъ толчка очнулась. Было самое глухое время — она поняла это своимъ безумно колотившимся сердцемъ. Она вскочила, глянула въ одинъ конецъ коридора, въ другой: со всѣхъ сторонъ вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слѣпило золотыми и блѣдно-голубыми сполохами молчаливое, полное огня и таинствъ небо. Въ прихожей поминутно дѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Она побѣжала — и остановилась, какъ вкопанная: осиновыя бревна, давно лежавшія на дворѣ за окномъ, ослѣпительно блѣбли при вспышкахъ. Она сунулась въ залъ: тамъ было одно окно поднято, слышался ровный шумъ сада, было темнѣе, но тѣмъ ярче сверкалъ огонь за всѣми стеклами, мракомъ заливалось все, но тотчасъ же опять вздрагивало, загоралось то тамъ, то тутъ, — и мелькалъ, росъ, трепеталъ и сквозилъ на огромномъ, то золо-

томъ, то бѣло-фіолетовомъ небосклонѣ весь садъ своими кружевными вершинами, призраками блѣдно-зеленыхъ березъ и тополей.

— На морѣ, на окіянь, на островѣ Буянѣ. . . — зашептала она, кидаясь назадъ и чувствуя, что совсѣмъ губить себя колдовскими заклинаніями. — Тамъ лежитъ сучнища, сѣрая рунища. . .

И лишь только сказала эти первобытно-грозныя слова, какъ увидала, обернувшись, Юшку, съ поднятыми плечами стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нея. Озарилось лицо его молніей — блѣдное, съ черными кругами глазъ. Неслышно подбѣжалъ онъ къ ней, быстро обхватилъ ее длинными руками за талію — и, сдавивъ, однимъ махомъ кинулъ сперва на колѣни, потомъ навзничь, на холодный полъ прихожей. . .

Пришелъ къ ней Юшка и на слѣдующую ночь. Ходилъ и еще много ночей, — и она, теряя сознаніе отъ ужаса и отвращенія, покорно отдавалась ему: и думать не смѣла она ни противиться, ни просить защиты у господъ, у дворни, какъ не смѣла противиться барышня дьяволу, по ночамъ наслаждавшемуся ею, какъ, говорятъ, не смѣла противиться даже сама бабушка, властная красавица, своему дворовому Ткачу, отчаянному негодяю и вору, сосланному въ концѣ концовъ въ Сибирь, на поселеніе. . . Наконецъ наскучила Наташка Юшкѣ, наскучилъ и Суходоль — и онъ такъ же внезапно исчезъ, какъ внезапно и явился.

Черезъ мѣсяць послѣ того она почувствовала себя матерью. А въ сентябрѣ, на другой день по возвращеніи молодыхъ господъ съ войны, загорѣлся и долго, страшно пылалъ суходольскій домъ: исполнилось и второе ея сновидѣніе. Загорѣлся онъ въ сумерки, въ

проливной дождь, отъ молній, отъ золотого клубка, который, какъ говорила Солошка, выскочилъ изъ печки въ дѣдушкиной спальнѣ и помчался, подпрыгивая, по всѣмъ комнатамъ. А Наталья, которая, увидавъ дымъ и огонь, со всѣхъ ногъ бѣжала отъ бани, — отъ бани, гдѣ она проводила цѣлые дни и ночи въ слезахъ, — рассказывала потомъ, что наткнулась она въ саду на кого-то, одѣтаго въ красный жупанъ и высокую казацкую шапку съ позументомъ: онъ тоже бѣжалъ со всѣхъ ногъ по мокрымъ кустамъ и лопухамъ... Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достоверно только то, что ужасъ, поразившій ее, освободилъ ее отъ будущаго ребенка.

И съ этой осени она поблекла. Жизнь ея вошла въ ту будничную колею, изъ которой она уже не выходила до самаго конца своего. Тетю Тоню свозили къ мощамъ угодника въ Воронежъ. Дьяволъ послѣ того уже не смѣлъ приближаться къ ней; и она успокоилась, стала жить, какъ всѣ, — разстройство ума и души ея сказывалось только въ блескѣ дикихъ глазъ, въ крайней неряшливости, въ бѣшенной раздражительности и тоскѣ при дурной погодѣ. Была съ нею у мощей и Наталья — и тоже обрѣла въ этой поѣздкѣ спокойствіе, разрѣшеніе всего, изъ чего, казалось, ужъ нѣтъ выхода. Въ какой трепетъ приводила ее одна мысль о встрѣчѣ съ Петромъ Петровичемъ! Какъ ни приготовлялась она къ ней, представить ее себѣ спокойно она была не въ силахъ. А Юшка, а ея позоръ, гибель! Но самая исключительность этой гибели, необычная глубина ея страданій, то роковое, что было въ ея несчастіи, — вѣдь недаромъ же почти совпалъ съ нимъ ужасъ пожара! — и полонничество къ угоднику дали

ей право просто и спокойно глядѣть въ глаза не только всѣмъ окружающимъ, но даже и Петру Петровичу: самъ Богъ отмѣтилъ ихъ съ барышней губительнымъ перстомъ Своимъ — имъ ли было бояться людей! Черничкой, смиренной и простой слугой всѣхъ, легкой и чистой, точно послѣ предсмертнаго причастія вошла она въ суходольскій домъ, возвратясь изъ Воронежа, смѣло подошла къ рукѣ Петра Петровича. И только на мгновеніе дрогнуло ея сердце молодо, нѣжно, подѣвичьи, когда коснулась она губами его маленькой смуглой руки съ бирюзовымъ перстнемъ...

Буднично стало въ Суходолѣ. Пришли опредѣленные слухи о волѣ — и вызвали даже тревогу и на дворнѣ и въ деревнѣ: что-то будетъ впереди, не хуже ли? Легко сказать — начинать жить по-новому! По-новому жить предстояло и господамъ, а они и по-старому-то не умѣли. Смерть дѣдушки, потомъ война, комета, наводившая ужасъ на всю страну, потомъ пожаръ, потомъ слухи о волѣ — все это быстро измѣнило лица и души господъ, лишило ихъ молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость другъ къ другу: начались «нелады», какъ говорилъ отецъ, дошло до татарокъ за столомъ... Нужда стала напоминать о настоятельной необходимости поправить какъ-нибудь дѣла, въ конецъ испорченныя Крымомъ, пожаромъ, долгами. А въ хозяйствѣ братья только мѣшали другъ другу. Одинъ былъ нелѣпо-жаденъ, строгъ и подозрителенъ, другой — нелѣпо-щедръ, добръ и довѣрчивъ. Столковавшись кое-какъ, рѣшились они на предпріятіе, долженствовавшее принести большой доходъ: заложили имѣніе и скупили около трехсотъ захудавшихъ лоша-

дей, — собрали ихъ чуть не со всего уѣзда при помощи какого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хотѣли выправить за зиму и съ барышомъ распродать весной. Но, истребивъ огромное количество муки и соломы, лошади почти всѣ, одна за другою, къ веснѣ поколѣли. . .

И все росъ раздоръ между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья. И неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы новое несчастіе не свалилось на Суходоль. Зимой, на четвертый годъ послѣ возвращенія своего изъ Крыма, Петръ Петровичъ уѣхалъ однажды въ Лунево, гдѣ была у него любовница. Онъ прожилъ на хуторѣ двое сутокъ, все время пилъ тамъ, хмельной и домой поѣхалъ. Было очень снѣжно; въ розвальни, покрытыя ковромъ, была запряжена пара лошадей. Петръ Петровичъ приказалъ отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюхо тонувшую въ рыхломъ снѣгу, и привязать ее къ розвальнямъ сзади, а самъ легъ, головой къ ней, спать. Наступали туманные, сизыя сумерки. И, засыпая, Петръ Петровичъ крикнулъ Евсею Бодулѣ, котораго онъ часто бралъ съ собой вмѣсто кучера Васьки Казака, боясь, что Васька убьетъ его, сильно озлобившаго противъ себя дворню побоями, крикнулъ: «пошелъ!» и ударилъ Евсея въ спину ногой. И сильный гнѣдой коренникъ, уже мокрый, дымясь и екая селезенкой, понесъ ихъ по тяжелой снѣжной дорогѣ, въ туманную муть глухого поля, навстрѣчу все густѣющей, хмурой зимней ночи. . . А въ полночь, когда уже мертвымъ сномъ спали всѣ въ Суходоль, въ окно прихожей, гдѣ ночевала Наталья, быстро и тревожно застучалъ кто-то. Она вскочила съ лав-

ки, босикомъ выбѣжала на крыльцо. У крыльца смутно темнѣли лошади, розвальни и съ кнутомъ въ рукахъ стоявшій Евсей.

— Бѣда, дѣвка, бѣда, — забормоталъ онъ глухо, странно, какъ во снѣ: — барина лошадь убила. . . пристяжная. . . Набѣжала, осунулась и — копытомъ. . . Все лицо раздавила. Онъ ужъ холодѣть сталъ. . . Не я, не я, вотъ те Христось, не я!

Молча сойдя съ крыльца, утопая въ снѣгу босыми ногами, Наталья подошла къ розвальнямъ, перекрестилась, упала на колѣни, обхватила ледяную окровавленную голову, стала цѣловать ее и на всю усадьбу кричать дико-радостнымъ крикомъ, задыхаясь отъ рыданій и хохота.

Х.

Когда случилось намъ отдыхать отъ городовъ въ тихой и нищей глуши Суходола, снова и снова рассказывала Наталья повѣсть своей погибшей жизни. И порою глаза ея темнѣли, останавливались, голосъ переходилъ въ строгій, ладный полушопоть. И все вспоминался мнѣ грубый образъ святого, висѣвшій въ углу лакейской стараго нашего дома. Обезглавленный, пришелъ святой къ согражданамъ, на рукахъ принесъ свою мертвую голову — во свидѣтельство своего повѣствованія. . .

Уже исчезали и тѣ немногіе вещественные слѣды прошлаго, что застали мы когда-то въ Суходоль. Ни портретовъ, ни писемъ, ни даже простыхъ принадлеж-

ностей своего обихода не оставили намъ наши отцы и дѣды. А что и было, погребло въ огнѣ. Долго стоялъ въ прихожей какой-то сундукъ, въ клокахъ задревяневшей и лысой тюленьей кожи, которой былъ обшитъ онъ чуть не сто лѣтъ тому назадъ, — дѣдовскій сундукъ съ выдвижными ящичками изъ корельской березы, набитый обгорѣлыми французскими вокабулами да церковными книгами, до-нельзя засаленными, закапанными воскомъ. Потомъ исчезъ и онъ. Изломалась, исчезла и тяжкая мебель, что стояла въ залѣ, гостиной. . . Домъ ветшалъ, осѣдалъ все болѣе. Всѣ тѣ долгіе годы, что прошли надъ нимъ со времени послѣднихъ событій, здѣсь рассказанныхъ, были для него годами медленнаго умиранія. . . И все легендарнѣе становилось его прошлое.

Росли суходольцы среди жизни глухой, сумрачной, но все же сложной, имѣвшей подобіе прочнаго быта и благосостоянія. Судя по косности этого быта, судя по приверженности къ нему суходольцевъ, можно было думать, что ему и конца не будетъ. Но податливы, слабы, «жидки на расправу» были они, потомки степныхъ кочевниковъ! И какъ подъ сохой, идущей по полю, одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ холмики надъ подземными ходами и норами хомяковъ, такъ же безслѣдно и быстро исчезали на нашихъ глазахъ и гнѣзда суходольскія. И обитатели ихъ гибли, разбѣгались, тѣ же, что кое-какъ уцѣлѣли, кое-какъ и коротали остатокъ дней своихъ. И мы застали уже не быть, не жизнь, а лишь воспоминанія о нихъ, полудикую простоту существованія. Все рѣже навѣщали мы съ годами нашъ степной край. И все болѣе чужимъ становился онъ для насъ, все слабѣе чувствовали мы связь съ

тѣмъ бытомъ и сословіемъ, изъ коего вышли. Многіе изъ соплеменниковъ нашихъ, какъ и мы, знатны и древни родомъ. Имена наши поминаютъ хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и «мужами именитыми», ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнѣе, какъ бы твердо говорили мы о нихъ, какъ долго еще держались бы! Не могъ бы потомокъ рыцарей сказать, что за полвѣка почти исчезло съ лица земли цѣлое сословіе, что столько насъ выродилось, сошло съ ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось гдѣ-то! Не могъ бы онъ признаться, какъ признаюсь я, что не имѣемъ мы ни даже малѣйшаго точнаго представленія о жизни не только предковъ нашихъ, но и прадедовъ, что съ каждымъ днемъ все труднѣе становится намъ вообразить даже то, что было полвѣка тому назадъ!

То мѣсто, гдѣ стояла Луневская усадьба, было уже давно распахано и засѣяно, какъ распахана, засѣяна была земля на мѣстахъ и многихъ другихъ усадьбъ. Суходоль еще кое-какъ держался. Но, вырубивъ послѣднія березы въ саду, по частямъ сбывъ почти всю пахотную землю, покинулъ ее даже самъ хозяинъ ея, сынъ Петра Петровича, — ушелъ на службу, поступилъ кондукторомъ на желѣзную дорогу. И тяжело доживали свои послѣдніе годы старыя обитательницы Суходола — Клавдія Марковна, тетя Тоня, Наталья. Смѣнялась весна лѣтомъ, лѣто осенью, осень зимою... Онѣ потеряли счетъ этимъ смѣнамъ. Онѣ жили воспоминаніями, снами, ссорами, заботами о дневномъ пропитаніи. Лѣтомъ тѣ мѣста, гдѣ прежде широко раскидывалась усадьба, тонули въ мужицкихъ ржахъ: да-

леко сталъ виденъ домъ, окруженный ими. Кустарникъ, остатокъ сада, такъ одичалъ, что перепела кричали у самага балкона. Да что лѣто! «Лѣтомъ намъ рай!» — говорили старухи. Долги, тяжки были дождливыя осени, снѣжныя зимы въ Суходолѣ. Холодно, голодно было въ пустомъ разрушающемся домѣ. Заметали его вьюги, насквозь продувалъ морозный сарматскій вѣтеръ. А топить — топили очень рѣдко. По вечерамъ скудно свѣтила изъ оконъ, изъ горницы старой барыни, — единственной жилой горницы, — жестяная лампочка. Барыня, въ очкахъ, въ полушубкѣ и валенкахъ, вязала чулокъ, наклоняясь къ ней. Наталья дремала на холодной лежанкѣ. А барышня, похожая на сибирскаго шамана, сидѣла въ своей избѣ и курила трубку. Когда не бывала тетя въ ссорѣ съ Клавдіей Марковной, ставила Клавдія Марковна лампочку свою не на столъ, а на подоконникъ. И сидѣла тетя Тоня въ странномъ слабомъ полусвѣтѣ, доходившемъ изъ дома во внутренность ея ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшимъ на-бокъ фортепіано. Такая ледяная была эта изба, что куры, на заботы о которыхъ направлены были всѣ силы тети Тони, отмораживали себѣ лапы, ночуя на этихъ черепкахъ и обломкахъ...

А теперь уже и совсѣмъ пуста суходольская усадьба. Умерли всѣ помянутые въ этой лѣтописи, всѣ сосѣди, всѣ сверстники ихъ. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свѣтѣ-то они?

Только на погостахъ чувствуешь, что было такъ; чувствуешь даже жуткую близость къ нимъ. Но и для

этого надо сдѣлать усиліе, посидѣть, подумать надъ родной могилой, — если только найдешь ее. Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могиль дѣдушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаемъ. Знаемъ только то, что мѣсто ихъ — возлѣ алтаря старенькой церкви въ селѣ Черкизовѣ. Зимой туда не проберешься: тамъ поясь сугробы, изъ которыхъ торчатъ рѣдкіе кресты и верхушки голыхъ кустовъ, прутья. Въ лѣтній день проѣдешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улицѣ, привяжешь лошадь у церковной ограды, за которой темно-зеленой стѣной стоятъ, пекутся въ зноѣ елки. За откинутой калиткой, за бѣлой церковью съ ржавымъ куполомъ — цѣлая роща невысокихъ вѣтвистыхъ вязовъ, ясени, лимовъ, всюду тѣнь и прохлада. Долго бродишь по кустамъ, буграмъ и ямамъ, покрытымъ тонкой кладбищенской травой, по каменнымъ плитамъ, почти ушедшимъ въ землю, пористымъ отъ дождей, поросшимъ чернымъ разсыпчатымъ мохомъ. . . Вотъ два-три желѣзныхъ памятника. Но чьи они? Такъ зелено-золотисты стали они, что уже не прочесть надписей на нихъ. Подъ какими же буграми кости бабушки, дѣдушки? А Богъ вѣдаетъ! Знаешь только одно: вотъ гдѣ-то здѣсь, близко. И сидишь, думаешь, силясь представить себѣ всѣми забытыхъ Хрущевыхъ. И то безконечно далекимъ, то такимъ близкимъ начинаетъ казаться ихъ время. Тогда съ радостью говоришь себѣ:

— Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вотъ этотъ покосившійся золоченый крестъ въ синемъ лѣтнемъ небѣ и при нихъ былъ тотъ же. . . что такъ же желтѣла, зрѣла рожь въ поляхъ, пустыхъ и знойныхъ, а здѣсь была тѣнь, прохлада,

кусты. . . и въ кустахъ этихъ такъ же бродила, паслась
вотъ такая же, какъ эта, старая бѣлая кляча съ облѣз-
лой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копы-
тами.

С. Васильевское. 1911.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БОГЪ

Дуль съ моря бризъ и мѣсяцъ чистымъ рогомъ
Стоялъ за длинной улицей села.
Отъ хаты тѣнь лежала за порогомъ,
А хата блѣдно-бѣлою была.

Дуль южный бризъ и ночь была тепла.
На отмеляхъ, на берегу отлогомъ,
Волна, шумя, вела бесѣду съ Богомъ,
Не поднимая соннаго чела.

И мѣсяцъ наклонялся къ балкѣ темной,
Грустя, свѣтилъ на скалы, на погость.
А Богъ былъ ясенъ, радостенъ и простъ.

Онъ въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездомной —
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба, чистой и огромной.

7. VI. 08.

САВАОӨЪ

Я помню сумракъ каменныхъ аркадъ,
Въ срединѣ свѣтъ — и красный блескъ атласа
Въ сквозномъ узорѣ старыхъ царскихъ вратъ,
На золотой стѣнѣ иконостаса.

Я помню куполь грубо-голубой:
Тамъ Саваоөъ, съ простертыми руками,
Надъ скудною и темною толпой,
Царилъ межъ звѣздъ, повитыхъ облаками.

Быль вечеръ, мартъ, сіяла синева .
Изъ узкихъ оконъ, въ куполѣ пробитыхъ,
Мертво звучали древнія слова.

Весенній отблескъ былъ на скользкихъ плитахъ —
И грозная сѣдая Голова
Текла межъ звѣздъ, туманами повитыхъ.

28. VII. 08.

ГАЛЬЦІОНА

Когда въ волнѣ мелькнулъ онъ мертвымъ ликомъ,
Къ нему на сердце кинулась она —
И высоко, съ двойнымъ звенящимъ крикомъ,
Двухъ бѣлыхъ чашекъ вынесла волна.

Когда зимой, на этомъ взморьѣ дикомъ,
Крутая зыбь мутна и солонна,
Онѣ скользятъ въ ея пучину съ крикомъ —
И высоко выносятъ ихъ волна.

Но есть семь дней: смолкаетъ Гальціона,
И для нея щадитъ пловцовъ Эоль.
Какъ серебро, свѣтло морское лоно,

Чернѣетъ степь, на солнцѣ дремлетъ вошь.
Семь мирныхъ дней проводитъ Гальціона
Въ камняхъ, въ гнѣздѣ. И внуковъ ждетъ Эоль.

28. VII. 08.

ВЪ АРХИПЕЛАГЪ

Осенній день въ лиловой крупной зыби
Блисталъ, какъ мѣдь. Эоль и Посейдонъ
Вели въ снастяхъ пѣвучій долгій стонъ,
И нашъ корабль нырялъ подобно рыбѣ.

Вдали былъ мысъ. Высоко на изгибѣ,
Сквозя, вставалъ неровный рядъ колоннъ.
Но пѣсня рей меня клонила въ сонъ —
Корабль нырялъ въ лиловой крупной зыби.

Не все-ль равно, что это старый храмъ,
Что на мысу — забытый портикъ Феба!
Запомнилъ я лишь рядъ колоннъ да небо.

Дымъ облаковъ курился по горамъ,
Пустынный мысъ былъ схожъ съ ковригой хлѣба.
Я жилъ во снѣ. Боговъ творилъ я самъ.

12. VIII. 08.

БОГЪ ПОЛДНЯ

Я черныхъ козъ пасла съ маньшой сестрой
Межъ красныхъ скалъ, колючихъ травъ и глины.
Заливъ былъ синь. И камни, грѣя спины,
На жаркомъ солнцѣ спали подъ горой.

Я прилегла въ сухую тѣнь маслины
Съ корявой серебристою корой —
И онъ сошелъ какъ мухъ звенящій рой,
Какъ свѣтъ сквозной горячей паутины.

Онъ озарилъ мнѣ ноги. Обнажилъ
Ихъ до колѣнъ. На серебрѣ рубашки
Горѣлъ огнемъ. И навзничъ положилъ.

Его объятъя сладостны и тяжки.
Онъ мнѣ сосцы загаромъ окружилъ
И научилъ варить настой ромашки.

12. VIII. 08.

ГОРНЫЙ ЛѢСЪ

Вечерній часъ. Въ долину тѣнь сползла.
Сосною пахнетъ. Чисто и глубоко
Надъ лѣсомъ небо. Млечный змѣй потока
Шуршитъ слышнѣй вдоль бѣлаго русла.

Слышнѣй звенить далекій плачь козла.
Острѣй стрскочетъ легкая сорока.
Гора, весь день глядѣвшая съ востока,
Свой алый пикъ высоко унесла.

На ней молились Волчьему Зевесу.
Не разъ, не разъ съ вершины этихъ скалъ
И дымъ вставалъ, и пѣли гимны лѣсу,
И мѣдный ножъ въ рукахъ жреца сверкалъ.

Я тихо поднялъ древнюю завѣсу.
Я въ храмъ отцовъ забытый путь искалъ.

14. VIII. 08.

ІЕРИХОНЪ

Скользять, текутъ огни зеленыхъ мухъ.
Надъ Мертвымъ моремъ знойно и туманно
Отъ блеска звѣздъ. Песокъ вдали — какъ манна.
И смутный гуль, дрожа, колдуетъ слухъ.

То ропоть жабъ. Онъ длится неустанно,
Зоветъ, томить... Но часъ полночный глухъ.
Внимаетъ имъ, быть можетъ, только Духъ
Среди камней въ пустынь Іоанна.

Тамъ, между звѣздъ, чернѣетъ острый пикъ
Горы Поста. Чуть теплится лампадка.
Внизу истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнутъ. Сахарный тростникъ
Горитъ отъ мухъ... И дремлетъ Лихорадка,
Подъ жабій бредъ откинувъ блѣдный ликъ.

14. VIII. 08.

КАРАВАНЪ

Звонъ на верблюдахъ, ровный, полусонный,
Звонъ бубенцовъ подобенъ роднику:
Течеть, течеть струею отдаленной,
Баюкая дорожную тоску.

Давно затихъ базаръ неугомонный.
Луна межъ пальмъ сіяетъ по песку.
Подъ этотъ звонъ, глухой и однотонный,
Вожакъ прилежъ на жесткую луку.

Вотъ потянуло вѣтромъ, и свѣжѣе
Вздохнула ночь... Какъ сладко спать въ сѣдлѣ,
Прильнувъ лицомъ къ верблюжьей теплой шеѣ!

Луна зашла. Поетъ пѣтухъ въ Рамлэ.
И млечной синью горы Іудеи
Свой зыбкій кряжъ означили во мглѣ.

15. VIII. 08.

ДОЛИНА ІОСАФАТА

Отрада смерти страждущимъ дана.
Вы побѣлѣли, странники, отъ пыли,
Среди враговъ, въ чужихъ краяхъ вы были.
Но вотъ вамъ отдыхъ, миръ и тишина.

Гора полдневнымъ солнцемъ сожжена,
Русло Кедрона вѣтры изсушили.
Но въ прахъ отцовъ вы посохи сложили,
Васъ обрѣла родимая страна.

Въ ней спять цари, пророки и левиты.
Въ блаженныя обители ея
Всѣхъ, что въ плѣну и что мечомъ убиты,
Сбираетъ милосердный Судія.

По жесткимъ склонамъ каменные плиты
Стоять раскрытой книгой бытія.

20. VIII. 08.

БЕДУИНЪ

За Мертвымъ моремъ — пепельныя грани
Чуть видныхъ горъ. Полдневный часъ, обѣдъ.
Онъ выкупалъ кобылу въ Іорданѣ
И сѣлъ курить. Песокъ какъ мѣдъ нагрѣтъ.

За Мертвымъ моремъ, въ солнечномъ туманѣ,
Течетъ миражъ. Въ долину — зной и свѣтъ,
Воркуетъ дикій голубь. На герани,
На олеандрахъ — вешній алый цвѣтъ.

И онъ дремотно ноетъ, воспѣвая
Зной, олеандръ, герань и тамариксъ.
Сидитъ какъ ястребъ. Пѣгая абая

Сползаетъ съ плечъ. . . Поэтъ, разбойникъ, гиксъ.
Вотъ закурилъ — и радъ, что съ тонкимъ дымомъ
Сравнить въ стихахъ вершины за Сиддимомъ.

20. VIII. 08.

ЛЮЦИФЕРЪ

Въ святой Софіи голуби летали,
Гнусиль мулла. Эректеонъ былъ нѣмъ.
И боги гомерическихъ поэмъ
Въ пустыхъ музеяхъ стыли и скучали.

Великій Сфинксъ, исполненный печали,
Лежалъ въ пескахъ. Израиль, чуждый всѣмъ,
Сбиралъ, рыдая, ржавыя скрижали.
Христосъ покинулъ жадный Вифлеемъ.

Вотъ Рай, Ливанъ. Разсвѣтъ горитъ багряно.
Снѣгъ горъ — какъ шелкъ. По скатамъ изъ пещеръ
Текутъ стада. Въ лугахъ — моря тумана...

Миръ Авеля! Дни чистыхъ дѣтскихъ вѣръ!
Изъ-за нагихъ хребтовъ Антиливана
Блится, угасая, Люциферъ.

20. VIII. 08.

ИМРУ-УЛЬ-КАЙСЪ

Ушли съ разсвѣтомъ. Опустѣли
Песчаные бугры.
Ползъ синій дымъ. И угли кровью рдѣли
Тамъ, гдѣ вчера чернѣли ихъ шатры.
Я слѣзъ съ сѣдла — и пряный запахъ дыма
Меня обвѣялъ теплотой.
При блескѣ солнца былъ невыразимо
Красивъ огонь прозрачно-золотой.

Долина сѣрая, нагая,
Какъ пахъ осла. Въ колодезь гниль и грязь.
Изъ-за бугровъ моря текутъ, сверкая
И мутно серебрясь.
Но тутъ семь дней жила моя подруга:
Я слѣлъ на холмъ, гдѣ былъ ея наметъ.
Тутъ вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и юга —
Онъ милый слѣдъ не замететь.

Ночь тишиной и мракомъ истомила.
Когда конецъ?
Ночь, какъ верблюдъ, легла и отдалила
Отъ головы крестецъ.
Песокъ остылъ. Холодный, безотвѣтный,
Скользитъ въ рукѣ, какъ змѣй.
Горитъ, играетъ перстень самоцвѣтный —
Звѣзда любви моей.

21. VIII. 08.

ЗА ДАМАСКОМЪ

Щебечуть пестрокрылыя чекканки
На глиняныхъ могильныхъ бугоркахъ.
Дорога въ Мекку. Древнія стоянки
Въ пустынь, въ зноѣ и пескахъ. . .

Гдѣ вы, хаджи? Гдѣ ваши дромадеры?
Вдали слюдой блестятъ солончаки.
Кругомъ погость. Бугры рогаты, сѣры,
Какъ голыхъ сѣдель арчаки.

22. VIII. 08.

Открыты окна. Въ бѣлой мастерской
Слѣды отъѣзда: соръ, клочки конверта.
Въ углу стоитъ прямой скелетъ мольберта.
Изъ оконъ тянетъ свѣжестью морской.

Дни все свѣтлѣй, все тише, золотистѣй —
И ни полямъ, ни морю нѣтъ конца.
Съ корявой, старой груши у крыльца
Спадають розовые листья.

28. VIII. 08.

ТУМАНЪ

Сумрачно, скучно свѣтаетъ заря.
Пахнетъ листвою и мокрыми гумнами.
Воютъ и тянуть за рогомъ псаря
Гончія сворами шумными.

Тянуть, стихаютъ — и тонуть слѣды
Въ темномъ туманѣ. Людская чутъ курится.
Сонно въ осинникѣ квохчуть дрозды.
Чаща и дремлетъ и хмурится.

И до печальныхъ вечернихъ огней
Въ морѣ туманныхъ лѣсовъ, за долинами,
Будетъ стонать все скучнѣй и скучнѣй
Рогъ голосами звѣриными.

25. VIII. 09.

ПОСЛѢ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ

На темномъ рейдѣ струнный ладъ,
Огни и пѣсни въ Катанеѣ. . .
Въ дни скорби любимъ мы нѣжиѣ,
Канцоны сладостнѣй звучать.

И величаво-одинокъ
На звѣздномъ небѣ конусъ Этны,
Гдѣ таетъ блѣдный, чуть замѣтный,
Чуть розовѣющій вѣнокъ.

15. IV. 09.

Въ мелколъсьи иѣло глухо, строго,
Вмѣстѣ съ ночью туча надвигалась,
По кустамъ, на тучу, шла дорога,
На вѣтру листва, дрожа, мѣшалась. . .
Лѣшій зорко въ темь глядѣлъ съ порога.

Онъ сидѣлъ и слушалъ, какъ кукушки
Хриплымъ смѣхомъ гдѣ-то хохотали,
Какъ визжали совы и съ опушки,
Послѣ блеска, гулы долетали. . .
Дѣдъ-колдунъ, какъ мертвый, спалъ въ избушкѣ.

Одностволка на столѣ лежала
Вмѣстѣ съ жесткой, черной коркой хлѣба,
Какъ бѣльмо, окошко отражало
Скудный свѣтъ нахмуреннаго неба. . .
Надъ окошкомъ шарило, шуршало.

И пока шуршало, дѣду снилось,
Что въ печуркѣ, гдѣ лежатъ онучи,
Загорѣлось: тлѣетъ, задымилось. . .
•И сухимъ огнемъ сверкали тучи
И въ стекло угрюмо муха билась.

25. V. 09.

СЪНОКОСЪ

Среди двора, въ батистовой рубашкѣ,
Стоялъ барчукъ и, щурясь, звалъ: «Корней!»
Но дворъ былъ пустъ. Двѣ пѣгя дворняжки,
Щенки, катались въ сѣнѣ. Все синѣй
Надъ крышами и садомъ небо млѣло,
Какъ сказочная сонная рѣка,
Все горячѣй палило зноемъ тѣло,
Все радостнѣй бѣлѣли облака
И все душнѣй благоухало сѣно. . .

«Корней, сѣдай!» — Но нѣтъ, Корней въ лѣсу,
Осталась только скотница Елена
Да пчельникъ Дронѣ. . . Щенокъ замялъ осу
И сѣно взрылъ. . . Молочный голубь комомъ
Упалъ на крышу скотнаго варка. . .
Вездѣ открыты окна. . . А надъ домомъ
Такъ серебрится тополь, такъ ярка
Листва вверху — какъ будто изъ металла,
И воробьи шныряютъ то изъ зала,
Въ тѣнистый палисадникъ, въ бересклетъ,
То снова въ залъ. . . Покой, лазурь и свѣтъ. . .

Въ конюшнѣ полусумракъ и прохладно,
Навозомъ пахнетъ, сбруей, лошадьми,
Касаточки щебечутъ. . . И Ами,

Соскучившись, тихонько ржетъ и жадно
Косить свой глазъ лилово-золотой
Въ рѣшетчатую дверку. . . Стременами
Звенить барчукъ, поднявъ сѣдло съ уздой,
Кладеть, подпруги ловить — и ушами
Прядеть Ами, вдругъ сдѣлавшись стройнѣй
И выходя на солнце. Тамъ къ кадушкѣ
Склоняется, — блескъ, небо видитъ въ ней
И долго пѣть. . . И солнце жжетъ подушки,
Луку, потникъ, играя въ серебрѣ. . .

А черезъ часъ заходятъ побирушки:
Слѣпой и мальчикъ. Оба на дворѣ
Сидятъ какъ дома. Мальчикъ босоногій
Заглядываетъ въ окна, на порогѣ
Стоитъ и медлитъ. . . Робко входитъ въ залъ,
Съ восторгомъ смотритъ въ свѣтлый мѣръ зеркалъ,
Касается до клавишъ фортепьяно —
И, вздрогнувъ, замираетъ: звонко, странно
И весело въ хоромехъ! — На балконъ
Открыта дверь, и солнце жаркимъ свѣтомъ
Зажгло паркетъ, и глубоко паркетомъ
Зеркальный отблескъ двери отраженъ,
И воробьи крикливою станицей
Прносятся у самага стекла
За золотой, сверкающею птицей,
За иволгой, скользящей, какъ стрѣла.

з. VII. 09.

СОБАКА

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклѣй
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный дворъ, на снѣгъ, прилипшій къ рамѣ,
На метлы гулкихъ, дымныхъ тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплѣй
У ногъ моихъ — и думаешь. . . Мы сами
Томимъ себя — тоской иныхъ полей,
Иныхъ пустынь. . . за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мнѣ:
Сѣдое небо, тундры, льды и чумы
Въ твоей студеной дикой сторонѣ.

Но я всегда дѣлю съ тобою думы:
Я человекъ: какъ богъ, я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

4. VIII. 09.

МОГИЛА ВЪ СКАЛѢ

То было въ полдень, въ Нубіи, на Нилѣ.
Пробили входъ, затеплили огни —
И на полу преддверія, въ тѣни,
На голубомъ и тонкомъ словъ пыли,
Нашли живой и четкій слѣдъ ступни.

Я, путникъ, видѣлъ это. Я въ могилѣ
Дышалъ тепломъ сухихъ камней. Они
Сокрытое пять тысячъ лѣтъ хранили.

Былъ нѣкій день, былъ нѣкій краткій часъ,
Прощальный мигъ, когда въ послѣдній разъ
Вздохнулъ здѣсь тотъ, кто узкою стопою
Въ атласный прахъ вдавилъ свой узкій слѣдъ.

Тотъ мигъ воскресъ. И на пять тысячъ лѣтъ
Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

6. VIII. 09.

ПОЛНОЧЬ

Ноябрь, сырая полночь. Городокъ,
Весь мѣловой, весь блѣдный подъ луною,
Подавленъ безотвѣтной тишиною.
Приливный шумъ торжественно-широкъ.

На мачтѣ коменданта флагъ намокъ.
Вверху, надъ самой мачтой, надъ сквозною
И мутной мглой, бѣгущей на востокъ,
Скользить луна зеркальной бѣлизною.

Иду къ обрывамъ. Шумъ грознѣе. Свѣтъ
Таинственнѣй, тусклѣе и печальнѣй.
Волна качаетъ свай подъ купальней.

Вдали — сѣдая бездна. Моря нѣтъ.
И валуны, въ шипящей сѣрой пѣнѣ,
Блестятъ внизу, какъ спящіе тюлени.

6. VIII. 09.

РАЗСВѢТЪ

Какъ стая птицъ, въ пустынь одиноко
Блѣдетъ фортъ. За нимъ — пески, страна
Нагихъ бугровъ. На золотъ востока
Четка и фіолетова она.

Рейдъ солнца ждетъ. Изъ черныхъ трубъ «Мароко»
Восходитъ дымъ. Зеленая волна
Стальнойю сажей, блестками полна,
Качаетъ мѣрно, плавно и широко.

Вотъ первый лучъ. Всѣ окна на борту
Зажглись огнемъ. Вотъ паръ взлетѣлъ — и трубы
Призывно заревѣли въ высоту.

Поднявъ весло, гребець оскалилъ зубы:
Какъ нѣжно плачетъ колоколь въ порту
Подъ этотъ ревъ торжественный и грубый!

13. VIII. 09.

ПОЛДЕНЬ

Горить хрусталь, горить рубинъ въ винѣ,
Звѣздой дрожить на скатерти въ салонѣ.
Послѣдній островъ тонетъ въ небосклонѣ,
Гдѣ зной и блескъ слились въ горячемъ снѣ.

На бакѣ бризъ. Тамъ, на носу, на фонѣ
Сухихъ небесъ, на жуткой крутизнѣ,
Сидитъ ливіецъ въ бѣломъ балахонѣ,
Глядитъ на снѣгъ, кипящій въ глубинѣ.

И влажный шумъ надъ этой влажной бездной
Клонитъ въ дремѣ. И острый ржавый носъ,
Не торопясь, своей броней желѣзной
Въ снѣгу взрѣзаетъ синій купоросъ.

Сквозь купоросъ, сквозь радугу отъ пыли,
Струясь, краснѣетъ киноварь на килѣ.

14. VIII. 09.

ВЕЧЕРЪ

О счастье́ мы всегда лишь вспоминаемъ.
А счастье́ всюду. Можетъ-быть, оно
Вотъ этотъ садъ осенній за сараемъ
И чистый воздухъ, льющійся въ окно.

Въ бездонномъ небѣ легкимъ бѣлымъ краемъ
Встаетъ, сіяетъ облако. Давно
Слѣжу за нимъ... Мы мало видимъ, знаемъ,
А счастье́ только знающимъ дано.

Окно открыто. Пискнула и сѣла
На подоконникъ птичка. И отъ книгъ
Усталый взглядъ я отвожу на мигъ.

День вечерѣтъ, небо опустѣло.
Гуль молотилки слышенъ на гумнѣ...
Я вижу, слышу, счастливъ. Все во мнѣ.

14. VIII. 09.

ВЪ РОЩѢ

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ — живые бугорки.
Вдругъ пѣгая лягавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ? Плетенка съ костяникомъ.
А на березѣ дѣвочка — и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ
Дугой береза бѣлая склонилась —
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачался на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ. . . Младенчески-безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый. . . Вся пестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла —
И жизнь была небесно хороша.

15. VIII. 09.

ЦИКАДЫ

Прибрежный хрящъ и голые обрывы
Степныхъ равнинъ луной озарены.
Хрустальный звонъ сливается съ небомъ нивы.

Цвѣты, колосья, травы имъ полны,
Онъ ни на мигъ не молкнетъ, но не будить
Безстрастной предразсвѣтной тишины.

Ночь стелеть тѣнь и влажный берегъ студить,
Ночь тянетъ вдаль свой неводъ золотой —
И скоро блескъ померкнетъ и убудетъ.

Но степь поетъ. Какъ колосья налитой,
Полна душа. Земля зоветъ: спѣшите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

Отъ блѣдныхъ звѣздъ раскинутыхъ въ зенитѣ,
И до земли, гдѣ стынетъ лунный сонъ,
Текутъ хрустально-трепетныя нити.

Изъ сонма жизней сотканъ этотъ звонъ.

10. IX. 10.

Въ поляхъ сухіе стебли кукурузы,
Слѣды колесъ и блеклая ботва.
Въ холодномъ морѣ — блѣдныя медузы
И красная подводная трава.

Поля и осень. Море и нагіе
Обрывы скалъ. Вотъ ночь, и мы идемъ
На темный берегъ. Въ морѣ — летаргія
Во всемъ великомъ таинствѣ своемъ.

«Ты видишь воду?» — «Вижу только ртутный
Туманный блескъ. . .» Ни неба, ни земли.
Лишь звѣздный блескъ виситъ подъ нами — въ мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

12. IX. 10.

ПРИ ДОРОГѢ

Окно по ночамъ голубое,
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплющенный мѣсяцъ
Какъ тусклое блещетъ пятно.

Дѣдъ рано ложится, а внучкѣ
Неволя: лежи и не спи
Да думай отъ скуки. А долги
Осеннія ночи въ степи!

Вчера чумаки проходили
По шляху подъ хатой. Была
Морозная полночь. Блестѣли
Колеса, рога у вола.

Тянулась арба за арбою,
И мѣсяцъ глядѣлъ какъ живой
На шляхъ, на шагавшія тѣни,
На борозды съ мерзлой ботвой...

У Каспія тони, тамъ хватитъ
Работы на всѣхъ — и давно
Ушла бы туда съ чумаками,
Да мило кривое окно.

28. I. 11.

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Восходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріиль, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ фиміамѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ.

Инд. океанъ
25. II. 11.

Мелькаютъ дали, черныя, слѣпыя,
Мелькаетъ океана мертвый ликъ:
Богъ разверзаетъ бездны голубыя,
Но лишь на краткій мигъ.

«Да будетъ свѣтъ!» Но гаснетъ свѣтъ, и сонный,
Тяжелый гуль растетъ вослѣдъ за нимъ:
Богъ, въ довременный хаосъ погруженный,
Мракъ потрясаетъ ропотомъ своимъ.

26. II. 11.

ЗОВЪ

Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ,
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ вантъ, — какъ вѣрятъ моряки
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья:
На новые пути, на новыя скитанья
Велятъ они вставать — въ тѣ страны, въ тѣ моря,
Гдѣ только бы тогда я кинулъ якоря,
Когда-бъ завѣтную увидѣлъ Атлантиду.
Въ родныя гавани во-вѣки я не вниду,
Но знаю, что и мнѣ, въ предсмертныхъ снахъ моихъ,
Все будетъ снится сѣть канатовъ смоляныхъ
Надъ бездной голубой, надъ зыбью океана:
Да чутко встану я на голосъ Капитана!

8. VII. 11.

СОДЕРЖАНІЕ:

Подторжъе	7
Деревня	17
Суходоль	193
Стихотворенія	275

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON